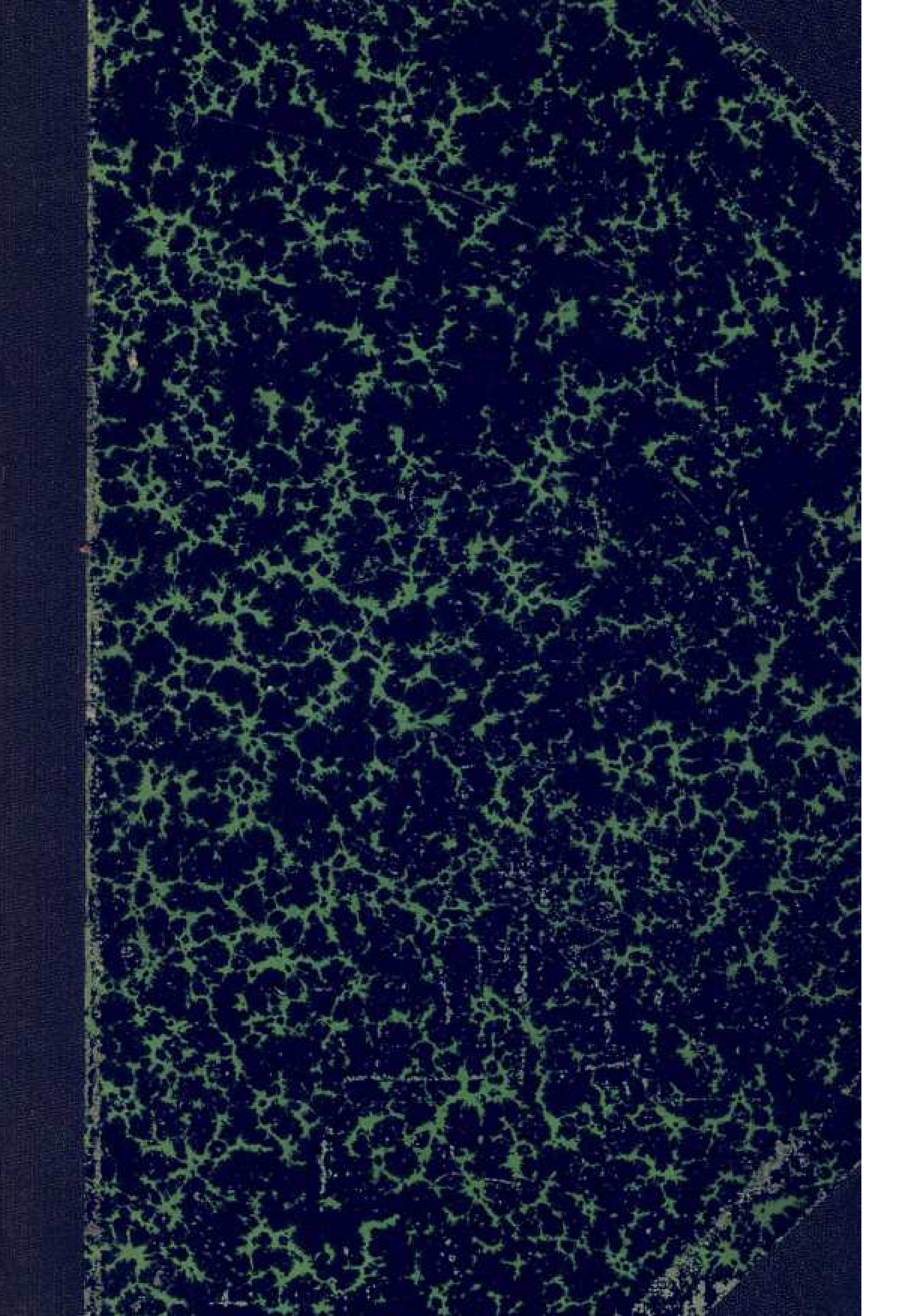

И. Акифьевъ.

На далекій Сѣверъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА КРУГОСВѢТНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

От Петербурга до Нью-Іорка. — Въ Америкѣ. — По Великому океану. — По берегамъ Чукотскаго полуострова. — Аляска. — По берегамъ Чукотскаго полуострова. — Нашъ арестъ въ Номѣ. — Освобожденіе изъ плѣна. — Сахалинъ. — Отъ Сахалина до Владивостока. — Японія.

Съ 37 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія «Евгенія Тиле премн.», Адмиралтейскій каналъ, № 17.
1904.

И. Акифьевъ.

На далекій Сѣверъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА КРУГОСВѢТНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

Отъ Петербурга до Нью-Іорка. — Въ Америкѣ. — По Великому океану. — По берегамъ Чукотскаго полуострова. — Аляска. — По берегамъ Чукотскаго полуострова. — Нашъ арестъ въ Номѣ. — Освобожденіе изъ плѣна. — Сахалинъ. — Отъ Сахалина до Владивостока. — Японія.

Съ 37 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія «Евгенія Тиле премн.», Адмиралтейскій каналъ, № 17.
1904.

Н. Анифьевъ.

На Далекій Сѣверъ.

Изъ дневника кругосвѣтнаго путешествія.

Отъ Петербурга до Нью-Іорка. — Въ Америкѣ. — По Великому океану. — По берегамъ Чукотскаго полуострова. — Арктика — По берегамъ Чукотскаго полуострова. — Нашъ арестъ въ Номѣ. — Освобожденіе изъ плѣна. — Сахалинъ. — Отъ Сахалина до Владивостока. — Японія.

Съ 37 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія «Евгенія Тиле преемн.», Адмиралтейскій каналъ, № 12.

1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I.

Отъ Петербурга до Нью-Іорка.

18 апрѣля 1900 г. Исполнилось мое желаніе, наконецъ, попасть на дальній сѣверъ, и вотъ поѣздъ стрѣлой летитъ по рельсамъ, унося насъ изъ Петербурга. Мы ѣдемъ на западъ, чтобы попасть на дальній сѣверо-востокъ. Намъ предстоитъ теперь добраться до Лондона, чтобы оттуда переплыть Атлантическій океанъ, перерѣзать поперекъ Сѣв. Америку и затѣмъ изъ С.-Франциско уже идти къ Чукотскому полуострову. То есть, чтобы попасть съ одного конца Россіи на другой, мы предпочли проѣхать черезъ Европу, Америку, переплыть два океана.

— „Неужели это удобнѣе?"—спрашиваютъ насъ.

Безъ сомнѣнія. Вѣдь, если мы возьмемъ путь черезъ Индѣйскій океанъ на нашемъ добровольцѣ, то придется потратить около 50 дней отъ Петербурга до Владивостока. Отъ Петербурга же до С.-Франциско черезъ Америку всего около 20 дней. По отношенію къ Чукотскому носу Владивостокъ и С.-Франциско находятся почти въ одинаковомъ положеніи. Такимъ образомъ, если ѣхать черезъ Владивостокъ, мы теряемъ цѣлый мѣсяцъ. Пока еще не открыто сухопутное сообщеніе съ Владивостокомъ, т. е. я хочу сказать, болѣе удобное, чѣмъ теперь, до тѣхъ поръ изъ Россіи въ Россію будетъ удобнѣе попадать черезъ Америку. Мнѣ надо было два года тому назадъ попасть изъ Петербурга во Владивостокъ какъ можно скорѣе. Дѣйствительно, я ѣхалъ около мѣсяца, но чего это стоило. Сколько было истрачено и денегъ, и здоровья.

Итакъ мы ѣдемъ на Чукотскій полуостровъ искать золото. Два года тому назадъ было найдено богатое золото на берегу Аляски около мыса Номъ, золото удивительное. Его можно брать прямо съ берега моря безъ всякихъ инструментовъ кромѣ заступа и лотка; конечно это вызвало золотую лихорадку и берегъ около Кэп-Нома быстро наполнился народомъ. Такъ какъ Аляска отъ Чукотскаго носа отдѣляется только не широкимъ Беринговымъ проливомъ и, кромѣ того, золото было найдено на Камчаткѣ и берегахъ Охотскаго моря, то возникло предположеніе о возможности нахожденія золота и на Чукотскомъ полуостровѣ.

И американцы пытались тамъ искать золото. Каковы были результаты ихъ поисковъ, хорошенько не извѣстно, но вопросъ о золотѣ на Чукотскомъ полуостровѣ проникъ на Лондонскую и Нью-Іоркскую биржу и заинтересовалъ капиталистовъ. Иностранцы явились въ Петербургъ и обратились къ русскому правительству съ просьбой дать имъ права концессіи на Чукотскій полуостровъ.

Съ такой же просьбой обратился и г. В-ій, и ему, какъ русскому, было оказано предпочтеніе передъ иностранцами. Ему была дана концессія на поиски и добываніе золота на всемъ полуостровѣ срокомъ на 5 лѣтъ; если же онъ поставитъ дѣло и работы будутъ производиться, то срокъ концессіи увеличится. В-му было разрѣшено принять въ компанію иностранные капиталы, и это было ему удобно вотъ почему. Берега Чукотскаго полуострова совсѣмъ не охраняются, военныя суда заходятъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, поэтому доступъ къ нимъ весьма удобенъ для иностранцевъ и очевидно хищническія партіи американскихъ золотоискателей проникли бы сюда, и маленькая русская экспедиція могла бы имѣть столкновенія съ хищниками, и своими слабыми средствами не могла бы помѣшать имъ. Когда же въ компанію привлечены были иностранные капиталисты, то можно было надѣяться, что они сами позаботятся въ своихъ интересахъ объ охранѣ области концессіи отъ нашествія хищниковъ.

Такимъ компаньономъ явился англичанинъ Бекеръ, заключившій съ В-мъ условіе на три года. Они вмѣстѣ обдумали планъ экспедиціи и рѣшили такъ. Экспедиція будетъ смѣшанная: начальникомъ экспедиціи долженъ быть русскій инженеръ, при

немъ русскіе помощники и рабочіе, и кромѣ того инженеръ англичанинъ съ своими двумя помощниками. Бекеръ взялъ на себя хлопоты относительно найма судна для экспедиціи. Рѣшено было зафрахтовать судно въ С.-Франциско, и оттуда уже на своемъ суднѣ ѣхать на сѣверъ.

Вотъ это было другой причиной, почему мы ѣдемъ черезъ Америку.

Насъ ѣдетъ шесть человѣкъ и кромѣ того провожаетъ до Лондона нашъ концессіонеръ В-ій, съ своей супругой, которые оттуда поѣдутъ на парижскую выставку.

И я разсчитывалъ попасть на выставку, но теперь вмѣсто этого попаду на сѣверъ.

Вотъ мои спутники. Начальникъ экспедиціи горный инженеръ Карлъ Ивановичъ Богдановичъ, извѣстный своими путешествіями въ средней Азіи и Камчаткѣ. Годъ тому назадъ онъ возвращался изъ экспедиціи по Камчаткѣ, гдѣ онъ пробылъ цѣлыхъ три года, на французскомъ суднѣ, на которомъ и я возвращался изъ экспедиціи въ Корею. Тутъ мы познакомились. К. И. блондинъ, небольшого роста, съ умнымъ, очень нервнымъ лицомъ. Очевидно, экспедиціи не прошли безъ слѣда для его здоровья. Онъ молчаливъ, но иногда увлекается и говоритъ очень интересно. Съ нимъ ѣдетъ его жена, неразлучная подруга въ его путешествіяхъ. Надо удивляться, какъ она, только что проведя три года въ снѣгахъ Камчатки, испытавъ много трудовъ и лишеній, разстроивъ свое здоровье, такъ какъ и ее нельзя назвать совсѣмъ здоровой, ѣдетъ опять на сѣверъ, зная, что ее тамъ ожидаетъ и непогода, и холодъ, и всякія дорожныя непріятности и неудобства. Но теперь пока она очень ажитирована и весело собирается въ дальній путь.

Кромѣ нихъ съ нами ѣдетъ Алекс. Геннадьевичъ Мягковъ, бывшій горный студентъ, молодой человѣкъ, высокій, здоровый, много работавшій на желѣзнодорожныхъ изысканіяхъ въ Россіи и Сибири и теперь съ великимъ удовольствіемъ ѣдущій въ экспедицію.

Такое же впечатлѣніе производитъ и нашъ новый знакомый Альфредъ Марковичъ Макферсонъ, ѣдущій съ нами въ качествѣ переводчика и мастера на всѣ руки. Это высокій, сухожильный сѣдой человѣкъ, но полный энергіи и жизни. Онъ англичанинъ

по происхожденію, по образованію механикъ, родился въ Петербургѣ, учился въ Англіи, много путешествовалъ, говоритъ на пяти языкахъ совершенно свободно и правильно, какъ на своемъ родномъ. Онъ здоровъ, силенъ, веселъ, любитъ компанію, и мы скоро разговорились съ нимъ за стаканчикомъ винца.

Еще съ нами ѣдетъ одинъ терскій казакъ, осетинъ, Николай С. въ качествѣ вѣрнаго человѣка. Онъ былъ раньше тоже въ экспедиціи въ С. Корею, гдѣ и показалъ свою пригодность.

Наконецъ, я — врачъ экспедиціи и большой любитель путешествій.

Мы очень торопимся, чтобы не потерять ни часа времени: поэтому нашъ поѣздъ nord-expresse, т. е. самый дорогой поѣздъ. Билетъ отъ Петерберга до Лондона стоитъ 150 рублей, а времени противъ обыкновеннаго курьерскаго поѣзда выигрывается только 12 час. и пересадки есть. Вагонъ очень хорошо отдѣланъ, хотя купэ для двоихъ очень тѣсное. Имѣется въ поѣздѣ и вагонъ-ресторанъ, но цѣны тамъ довольно таки солидныя. Вообще, собственно говоря, лучше было бы выѣхать на 1 сутки раньше на курьерскомъ.

21 апрѣля. Вотъ мы уже почти какъ сутки въ Лондонѣ. Сижу въ reading room гостинницы Charing Crosse Hotel и вспоминаю эти два дня.

19-го утромъ мы переѣхали нашу границу, въ Эйдкуненѣ, и тутъ же выпили первую кружку пива на чужой землѣ. Пришлось пересаживаться въ нѣмецкіе вагоны, которые оказались гораздо удобнѣе русскихъ. Мы съ Александр. Геннадьев. заняли цѣлое четырехмѣстное купэ, свѣтлое, съ большими окнами.

Только что мы тронулись, пришелъ кельнеръ и предложилъ намъ позавтракать. Съ перваго же блюда видно было, что мы уже не въ Россіи. На закуску подали по сардинкѣ и кусочку колбасы, дальше шла опять колбаса, кусочекъ судака и еще кусочекъ какого-то полусухого мяса и за это около 5 марокъ. И дорого, и вовсе не мило. Полбутылки пива 80 пф. (40 коп.), это въ Германіи то, въ странѣ пива и колбасы. Однимъ словомъ, и дороже, и гораздо хуже, чѣмъ у насъ. Къ тому же кельнеръ хотѣлъ обсчитать Альфреда Марковича; тотъ его немедленно поймалъ, тогда онъ хотѣлъ было обсчитать насъ, но и мы его уличили. Онъ остался крайне недоволенъ и съ видомъ

оскорбленной невинности ушелъ. И обсчитывалъ то онъ съ необыкновенно гордымъ и независимымъ видомъ. Вотъ и говорите о нѣмецкой щепетильности и честности.

Въ сутки мы проѣхали черезъ всю Германію и попали въ Бельгію. Здѣсь на границѣ нашъ багажъ совсѣмъ не осматривали, спросили только:—„куда ѣдете?"

— „Въ Лондонъ".

— „Ладно"—и кончена ревизія.

Бельгія произвела на меня большее впечатлѣніе, чѣмъ Германія. Быть можетъ потому, что послѣднюю я уже не первый разъ проѣзжалъ, или потому, что дѣйствительно скучна однообразная картина равнины, по шаблону распаханной и раздѣленной на правильные участки шоссейными дорогами. Дороги эти аккуратно обсажены по бокамъ деревьями. Куда ни взглянешь, вездѣ разбросаны красные домики однообразной архитектуры. Нѣтъ такого мѣста, откуда не было бы видно ни одного домика. Вообще, Германія необыкновенно напоминаетъ шахматную доску громадныхъ размѣровъ. Если вы закроете глаза и попробуете въ умѣ нарисовать нѣмецкій пейзажъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія вы получили здѣсь, и затѣмъ черезъ часъ откроете, то почти навѣрное можно сказать, что нарисованная вами картина совпадаетъ съ дѣйствительною. До такой степени все шаблонно. Сами нѣмцы до тошноты однообразны. На кого ни взглянешь, всѣ тѣ же бритыя лица, усы совершенно неестественно поднятые къ верху и распушенные, на подобіе кошачьихъ, тѣ же поднятые плечи и колесомъ выпяченная грудь, необыкновенно самодовольная и неподвижная походка, въ лицахъ что-то олимпійское, какъ у нашихъ частныхъ приставовъ или столоначальниковъ полицейскихъ управленій. Масса формъ, довольно однообразныхъ. Однимъ словомъ, поѣздка по Германіи можетъ также наскучить, какъ поѣздка, напримѣръ, у насъ по Барабинской степи.

Бельгія производитъ тоже довольно похожее впечатлѣніе, но здѣсь природа разнообразнѣе, мѣстами встрѣчаются горы, поѣздъ идетъ тоннелями, населеніе еще гуще: то и дѣло попадаются города. Курьезный видъ производятъ маленькіе садики передъ домами, съ десяткомъ маленькихъ тощихъ деревьевъ. Это похоже на то, какъ у насъ дѣти, играя, дѣлаютъ садики; расчистятъ небол-

шое пространство и натыкають рядами вѣтки. Вотъ въ этомъ родѣ и здѣсь. И странное дѣло, мнѣ бы не хотѣлось здѣсь жить, не смотря на всю культуру. Хорошо все это, очень даже хорошо, пожалуй, черезчуръ хорошо для некультурнаго русскаго человѣка. Я заскучалъ бы здѣсь, какъ Садко у морского царя. Вспомнишь наши необозримыя степи, дремучіе лѣса Сибири, Урала, величавыя вершины Кавказа, Алтая, и душно становится среди этой строгой культурной, скованной природы.

Въ Брюсселѣ намъ пришлось пересѣсть, такъ какъ прямой поѣздъ пошелъ на Остенде, а наши билеты были взяты на Кале. Пересѣли мы прямо въ вагонъ-столовую, такъ какъ другого вагона собственно и не было. Тѣснота страшная — удобства никакого. Входя въ вагонъ, я нашелъ около одного кресла на полу монашескія четки съ образкомъ Лурдской Божьей матери. Обратился я къ публикѣ, не потерялъ-ли кто. Нѣтъ, всѣ отказываются и говорятъ, что это мое счастіе, и что это принесетъ мнѣ удачу въ путешествіи.

Около 4 часовъ поѣздъ подошелъ къ набережной въ Кале, гдѣ уже покачивался небольшой колесный пароходъ, на который мы и перебрались. Часъ спустя пришелъ еще поѣздъ изъ Парижа съ массой публики. Пароходъ оказался совершенно набитъ народомъ: весь низъ, всѣ каюты, вся палуба наполнены сынами и дщерями туманнаго Альбіона. И удивительно некрасивы и непривлекательны эти островитяне, особенно женщины. Фигуры у дѣвицъ высокія, тощія, какъ палки, безъ всякихъ формъ, движенія такія же рѣзкія и угловатыя, какъ и фигуры. Черты лица острыя, какія-то птичьи или лошадиныя, длинный острый носъ, длинные зубы, рыжіе волосы; выраженіе лица жесткое. Мужчины красивѣе, они крупны ростомъ, здоровы, но отвратительна ихъ манера держаться: что-то вродѣ манекена. Нашъ багажъ контролировали тутъ же на пароходѣ и, не осматривая, наклеили вездѣ таможенныя марки. Только что мы отошли отъ берега, какъ пароходъ стало качать и волны покатились черезъ палубу. Я ушелъ ближе къ носу и, найдя закрытое мѣсто, сѣлъ и смотрѣлъ на зеленоватыя волны, сердито бросающіяся на палубу. Качка увеличивалась и дамы одна за другой начали блѣднѣть и исчезать внизъ, гдѣ уже образовалось нѣчто вродѣ холернаго лазарета. Со всѣхъ сторонъ слышались стоны и еще

другіе, весьма не гармоничные, звуки. Черезъ нѣсколько минутъ и мужчины присоединились къ этому хору, и странно было видѣть, какъ мучаются знаменитые мореплаватели, островитяне, а жители материка, степей, совершенно не привычные къ морю, остаются здоровыми и спокойными.

Черезъ полтора часа мы были уже въ Дуврѣ. „Прощай, материкъ", завтра скажемъ: „прощай, Старый свѣтъ"! Послѣднія впечатлѣнія Стараго свѣта были хорошія: Англія мнѣ понравилась. Изъ Бельгіи, гдѣ каждый кусочекъ земли утилизированъ, распаханъ такъ, что полежать негдѣ, какъ мы выражались, мы сразу попали въ страну скотоводства. По обѣ стороны полотна желѣзной дороги тянутся луга, раздѣленные на участки рядами деревьевъ.

Луга ровные, покрытые сочной травой. На нихъ тамъ и самъ пасутся бараны, лошади, коровы, и весь этотъ скотъ великолѣпный, породистый.

Большіе участки отведены также подъ культуру хмеля, который здѣсь въ большомъ количествѣ идетъ на производство портера и эля. Населеніе какъ будто не такъ густо, какъ въ Бельгіи, но и здѣсь поѣздъ то и дѣло пробѣгаетъ черезъ небольшіе городки и селенія. Постройки ихъ очень оригинальны и довольно красивы. Дома не высокіе, обыкновенно въ два, три этажа, очень небольшіе и сверху до низу раздѣлены стѣнками на двѣ или на три части. Каждая часть представляетъ отдѣльную квартиру. Въ этомъ разница между материкомъ и Англіею. У насъ въ Европѣ квартира занимаетъ обыкновенно одинъ этажъ, или вѣрнѣе находится въ одномъ этажѣ, и считается не совсѣмъ удобно, если половина въ одномъ, а половина въ другомъ. Въ Англіи же наоборотъ: квартира занимаетъ по нѣскольку комнатъ во всѣхъ этажахъ. Въ перегородкахъ заложены отверстія дымовыхъ трубъ, открывающихся цѣлымъ рядомъ отверстій въ крышѣ, которая покрыта трубами, какъ щетиной.

Въ Лондонъ мы попали поздно вечеромъ; долго ѣхали по городу, но въ темнотѣ ничего не видали. Остановились, какъ я говорилъ уже, въ Charing Cross Hotel, находящійся при вокзалѣ того же имени. Большой багажъ у насъ пропустили, также не осматривая. Помѣстились мы втроемъ въ одной комнатѣ. Альфредъ Марков. отдѣльно на кровати, мы же съ Алекс. Геннад. принуж-

дены были помѣститься на одной громадной кровати. На другой день съ утра, мы съ Алекс. Ген., съ Бедекеромъ въ рукахъ, уже осматривали городъ, такъ какъ времени у насъ не было, былъ только одинъ день, въ который мы должны были и осмотрѣть городъ, и отдохнуть. Городъ огромный и, чтобы осмотрѣть его, надо пожить въ немъ; поэтому—другого впечатлѣнія я не получилъ, кромѣ того, что городъ большой, туманный.

23 апрѣля (5 мая). Вотъ уже мы въ Атлантическомъ океанѣ. Молніей пронеслись по Европѣ, вчера поѣздъ примчалъ насъ изъ Лондона въ Ливерпуль, гдѣ мы и сѣли на пароходъ. Нашъ пароходъ огромный, четырехъ-этажный пароходъ „Campania" Gunard Company. Его длина 610 фут., ходитъ maximum 22½ узла.

Это какой то огромный домъ. Впечатлѣніе парохода совершенно теряется. Отдѣланъ онъ превосходно: въ обширной столовой подъ нижней палубой помѣщается пять длинныхъ столовъ, да еще по бокамъ отдѣльные столики на 10 человѣкъ. Одинъ изъ такихъ столиковъ мы и заняли. Отдѣлана вся столовая краснымъ деревомъ, устлана коврами. Надъ столовой помѣщается музыкальный залъ. Средину занимаетъ фонарь столовой, а вокругъ его разставлена мебель. Вся мебель такъ же, какъ и рояль, и органъ сдѣлана изъ какого-то бѣлаго дерева, вродѣ корельской березы, имъ же отдѣланы и стѣны столовой. На верхней же палубѣ находится курилка и читальня. Послѣдняя пришлась на самомъ носу, и потому во время качки сидѣть въ ней не особенно пріятно. Палуба для пассажировъ перваго класса большая, просторная. По стѣнамъ разставлены раздвижныя кресла для пассажировъ. За право пользованія кресломъ во время перехода платится 4 шиллинга. Все было бы хорошо, но что касается каютъ, самаго насущнаго вопроса, тутъ ни о какомъ комфортѣ и говорить не приходится. Намъ троимъ: мнѣ, Алекс. Ген. и Альфреду Марк. отвели такую маленькую каюту, что мы едва могли стоять втроемъ. Для двоихъ еще были койки, а третьему приходилось спать подъ иллюминаторомъ на диванѣ. И за эту каюту съ насъ взяли 75 фунтовъ стерлинговъ, т. е. больше 700 рублей за переходъ въ 6 сутокъ. Цѣна поразительно большая и за такую цѣну могли бы, кажется, давать пассажирамъ болѣе удобствъ. Пришлось обратиться къ Бекеру, который ѣдетъ

съ нами, и имѣетъ, кажется, здѣсь вѣсъ. Благодаря его содѣйствію, Альфреду Марковичу отвели отдѣльную каюту, а мы остались вдвоемъ.

Наша компанія увеличилась. Прибавился Бекеръ, компаньонъ нашего В-аго, человѣкъ среднихъ лѣтъ, изящный, вѣжливый, но какъ видно себѣ на умѣ.

Затѣмъ американецъ Робертсъ 72 лѣтъ, дряхлый старикъ, съ сѣдой бородой клинушкомъ и подслѣповатыми глазками, но, говорятъ, знатокъ золотого дѣла. Онъ ѣдетъ въ качествѣ консультанта. Говорятъ, у него три раза было состояніе въ 6 милліоновъ долларовъ и три раза онъ его терялъ. Теперь у него ничего нѣтъ, и очевидно этой экспедиціей онъ хочетъ поправить свои дѣла. Рядомъ съ нимъ сидитъ молодой человѣкъ, довольно пріятной наружности, американецъ Дауленъ; онъ ѣдетъ въ качествѣ помощника инженера Рикарда, котораго мы должны встрѣтить въ С.-Франциско; кто онъ такой неизвѣстно. Наконецъ, еще г. Стернъ, очень приличный пожилой господинъ, съ замѣчательно мягкими кошачьими манерами, необыкновенно предупредительный, но, судя по глазамъ, выраженію лица, еврей. Какое онъ имѣетъ отношеніе къ нашей экспедиціи, неизвѣстно. Всѣ мы сидимъ за однимъ отдѣльнымъ столомъ, между собой разговариваемъ мало, такъ какъ мы не говоримъ по англійски, а они не знаютъ ни русскаго, ни французскаго, исключая Бекера, говорящаго по-французски.

29 апрѣля (11 мая). Вотъ уже скоро мы подойдемъ къ Америкѣ. Ну, нечего сказать, океанъ насъ не побаловалъ: третьяго дня былъ форменный штормъ, вчера вечеромъ тоже, такъ что мы вмѣсто 500 миль, дѣлаемъ въ сутки только 350—400 миль. Дай Богъ, только завтра къ вечеру добраться до Нью-Іорка.

Третьяго дня утромъ я вышелъ наверхъ и былъ буквально пораженъ величественнымъ и суровымъ видомъ океана. Волны огромныя, сѣдыя, бѣшено неслись на нашъ пароходъ, желая его смять, раздавить, но онъ ловко поднимался на вершины ихъ, и нырялъ куда то глубоко, глубоко. Говорятъ сегодня, утромъ онъ такъ нырнулъ, что весь зарылся въ волну, пришлось уменьшить ходъ до малаго. Вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ и дробью сыпалъ холодныя соленыя капли на палубу и въ окна. Пароходъ стоналъ, трещалъ, вездѣ лилась вода; какъ ни высокъ нашъ па-

роходъ, а все же его часто заливало съ верхомъ. А вверху вѣтеръ пронзительно вылъ въ снастяхъ, наводя тоску. Публика уже лежала по каютамъ, и оттуда неслись непріятные звуки. Алекс. Генн. то же укачало и онъ не выходитъ на верхъ. Самое непріятное—это, сидя или лежа у себя въ каютѣ, ощущать, какъ пароходъ съ вершины волны быстро летитъ внизъ. Ощущеніе получается такое, какъ будто полъ исчезаетъ изъ подъ вашихъ ногъ, койка куда то падаетъ и вы съ ней падаете въ какую-то пропасть. Вотъ въ это то время въ головѣ и въ желудкѣ происходитъ что то странное и очень непріятное. Я по своему опыту знаю, что лучше во время качки или ходить, или уже лечь и лежать недвижимо и постараться заснуть. Многіе не могутъ ни ѣсть, ни пить во время качки и они больше всѣхъ страдаютъ. Алекс. Геннад. тоже не можетъ ни пить, ни ѣсть, пробовалъ ѣсть апельсины, и тѣ не можетъ. Я теперь смѣюсь, что онъ изнѣжился, избаловался до того, что апельсиновъ даже не перевариваетъ. Нужно ѣсть черезъ силу, и если пища не удержится — снова ѣсть. Я все это продѣлываю и чувствую себя прекрасно. Ухитрился даже потолстѣть за эти пять дней. Собственно говоря, потолстѣть при такомъ режимѣ не трудно. Въ половинѣ девятаго васъ будитъ труба, приглашая пожаловать къ завтраку—breakfast. Съѣдаете вы столько, сколько хотите и чего хотите, выборъ блюдъ громадный, хотя нельзя сказать, чтобы было очень вкусно. Мое мнѣніе, что съ нашей русской кухней, напр., на волжскихъ пароходахъ или у Тѣстова въ Москвѣ, никакая кухня на сѣверномъ полушаріи сравниться не можетъ. Итакъ, утромъ васъ накормятъ основательно. Въ 12 часовъ обносятъ бульономъ изъ курицы или изъ говядины. Въ часъ снова кормятъ, опять безконечное количество блюдъ — это luncheon. Въ пять часовъ—чай, въ семь—обѣдъ. Такимъ образомъ цѣлый день проходитъ въ ѣдѣ. Развлеченія не много. Вечера здѣсь обыкновенно проводятъ такъ же чинно и тоскливо, какъ и дни. Дамы лежатъ въ креслахъ на палубѣ, завернувъ ноги пледами, а мужчины въ smoking-room курятъ и пьютъ виски. Удидивительно приспособленный у нихъ этотъ напитокъ apollinaris wisky: и передъ ѣдой, и послѣ, однимъ словомъ, во всякое время дня и ночи они пьютъ его, и нѣкоторые весьма изрядно.

Вчера устроили благотворительный концертъ, который далъ сбору 60 фунт. стерл., т. е. 600 руб. Если-бы у насъ благотворительные концерты давали такой сборъ; а то, если нѣтъ въ числѣ участвующихъ какой нибудь звѣзды, едва концы съ концами сводятся, а говорятъ: сошло удачно. Очень ужъ русскіе требовательны, привыкли къ критикѣ и уже не могутъ безъ нея обходиться. Это конечно имѣетъ свои хорошія стороны: у насъ строже требованія къ пѣнію и музыкѣ, и у насъ онѣ стоятъ гораздо выше. Но за то съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ слушаютъ здѣсь своихъ, очень не мудрыхъ, чтобы не сказать больше, пѣвцовъ и пѣвицъ, какъ отъ души апплодируютъ! Меня тоже просили спѣть какую нибудь русскую пѣсню, я согласился, но мой аккомпаніаторъ Ал. Генн. какъ разъ свалился и заснулъ, такъ я и не участвовалъ. Въ курилкѣ свои развлеченія. Играютъ на скорость парохода. Надо сказать, что тутъ ѣдетъ цѣлая компанія евреевъ, въ которой находится даже одинъ слонимскій мѣщанинъ, бѣжавшій отъ воинской повинности въ Америку и живущій здѣсь уже 25 лѣтъ. Эта-то компанія и затѣяла игру. Она состоитъ вотъ въ чемъ: пароходъ проходитъ въ среднемъ 480 миль въ сутки. Дѣлаютъ 20 билетовъ выше и ниже этой цифры. Все, что лежитъ выше цифры послѣдняго билета, продается особо, точно также и то, что ниже. Но такъ какъ билетовъ количество ограниченное, а желающихъ играть много, то билеты продаются съ аукціона и цѣна повышается разъ въ 5 и больше. На другой день въ полдень становится извѣстнымъ пройденное за сутки разстояніе, и у кого цифра на билетѣ подходитъ, получаетъ деньги. Существуетъ еще видъ игры. Дѣлаютъ десять билетовъ и на каждомъ ставится одна цифра до нуля. И выигрываетъ тотъ, у кого была цифра такая же, какая была послѣдняя цифра въ пройденномъ за сутки разстояніи.

Я наблюдалъ за тремя играми и всѣ три раза выиграли евреи. Вѣдь, вотъ, сказали ли бы вы, что евреи такіе опытные мореплаватели, а такъ выходитъ.

Больше интереснаго ничего нѣтъ, а сегодня хоть на палубу не выходи: вѣтеръ страшный, холодный; брызги такъ и летятъ на палубу. Въ салонѣ тѣ же чинные разговоры. Въ курилкѣ виски и карты. Одно хорошо, что мы скоро доѣдемъ, и я въ первый разъ увижу Новый свѣтъ.

ГЛАВА II.

Въ Америкѣ.

Нью-Іоркъ — Вашингтонъ. — С.-Франциско. — Снаряженіе въ экспедицію.

---

5 (18) мая. Усталъ; раздѣлся и хочу передъ сномъ записать свои впечатлѣнія. Ихъ такъ много, что онѣ перепутались, а записывать времени не хватаетъ. Теперь мы въ Вашингтонѣ и уже прожили здѣсь три дня, а завтра ѣдемъ дальше. Отъ Нью-Іорка у меня осталось только впечатлѣніе шума, движенія. Пріѣхали мы туда ночью. Вся рѣка была покрыта тысячами огней, которые то стояли на одномъ мѣстѣ, то двигались. Ежеминутно съ одного берега на другой переходили пароходы довольно оригинальной конструкціи. На верху на палубѣ были какія-то коромысла, которыя покачивались. Онѣ были соединены съ поршнями отъ цилиндровъ, вертикально стоящихъ. Пароходы были полны народомъ, ярко освѣщены и казались издали свѣтлыми фонарями иллюминаціи. Мы пристали къ берегу не скоро. Нашъ гигантъ не могъ свободно поворачиваться, и потому около пристани онъ остановился; на помощь къ нему прибѣжали два маленькихъ пароходика и уперлись въ него, одинъ въ носъ, другой въ корму; такимъ образомъ „Campania" была повернута. Громадное зданіе таможни наполнилось народомъ. Багажа было очень много, и чтобы не спутать его они выдумали очень остроумный пріемъ: вы выбираете какую нибудь букву и этой буквой помѣчаете весь вашъ багажъ. Носильщики, выгружая багажъ, вносятъ его въ залъ, гдѣ по стѣнамъ прибиты буквы въ алфавитномъ порядкѣ, и подъ соотвѣтствующей буквой склады-

ваютъ вашъ багажъ. Случается, конечно, что въ суматохѣ они и ошибаются, но въ общемъ, при массѣ багажа и пассажировъ все-таки порядокъ есть.

Къ полуночи насъ наконецъ освободили и мы отправились въ отель. Нашъ отель — Вальдорфъ Асторія — лучшій въ Нью-Іоркѣ. Онъ очень хорошъ: чистота, порядокъ, ванны, подъемныя машины, залы для музыки, громадныя столовыя, корридоры, по которымъ всегда гуляетъ много публики. Все это прекрасно, но довольно таки стѣснительно. Это стѣсненіе сразу же почувствовалось. Въ столовой, гдѣ почти безъ исключенія всѣ мужчины курили сигары и папиросы, наша спутница послѣ обѣда закурила папиросу. Тотчасъ же подошелъ лакей и сказалъ Альфреду Марковичу какъ старшему, что это не принято здѣсь. Странное дѣло. У насъ дамы, хотя и немногія, курятъ свободно, гдѣ захотятъ, а здѣсь дамы въ публичномъ мѣстѣ не курятъ, хотя очень многія курятъ у себя дома, да и выпиваютъ тайкомъ. Цѣны за номера и продовольствіе весьма солидныя, но нельзя сказать, чтобы очень вкусно кормили. Мы съ Ал. Генн. и Альфр. Марк. на другой же день нашли себѣ подходящій небольшой ресторанчикъ и съ удовольствіемъ обѣдали и ужинали тамъ. На другой же день утромъ мы спустились въ столовую и тамъ встрѣтили Даулена. Онъ показалъ газету, которая вышла рано утромъ. Тамъ уже было напечатано о нашемъ пріѣздѣ, о нашей экспедиціи, причемъ было много неправды и много лишняго. К. Ив., увидавъ эту газету, разсердился и сказалъ объ этомъ Бекеру, который сдѣлалъ видъ, что и онъ остался недоволенъ.

„Если, это, говоритъ, Дауленъ (онъ почему то подозрѣвалъ его), тогда я безъ всякихъ разговоровъ откажу ему отъ мѣста". Но я скорѣе готовъ допустить, что эта статья написана со словъ Робертса. Мы занимались тѣмъ, что бродили по городу. Собственно, онъ ничѣмъ не отличается отъ большихъ торговыхъ городовъ. Только здѣсь есть большіе многоэтажные дома, какъ зубы торчащіе среди другихъ. Въ одномъ мы насчитали 26 этажей. Это и некрасиво, и я думаю не особенно пріятно жить въ 26 этажѣ, хотя высота здѣсь ничего не значитъ: въ каждомъ домѣ подъемная машина. Улицы грязныя, можно думать, что ихъ никогда не метутъ, движеніе страшное. По улицамъ одинъ

за другимъ летятъ вагончики. Шумъ и грохотъ колесъ, безпрестанные звонки, мельканіе передъ глазами вагончиковъ, все это оглушаетъ, ошеломляетъ непривычнаго человѣка. Мало того, что по мостовымъ проложены въ нѣсколько рядовъ рельсы, вагоны ходятъ еще надъ головой, по рельсамъ, уложеннымъ на столбахъ. Огромныя, слонообразныя лошади везутъ страшные, громадные воза, тротуары полны народомъ. На перекресткахъ, гдѣ сходятся нѣсколько линій, просто удивляешься, какъ это все не перепутается, не столкнется, но полисмены однимъ взмахомъ своей магической палочки останавливаютъ мгновенно все движеніе и очень предупредительно провожаютъ пѣшеходовъ черезъ улицу, а дамъ даже проводятъ подъ руку.

Думали было мы съ Ал. Генн. отсюда ѣхать посмотрѣть Ніагарскій водопадъ, но обстоятельства сложились такъ, что К. Ив. посовѣтовалъ намъ всѣмъ вмѣстѣ ѣхать въ Вашингтонъ. Жалко было очень отказаться отъ этой поѣздки, но, нѣтъ худа безъ добра, и я теперь доволенъ тѣмъ, что попалъ въ Вашингтонъ. Это лучшій городъ изъ всѣхъ, какіе мнѣ пришлось видѣть до сихъ поръ. Вашингтонъ построенъ правильно, такъ что достаточно посмотрѣть на планъ, чтобы уже свободно оріентироваться. Центръ города — Капитолій — холмъ, на которомъ построены чудныя зданія — парламентъ и библіотека. Отъ него идутъ къ сѣверу, югу, востоку и западу прямыя улицы, такъ и называемыя Capitol-street и т. д. Затѣмъ улицы, идущія въ направленіи NS, обозначаются цифрами въ порядкѣ, начиная отъ Капитолія въ обѣ стороны, а имѣющія направленіе WE, буквами въ алфавитномъ порядкѣ. Кромѣ того, отъ Капитолія же по радіусамъ идутъ бульвары—avenue. Мы остановились на Pensilvania avenue въ гостинницѣ Raleigh. Наша улица самая бойкая. Но что это за прелесть. Здѣсь нѣтъ ни тѣсноты, ни давки, хотя движеніе и большое. То и дѣло взадъ и впередъ летятъ электрическіе трамваи, почти всегда полные народомъ. Извозчиковъ совсѣмъ не видно, за то одинъ за другимъ снуютъ велосипедисты. Кажется, нѣтъ другого города, гдѣ бы была такая масса велосипедистовъ. Да это и понятно: улицы широки, покрыты асфальтомъ и ровны какъ столъ, никакого шума и треска, какъ у насъ не слышно. И велосипедисты ѣздятъ здѣсь отлично. Я видѣлъ, какъ одна маленькая дѣвочка, лѣтъ повидимому 8—9,

ѣхала на велосипедѣ, не держась за руль руками и необыкновенно искусно лавируя между пѣшеходами и трамваями. Даже небольшія тяжести иногда возятъ на велосипедахъ. Кромѣ того здѣсь масса электрическихъ экипажей. Особенно же хорошо здѣсь это то, что всѣ улицы обсажены деревьями, иногда въ нѣсколько рядовъ. Даже на торговыхъ улицахъ пахнетъ зеленью и цвѣтами. Если же посмотрѣть на городъ съ высоты птичьяго полета, онъ весь тонетъ въ зелени. Съ этой цѣлью мы забрались на вершину обелиска въ честь Вашингтона и оттуда любовались видомъ. На югѣ виднѣется рѣка Потомакъ, красивой лентой опоясывающая городъ, и, соединяясь съ другой, текущей съ запада, скрывается въ зеленой дали. Обелискъ стоитъ въ паркѣ противъ знаменитаго Бѣлаго дома. Паркъ—это прелесть. Онъ занимаетъ все разстояніе отъ обелиска до Капитолія. Сверху онъ кажется зеленымъ небольшимъ садикомъ, съ зелеными полянами, группами и аллеями деревьевъ и рядомъ красивыхъ красныхъ зданій. Эти зданія — музеи. Мы осмотрѣли ихъ подробно, насколько могли. Въ Смитсоновскомъ институтѣ два этажа. Верхній занятъ археологіей. Тутъ много данныхъ по исторіи Америки, очень интересныхъ. Нижній этажъ—зоологическія коллекціи: рыбы, птицы и раки—довольно бѣдный.

Въ національномъ музеѣ нѣсколько отдѣленій — геологическое—богатое и очень наглядно обставленное. Зоологическое—очень бѣдное, мореходное, этнографическое и отдѣленіе всевозможныхъ сувенировъ. Въ медицинскомъ музеѣ богатая коллекція препаратовъ по патологической анатоміи, коллекція скелетовъ и гипсовыхъ муляжей по кожнымъ болѣзнямъ. Но все это собрано въ одну кучу и хотя здѣсь много хорошаго, но много и довольно неинтереснаго. Впечатлѣніе получается очень спутанное.

Были мы также въ картинной галлереѣ Коркорана, куда насъ провожалъ одинъ еврей, познакомившійся съ нами. Онъ спрашивалъ у насъ, есть ли у насъ въ Россіи картинныя галлереи и видали ли мы что-нибудь подобное. Дѣйствительно, мы ничего подобнаго по своему убожеству не встрѣчали. Нѣсколько статуй, стоящихъ тамъ, оказались гипсовыми копіями европейскихъ оригиналовъ. Картины европейскія и далеко не интересныя. Своего почти ничего, а что есть, то весьма по-

средственно. Интересную штучку мы тамъ нашли. Это картина Айвазовскаго, изображающая радость, съ какой русскій народъ встрѣтилъ американскій хлѣбъ, присланный въ голодный годъ. На первомъ планѣ тройка, и на ней парень съ американскимъ флагомъ мчится по улицѣ, полной народомъ. Какъ-то неловко стало намъ за Айвазовскаго.

Посѣтили мы также національную библіотеку на Капитоліи и парламентъ. Попали какъ разъ на засѣданіе парламента. Впускаютъ туда по билетамъ, которые очень любезно выхлопоталъ намъ нашъ знакомый еврей. Странно было намъ видѣть, какъ просто держатъ себя члены парламента.

Одинъ просто лежалъ на диванѣ, покуривалъ и читалъ газету, пока съ каѳедры говорилъ другой. Просто, какъ у себя дома.

Библіотека — чудо архитектуры. Но сколько еще тамъ пустыхъ залъ. А то, что выставлено въ витринахъ, страшная ерунда. Вообще, если сравнить европейскіе музеи и американскіе, то выходитъ, что у насъ масса матеріала и нѣтъ хорошихъ помѣщеній, а здѣсь въ роскошныхъ, чудныхъ помѣщеніяхъ почти нѣтъ матеріала. Теперь нѣсколько словъ о театрѣ. Мы съ Ал. Генн., какъ мало понимающіе по англійски, не пошли въ драматическій театръ, а въ водевиль. Были одинъ разъ въ Нью-Іоркѣ и два— въ Вашингтонѣ.

Цинизмъ довольно открытый, граціи и изящества никакого. Собственно, эти театры похожи скорѣе на балаганы; не по своему устройству,—нѣтъ, они хорошо выстроены, удобны для публики, но исполнители и программа — это ужъ настоящій балаганъ. Тутъ и фокусники, чревовѣщатели, гимнасты, жонглеры очень искусные, комическіе куплеты, и шансонетка, и канканъ, и водевиль. Однимъ словомъ все, что вамъ угодно. Но что это за танцы, что это за пѣніе? Пѣніемъ собственно даже и назвать-то стыдно, а танцы — мѣсять ногами, правда очень быстро, но нисколько не граціозно, а скорѣе уродливо.

Въ водевиляхъ же почти во всѣхъ кого нибудь выбрасываютъ въ окно, причемъ слышится такой трескъ, какъ будто разбили по крайней мѣрѣ десять ящиковъ со стеклами, или уронили шкафъ съ посудой. Кидаютъ и большихъ, и маленькихъ и это вызываетъ у зрителей страшный смѣхъ, они аппло-

дирують и кричать, какъ сумасшедшіе. Но еще больше имъ нравится, когда выходитъ на сцену мальчишка или дѣвченка лѣтъ 7 и начинаетъ откалывать канканъ, припѣвая куплеты уже не сомнительнаго содержанія. Въ полный, дикій восторгъ пришли зрители при видѣ канканирующей семьи мулатовъ. Мужъ удивительно неприлично канканируетъ съ своей женой и тутъ же, подражая отцу съ матерью, канканируютъ ихъ дѣти, мальчикъ и дѣвочка. Чудное воспитаніе!

Въ театрахъ сидятъ и въ шляпахъ, курятъ въ залѣ, пьютъ тутъ же. И вотъ что еще очень оригинально—они свистятъ здѣсь въ знакъ одобренія, иногда страшно пронзительно свистятъ.

Вообще, я вынесъ плохое впечатлѣніе о вкусахъ американской публики.

Завтра мы уѣзжаемъ изъ Вашингтона, и мнѣ очень жалко разставаться съ нимъ. Какъ хорошъ онъ вечеромъ, при электрическомъ освѣщеніи, когда по свѣтлымъ, гладкимъ улицамъ, какъ бы покрытымъ снѣгомъ, мелькаютъ разноцвѣтные огни велосипедовъ и электрическихъ моторовъ. Публики масса, да и не мудрено: вечера здѣсь чудные, теплые, воздухъ полонъ запахомъ деревьевъ, цвѣтовъ. Однимъ словомъ, очень хорошо.

Одно скверно — это прислуга въ гостинницѣ. Такъ вяло и нехотя они подаютъ, и при этомъ съ такимъ видомъ, будто дѣлаютъ вамъ великое одолженіе. Говорятъ, что въ Америкѣ не берутъ на чай. Совершенно не вѣрно. И даютъ, и берутъ весьма охотно, и даже больше, чѣмъ у насъ въ Россіи!

22 (9) мая. Не доходя до станціи Raulin, утромъ поѣздъ былъ остановленъ въ степи. Меня разбудилъ Ал. Генн. въ шестомъ часу утра и я, наскоро одѣвшись, вышелъ изъ вагона и остановился, ослѣпленный красотой открывшагося вида. Прямо передъ глазами разстилалась голая, съ рѣдкими лишь кустиками перекати поле да клочками тощей травки, степь, а за ней гигантскими бѣлыми зубцами поднимались въ голубое небо блестящія снѣжныя вершины горъ. Пріятно было вдохнуть въ себя струю чистаго, свѣжаго воздуха, оставивъ хоть на нѣсколько минутъ душный вагонъ.

Оказалось, что въ четырехъ верстахъ впереди насъ сошелъ съ рельсовъ тендеръ и загородилъ намъ путь. Одинъ изъ нашихъ паровозовъ и еще одинъ, откуда-то явившійся, пошли на

помощь, а мы отправились бродить по степи. Понемногу одинъ за другимъ стали изъ поѣзда вылѣзать пассажиры и расползаться по степи.

Не мудрено было сойти съ рельсовъ, это было видно съ перваго же взгляда на путь. Во-первыхъ, онъ, кажется, никогда не исправлялся. Концы шпалъ висятъ на воздухѣ, и только средины ихъ лежатъ на землѣ. О каменномъ баластѣ здѣсь и не думаютъ. Да что тутъ толковать о каменномъ баластѣ, когда шпалы то и тѣ почти всѣ гнилыя, а если-бы вы посмотрѣли скрѣпленія! Мѣстами костыли забиты не плотно, такъ что головка не касается рельса, мѣстами головка свернута въ сторону, не мало костылей поломанныхъ, а кривые очень малаго радіуса. И вотъ задняя телѣжка тендера соскочила съ рельсовъ и пошла по шпаламъ, тутъ то и обнаружилось, что большинство шпалъ гнилыя.

Паровозы не были въ состояніи поставить тендеръ на рельсы и возвратились. Черезъ нѣсколько времени со станціи пришелъ рабочій поѣздъ съ подъемнымъ крюкомъ. Мы побѣжали смотрѣть. Очень интересно было, когда полный углемъ тендеръ поднялся на воздухъ и затѣмъ опустился плавно на рельсы. Нѣсколько минутъ—и все было приведено въ порядокъ.

Сегодня позавтракали на какой то станціи за 75 цент. и остались очень довольны; теперь сидимъ и считаемъ скорость поѣзда. Оказывается, нашъ поѣздъ идетъ около 70 верстъ въ часъ. Ѣзда порядочная, да еще по такому прекрасному пути. Становится жутко. Ѣдемъ мы съ шикомъ, въ Пульмановскихъ вагонахъ экспрессомъ. Днемъ это обыкновенный вагонъ съ диванами, а на ночь передѣлывается въ спальню и каждый получаетъ широкую, длинную койку, задернутую драпировкой. Поэтому тутъ могутъ спать и мужчины, и дамы. Въ поѣздѣ есть столовая и курительная комнаты. Кормятъ не дурно, хотя дороговато.

Дорога отъ Вашингтона до Чикаго идетъ по лѣсистымъ мѣстностямъ. Отъ Чикаго же характеръ ея мѣняется. Потянулась холмистая степь, напоминающая степи Самарской губерніи, а дальше пошла пустыня, настоящая песчаная пустыня, покрытая рѣдкими низенькими колючими кустиками; куда ни взглянешь, никакого признака жизни, пусто, мертво. Только

на горизонтѣ сверкаютъ снѣговыя вершины далекихъ горъ. Въ вагонахъ духота страшная, жарко, все полно мелкой пылью, проникающей незамѣтно во всѣ щели въ вагона. Мы ѣдемъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ дорога строилась подъ охраной войска; а теперь какъ-бы хотѣлось посмотрѣть, какіе такіе были индійцы, но ихъ совсѣмъ не видно.

Только переваливъ 8.000 ф. въ долину Эхо, въ штатѣ Утаха, мы вздохнули свободнѣе. Здѣсь очень красиво. Долина окаймлена высокими обрывистыми скалами краснаго цвѣта, то въ видѣ огромныхъ башенъ, то въ видѣ каменной стѣны. Вотъ стоитъ цѣлый рядъ столбовъ, отдѣльные камни какимъ-то чудомъ держатся на своихъ маленькихъ основаніяхъ. Кажется, дунетъ вѣтеръ и они повалятся въ долину. По долинѣ бѣжитъ рѣчка, черезъ которую нѣсколько разъ приходится переѣзжать.

23 (10) мая. Опять пустыня, и еще болѣе мертвая, чѣмъ вчера. Воды совершенно не видно. Жарко, пыль набилась въ глаза, скрипитъ на зубахъ, тѣло страшно чешется Скучно и скверно. Сегодня Альфр. Марк. прочиталъ намъ изъ газеты, издаваемой въ С.-Франциско, статью о русскихъ, о золотѣ въ Сибири, о томъ, какъ русскіе стараются привлечь американскіе капиталы. Тутъ были имена Великаго князя Николая и князя Долгорукова, предки котораго будто-бы основали Москву, говорилось, что ѣдетъ сынъ В., только нашихъ именъ ни одного не было. Однимъ словомъ, характерная американская газета.

8 іюня (26 мая). Мы уже около двухъ недѣль живемъ въ С.-Франциско. Живемъ мы въ Palace Hotel, опять таки въ лучшемъ отелѣ С.-Франциско и приготовляемся къ отъѣзду. За эти дни произошло много новаго, очень неожиданнаго и не совсѣмъ пріятнаго.

Тотчасъ же по пріѣздѣ мы пошли осматривать пароходъ, Стернъ любезно провожалъ насъ. Разочарованіе было полное. Я, собственно говоря, и не повѣрилъ, когда Стернъ сказалъ намъ: „А вотъ и нашъ пароходъ!“ Такой маленькій, невзрачный онъ показался намъ. Длина его всего 150 футовъ, пассажирскія каюты только на кормѣ, на палубѣ, отчего получается довольно странный видъ. Средина парохода — палуба, на носу построены двѣ каюты для матросовъ, на кормѣ въ два этажа пассажирскія каюты. Кажется, что средину парохода выломали. Грязь

вездѣ страшная. Мнѣ не совсѣмъ понравилось все это, а Стернъ похваливаетъ: „прелесть, что за пароходъ!“ Вернулся я въ гостинницу, говорю К. Ив.: „Не нравится мнѣ пароходъ-то!“ Пошелъ онъ смотрѣть, вернулся. „Не правда, говоритъ, пароходъ хорошій!“ Ну, ладно, думаю, потомъ увидимъ.

К. Ив. встрѣтилъ здѣсь своего знакомаго стараго моряка Лемашевскаго, лѣтъ тридцать ходившаго по Тихому океану, и пригласилъ его осмотрѣть пароходъ. Тотъ посмотрѣлъ и говоритъ: „Пароходъ крѣпкій, хорошій“.

Ну, конечно, если говоритъ это старый морской волкъ, такъ надо повѣрить.

Рѣшили согласиться и подписать контрактъ тѣмъ болѣе, что Стернъ убѣдительно клялся, что парохода здѣсь теперь найти невозможно и что счастье, что онъ нашелъ „Samoa“. „Вѣдь теперь всѣ пароходы, говоритъ, идутъ въ Аляску, въ Номъ, все полно и поэтому надо крѣпко держаться за „Самоа“.

Положеніе было безвыходное и пришлось согласиться, хотя цѣна была огромная. Въ мѣсяцъ пять тысячъ долларовъ и уголь на счетъ экспедиціи, кромѣ того содержаніе всей команды судна. Однимъ словомъ, приходилось заплатить за время экспедиціи столько, за сколько можно было бы купить такой пароходъ и даже лучшій.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ и Бекеръ, который долженъ былъ заключить контрактъ. Контрактъ былъ написанъ на имя Карла Иван., но не какъ довѣреннаго отъ В—аго и начальника экспедиціи, а какъ довѣреннаго отъ „East Siberian Syndicate“.

Мы съ Александромъ Геннадьевичемъ не были въ курсѣ дѣла и потому какъ то не обратили на это вниманія, хотя это и показалось намъ нѣсколько страннымъ. Мы или были заняты покупками всего необходимаго для путешествія, или знакомились съ С.-Франциско.

Въ этомъ намъ очень помогло наше новое знакомство. Одинъ изъ нашихъ будущихъ спутниковъ Дауленъ познакомилъ насъ съ своей молодой женой.

Она намъ очень понравилась, да и ея отношенія къ мужу были такія милыя, дружескія, что мы прониклись къ нимъ большой симпатіей и составили пріятельскую компанію. Чуть не каждый вечеръ мы проводили съ ними въ театрахъ послѣ, чего отправ-

лялись ужинать въ ресторанъ и проводили время очень весело. Главное, что насъ потѣшало, это то, что супруги Дауленъ говорили только по англійски, а мы какъ разъ были незнакомы съ этимъ языкомъ. Альфредъ Марковичъ былъ въ этомъ случаѣ незамѣнимъ. Онъ и самъ былъ веселымъ собесѣдникомъ, и не отказывался быть посредникомъ между нами. Безъ него же наше дѣло было плохо. Такъ какъ поговорить очень хотѣлось, то мы брали съ собой словари и съ ихъ помощью говорили другъ другу самыя легкія и коротенькія фразы. Александръ Геннадьевичъ предпочиталъ писать. Онъ писалъ что-нибудь въ свою записную книжку, а m-me Дауленъ писала туда отвѣтъ. Курьезовъ, конечно, была масса.

Узнавъ, что съ нами ѣдетъ жена Кар. Ив., m-me Дауленъ тоже захотѣла ѣхать въ экспедицію. Мы понятно обрадовались, что у насъ будетъ такой милый товарищъ, но К. И. разрушилъ наши воздушные замки, рѣшительно отказавъ взять ее съ собой. Она была страшно огорчена и даже плакала, огорчился и ея мужъ, но дѣлать было нечего — приходилось подчиниться и остаться.

Вмѣсто нея у насъ оказался еще компаньонъ Ляндфильдъ. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ инженеромъ Рикардомъ и сейчасъ же съ нами познакомился. Оказалось, что онъ очень хорошо говоритъ по-русски и бывалъ въ Россіи. Мы ему страшно обрадовались, такъ какъ, значитъ, явился еще человѣкъ, который намъ многое можетъ показать. Да и характеръ у него былъ такой веселый, общительный. Правда, онъ слишкомъ много говорилъ о себѣ, выходило, что онъ кончилъ университетъ по двумъ факультетамъ, и успѣлъ въ то же время получить чинъ капитана, и въ Россіи побывать два раза, и долго жить тамъ, и при этомъ ему только 26 лѣтъ, но мы какъ-то ему повѣрили и сразу стали въ товарищескія отношенія. К. Ив. принялъ его очень холодно и сказалъ, что взять въ экспедицію его не можетъ. Тогда всѣ наши американцы и Бекеръ насѣли на К. Ив. и онъ подъ конецъ уступилъ. Черезъ день Ляндфильдъ уже успѣлъ сдѣлаться нужнымъ для него человѣкомъ, бѣгалъ въ магазины, исполнялъ всевозможныя порученія и былъ удивительно любезенъ и предупредителенъ.

Инженеръ Рикардъ намъ тоже понравился. Это былъ высокій,

здоровый брюнетъ, съ добрыми, ласковыми глазами, серьезный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень любезный. Итакъ, всѣ члены экспедиціи были уже на лицо и мы энергично заготовляли все необходимое для нашихъ цѣлей. Стернъ рекомендовалъ намъ своего знакомаго комиссіонера Бернштейна, который долженъ былъ сдѣлать закупки по нашему усмотрѣнію. Бернштейнъ бѣгалъ, работалъ, но это не значило, что мы были совершенно освобождены отъ труда ходить по магазинамъ. Мы ходили съ нимъ, сами смотрѣли товары, сами выбирали, а онъ только записывалъ и приносилъ счета. Хотя такимъ образомъ онъ, собственно говоря, для насъ былъ почти не нуженъ, но здѣсь уже такой обычай вести дѣла черезъ комиссіонера. И за его труды мы должны были заплатить ему 2% съ истраченной суммы. А это выходила очень кругленькая цифра.

Закупку продовольствія взялъ на себя Стернъ и этимъ избавилъ насъ отъ части труда.

Итакъ, мы бѣгали по магазинамъ, а Альфредъ Марковичъ занимался приспособленіемъ судна для экспедиціи. Работы ему было не мало. Не хватало помѣщенія для рабочихъ, а потому на носовой части палубы пришлось выстроить нѣсколько каютъ. И надо отдать справедливость, Альфр. Марков. сдѣлалъ все это очень хорошо, насколько было возможно. Онъ сумѣлъ на небольшомъ пространствѣ помѣстить ванну, фотографическую комнату, кухню, двѣ маленькихъ каюты, столовую и двѣ большихъ для рабочихъ и все это было довольно удобно. Затѣмъ пришлось устроить паровое отопленіе, котораго на суднѣ не было и это было сдѣлано, но не особенно удачно. Каюты для пассажировъ тоже были передѣланы. Однимъ словомъ, Альфр. Марк. работалъ какъ волъ днемъ, а по вечерамъ еще проводилъ время съ нами.

Непріятно было только то, что всѣ передѣлки шли на счетъ экспедиціи, а ихъ было на нѣсколько тысячъ долларовъ. Наконецъ, пароходъ былъ приготовленъ и началась нагрузка. Вотъ тутъ дѣло пошло уже безалаберно. Товары были привезены сразу на берегъ и безъ всякой системы ихъ начали валить въ трюмъ. Завѣдывалъ этимъ одинъ молодой человѣкъ, бывшій багажный прикащикъ этого судна, и надо удивляться, какъ неумѣло онъ все дѣлалъ. Уже съ перваго дня оказалось, что для того, чтобы найти что нибудь, нужно было перерывать весь

трюмъ, и кромѣ того никто не зналъ, что куда было положено. Нагрузка была окончена передъ самымъ отъѣздомъ. За нѣсколько дней до него Бекеръ устроилъ намъ прощальный обѣдъ, на который ему отвѣтили ужиномъ въ ресторанѣ, и при этомъ привелъ еще одного господина — Уайтъ, прося его взять въ экспедицію. К. Ив. окончательно отказывался, но Бекеръ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ настаивалъ, ссылаясь на свои полномочія, и наконецъ К. Ив. уступилъ.

Это, наконецъ, былъ послѣдній, и наша экспедиція оказалась въ полномъ составѣ. Сверхъ всѣхъ нашихъ ожиданій составъ этотъ оказался очень многочисленнымъ и численный перевѣсъ былъ на сторонѣ американцевъ. Русскихъ у насъ оказалось: начальникъ экспедиціи К. Ив. съ женой, врачъ, Алекс. Генн. и Л., старый морякъ, въ качествѣ запаснаго командира, если бы таковой понадобился, и совѣтника по части мореплаванія, и сюда же можно включить Альфр. Марк., который хотя по происхожденію и англичанинъ, но духомъ принадлежитъ къ нашей русской партіи. Нашихъ же компаньоновъ американцевъ было больше, а именно: Робертсъ, Рикардъ, Дауленъ, Стернъ, Ляндфильдъ, Уайтъ и еще трое не то рабочихъ, не то помощниковъ: Пикаръ и Скрентонъ съ сыномъ. Командиръ нашего судна Джонсонъ, небольшого роста, толстый норвежецъ, всегда немного навеселѣ, очень гордящійся своимъ званіемъ массона 32-й степени, и носящій на жилетѣ массонскій знакъ въ формѣ креста. Два его помощника, машинистъ съ двумя помощниками, затѣмъ матросы, кочегары, масленщикъ, повара и лакеи, вотъ экипажъ судна — все американцы. Наконецъ, Робертсъ страшно настаивалъ, чтобы взято было нѣсколько человѣкъ китайцевъ. К. Ив. согласился и Бернштейну было поручено нанять ихъ. Въ С.-Франциско былъ въ это время карантинъ по поводу какой то эпидеміи въ китайской части города. Эта часть была огорожена веревкой и сообщеніе съ нею было прервано. Достать китайцевъ было не легко и К. Ив. послалъ телеграмму въ Вашингтонъ. Оттуда пришло разрѣшеніе взять китайцевъ для русской экспедиціи, предварительно подвергнувъ ихъ полной дезинфекціи. Съ своей стороны, К. Ив. рѣшилъ взять нѣсколько человѣкъ русскихъ рабочихъ. Найти ихъ намъ помогло наше новое знакомство.

Осматривая городъ, мы съ Ал. Генн. однажды пошли въ рус-

скую церковь. Гдѣ она находится, мы не знали и обратились къ полисмену. Тотъ очень любезно проводилъ насъ до трамвая и объяснилъ кондуктору, гдѣ намъ нужно пересѣсть въ другой вагонъ. Такимъ образомъ мы благополучно добрались до церкви.

Церковь здѣсь маленькая, снаружи довольно красивая, внутри же очень простенькая, но чистая. Мы пришли во время службы и стали въ толпу молящихся.

Какое-то необыкновенно пріятное чувство является, когда заграницей приходишь въ православную церковь. Какъ-то невольно переносишься мыслью въ Россію, въ памяти встаютъ дни дѣтства, когда чаще бывалъ въ церкви. Послѣ того, какъ повсюду и всегда въ ушахъ звенятъ разныя иностранныя слова, какъ-то легко дѣлается, когда слушаешь знакомыя молитвы на родномъ языкѣ, видишь людей, говорящихъ на немъ, и чувствуешь, что здѣсь ты не чужой. Священникъ служилъ здѣсь частію на славянскомъ, частію на англійскомъ языкѣ. Ему вторилъ небольшой, но очень стройный хоръ. Оказывается, это хоръ любителей, изъ которыхъ многіе не говорятъ на русскомъ языкѣ, но поютъ очень понятно и гармонично.

Мы съ удовольствіемъ простояли всю обѣдню, а послѣ нея къ намъ подошелъ какой-то господинъ и рекомендовался, прося не отказать ему выпить у него чашку чаю послѣ обѣдни. Мы не прочь были посмотрѣть, какъ живутъ здѣсь русскіе и пошли съ нимъ. Къ намъ присоединился еще одинъ изъ его знакомыхъ, Непряхинъ.

Идти было недалеко и, поднявщись по Green Street, мы по лѣсенкѣ взобрались на отвѣсную скалу, на вершинѣ которой въ маленькомъ садикѣ прятался одноэтажный небольшой домъ особнякъ, гдѣ и жилъ нашъ новый знакомый Федоровъ. Отсюда открывался чудный видъ на городъ, на заливъ, по которому скользили легкіе паруса лодокъ. Шумъ города слабо доносился снизу, воздухъ былъ полонъ ароматомъ цвѣтовъ, покрывавшихъ деревья сада.

— „Правда, какое хорошее у меня мѣстечко?“ обратился къ намъ Федоровъ, „совсѣмъ какъ на дачѣ живу, и вмѣстѣ съ тѣмъ трамвай въ двухъ шагахъ и магазины рядомъ! словомъ, всѣ удобства города подъ руками, а здѣсь въ этомъ маленькомъ саду, на этой высотѣ просто можно забыть, что находишься въ городѣ. У меня

вѣдь здѣсь полное хозяйство, даже куръ и голубей держу и все это мнѣ обходится не дорого. Однако, пойдемте въ комнаты пить чай!"

Комнаты были чистенькія, свѣтлыя, такъ было уютно и тихо здѣсь послѣ шумныхъ улицъ и вѣчно полнаго народомъ нашего Palace Hotel.

Зашелъ разговоръ о нашемъ путешествіи, причемъ цѣна за аренду судна страшно изумила нашихъ новыхъ знакомыхъ.

— Да васъ просто надули, вѣдь приплатите вы еще немного, вы могли бы получить въ собственность судно гораздо лучше и удобнѣе вашего, да вотъ, если хотите, я покажу вамъ судно, которое дѣлаютъ на заказъ и оно гораздо лучше вашего „Samoa". Вѣдь вашъ пароходъ грузовой, для каботажнаго плаванія. На немъ здѣсь лѣсъ возили. Впрочемъ, это не мудрено, что васъ надули, вы не сами покупали судно, а черезъ комиссіонеровъ. Ну, а здѣсь, знаете, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, рука руку моетъ. И пока вы здѣсь не освоитесь, пока не привыкнете, для васъ все будетъ дорого. Такъ же было трудно и для меня. Пріѣхалъ я сюда по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, помѣшавшимъ мнѣ жить въ Россіи, и сначала просто почти голодалъ. Но потомъ освоился, выучился англійскому языку и, какъ видите, живу недурно. Я слесарь и работаю здѣсь на одномъ заводѣ. Получаю я 105 долларовъ въ мѣсяцъ, здѣсь рабочая плата очень хороша, и хотя я себѣ ни въ чемъ не отказываю, но у меня всегда остается. Вѣдь это здѣсь дорого для пріѣзжихъ. Вы, напримѣръ, остановились въ Palace Hotel, гостинницѣ, спеціально для богатыхъ. У васъ, конечно, выйдетъ не менѣе десяти долларовъ въ день, а если бы вы обратились къ людямъ, знакомымъ съ условіями здѣшней жизни, то могли бы имѣть и комнату за 20 долларовъ въ мѣсяцъ, вполнѣ приличную, и сытный обѣдъ вчетверо дешевле, чѣмъ у васъ въ гостинницѣ. Съ васъ, вотъ, вы говорите, берутъ за вино по полтора доллара съ пробки сверхъ цѣны вина, а это просто курьезъ, такъ какъ здѣсь въ Калифорніи вино дешево и я ежедневно имѣю за столомъ вино, но покупаю его галлонами. Нѣтъ, привыкнувъ, здѣсь можно хорошо жить, хотя, конечно, всегда тянетъ на родину. Я живу здѣсь уже давно, женился здѣсь, имѣю дѣтей, вообще устроился недурно. Здѣсь живетъ не мало русскихъ, и если они умѣютъ и желаютъ работать, они могутъ недурно устроиться.

Попивъ чаю, мы пошли къ себѣ, попросивъ Федорова прислать намъ кого-нибудь изъ русскихъ, которые желали бы ѣхать съ нами. Такихъ нашлось трое.

Почти все было готово и мы стали устраиваться въ каютахъ. Пароходъ нашъ былъ небольшой, длиною всего 150 футовъ, при ширинѣ 32 и осадкѣ 12 ф. Каютъ было немного и поэтому пришлось потѣсниться.

Каютъ-компанія помѣщалась на палубѣ, въ нее выходили двери изъ семи каютъ, остальная часть верхней постройки была занята машиной и кухней. Надъ этимъ этажемъ былъ второй этажъ, окруженный мостикомъ, а сверху мостикъ, на которомъ помѣщались шлюпки и мѣсто для вахты. Во второмъ этажѣ спереди помѣщался штурвалъ, каюта помощниковъ капитана, капитанская каюта и еще четыре каюты. Одну изъ нихъ, бывшую smoking-room, отдѣлали для К. Ив., другую отвели подъ аптеку, гдѣ я и помѣстился, рядомъ со мною каюту занялъ Лемашевскій, а послѣднюю поменьше заняли Альфр. Марк. и Рикардъ.

Внизу было тѣснѣе. Алекс. Генн. занялъ отдѣльную каюту, также Стернъ, а Робертсъ помѣстился вмѣстѣ съ Ляндфильдомъ, Уайтъ съ Дауленомъ. Одну каюту занимали машинисты, одну Стюарты, а послѣднюю Николай съ третьимъ машинистомъ. Больше мѣстъ абсолютно не было.

Итакъ все готово, завтра мы окончательно устроимся, переѣдемъ на пароходъ и можетъ быть завтра же уйдемъ.

ГЛАВА III.

По Великому океану.

Алеутскіе острова. — Берингово море.

10 іюня (новый стиль). Вотъ мы уже въ морѣ. Вышли изъ С.-Франциско сегодня въ 12 часовъ ночи и вышли очень оригинально. Вчера мы послѣдній разъ обѣдали въ городѣ и тамъ

отъ Альфр. Марк. я узналъ, что мы снимемся сегодня ночью и уйдемъ.

— А какъ-же, — спрашиваю я, — Робертсъ, Дауленъ? Вѣдь ихъ еще нѣтъ на пароходѣ?

— Тутъ очень таинственная исторія; дѣло въ томъ, что Робертсъ и Дуаленъ завтра должны быть задержаны полиціей и лишены права выѣзда отсюда, поэтому имъ нужно бѣжать сегодня же.

— Пойдемте проститься съ m-me Дауленъ.

Мы пошли и въ одномъ изъ ресторановъ въ кабинетѣ, гдѣ было заранѣе условлено, нашли Даулена съ женой и старшаго механика Хине. Все было обставлено съ необыкновенной таинственностью.

Мы простились, выпили на прощанье бутылку вина и разошлись.

Въ двѣнадцать часовъ пароходъ былъ совершенно темный, безъ одного огня. На пристани были только Бернштейнъ и братъ Стерна. Прощаніе было коротко и чалки взяты. „Samoa“ тихо, точно крадучись, безъ свистка, отошелъ отъ берега и повернулъ къ морю.

Тихо, тихо мы прошли мимо стоящихъ на рейдѣ судовъ и черезъ часъ еще замедлили ходъ. Съ берега въ темнотѣ показалась маленькая черная точка. Пароходъ останавливается. Точка увеличивается, растетъ и наконецъ мы видимъ лодку, быстро и безъ шума скользящую къ намъ. Вотъ она причаливаетъ и къ намъ принимаютъ Робертса, Даулена и Скрентона съ сыномъ. Лодка также быстро отходитъ. Samoa даетъ свистки, вдругъ весь освѣщается, и на всѣхъ парахъ выходитъ въ море.

Какъ насмѣшливо звучитъ этотъ свистокъ и какая наглая нота въ немъ слышится!

Разспрашиваю Альфр. Марк., въ чемъ же дѣло. Оказывается, Дауленъ не исполнилъ какого-то контракта, Скрентонъ былъ задержанъ за мелкіе долги, а Робертсъ за крупные. Въ Америкѣ существуетъ законъ, что если несостоятельный должникъ успѣетъ уѣхать въ другой штатъ, то дѣло передается полиціи этого штата и такимъ образомъ дѣло затягивается и такіе побѣги возможны и не рѣдки. Какъ-бы то ни было, а такой выходъ намъ былъ не по душѣ. Мы ѣдемъ работать. ѣдемъ въ

далекія суровыя страны, чего же намъ прятаться, чего стыдиться и уходить тайкомъ, какъ воры?

А все-таки ловкіе люди эти Робертсъ, Дауленъ и другіе. Накануне они распускаютъ слухъ, что „Samoa“ выходитъ въ воскресенье 10-го въ 12 часовъ дня, сами на пароходъ не являются, а где-то скрываются, и вечеромъ тихонько выезжаютъ изъ С.-Франциско, нанимаютъ лодку и на ней, пользуясь темнотой, незамеченные никемъ, выходятъ на встречу пароходу, который снимается раньше назначеннаго времени. Полиція, придя утромъ на пристань, найдетъ пустое место.

После того, какъ пароходъ вышелъ въ море, мы выпили пива за счастливый путь и начало экспедиціи. Но что-то и пьется не весело, такъ какъ-то по одному и разбрелись по каютамъ.

Итакъ мы опять въ Океане, разница вся въ томъ, что прежде мы были въ Атлантическомъ океане на огромномъ судне „Campania“, а теперь мы въ Великомъ океане на маломъ судне „Samoa“. Можно себе представить, что будетъ съ „Samoa“, съ этимъ пигмеемъ въ сравненіи съ „Campania“, во время шторма, если последній какъ съ горъ катался съ волнъ, превосходящихъ его высотой во много разъ. Что будетъ съ нашимъ „Samoa“, если его палуба теперь уже на 6 вершковъ покрыта водой. Если „Campania“ покрывалась волной, то интересно бы взглянуть, какъ къ этому отнесется „Samoa“.

Море сегодня какъ зеркало, а пароходъ уже качаетъ. Направо въ тумане еще видны берега Калифорніи.

Въ воздухе сыро и тепло. Черезъ несколько часовъ мы скажемъ: „прощай, Калифорнія, прощай страна золота, света, тепла, и здравствуй „суровый северъ, мы идемъ къ тебе въ гости!“

11 іюня. Облачно, но тепло. Медленно подвигаемся къ северо-западу. Поставили паруса. Скука на пароходе страшная. Тесно, погулять негде. Вся палуба завалена мешками съ углемъ вплоть до мостика. Качаетъ. Алекс. Генн. лежитъ, да многіе уже лежатъ. Меня вчера къ ночи тоже укачало, сегодня чувствую себя лучше, хотя не совсемъ хорошо. Даю больнымъ какую-то мятную настойку, весьма рекомендованную капитаномъ и рекламированную, но пользы отъ нея вижу мало. Ходить невозможно,

толчки такіе быстрые, что трудно устоять на ногахъ, поэтому я лежу на мостикѣ и читаю, а наши американцы, лежа на полу, играютъ въ кости. Геннадьичъ тоже выползъ на мостикъ, облюбовалъ шлюпку и лежитъ цѣлый день.

16 іюня. Не балуетъ насъ Великій океанъ, качаетъ, едва давая вздохнуть. Только утромъ 13-го качка была поменьше, а остальное время все качка, то килевая, то боковая, какъ придется, и иногда очень большая. Бываютъ розмахи до 65°, считая въ обѣ стороны. Всѣмъ надоѣло уже, ничѣмъ не возможно серьезно заняться. Лежимъ на палубѣ по цѣлымъ днямъ и читаемъ, но и это ужь наскучило. Небо по большей части покрыто облаками, и когда на нѣсколько часовъ вѣтеръ разгоняетъ облака, мы отдыхаемъ, любуясь дивной картиной.

Съ ярко голубого неба льются потоки свѣта на синія могучія волны. Вѣтеръ пролетитъ, успокоится океанъ, улягутся волны, и, какъ серебрянымъ панцыремъ одѣтая, блеститъ грудь богатыря-океана.

У самаго парохода вода нѣжнаго лазореваго цвѣта, какъ въ Средиземномъ морѣ. За нами летятъ стада альбатросовъ. Они нисколько не боятся парохода и, когда изъ кухни что нибудь выбрасываютъ, они бросаются съ крикомъ цѣлой кучей и чуть не выхватываютъ изъ рукъ. Американцы забавляются тѣмъ, что на веревку съ двухъ концовъ ея навязываютъ по куску мяса и бросаютъ въ воду. Въ одинъ моментъ является стая альбатросовъ и стремительно набрасывается на мясо, выхватывая его другъ у друга. Но вотъ двое изловчились проглотить и оказались такимъ образомъ на одной веревкѣ. Тогда въ свою очередь они начинаютъ тащить каждый въ свою сторону, пока сильнѣйшій не вытащитъ куска изъ желудка слабѣйшаго.

Альбатросы не единственные наши спутники, по одному направленію съ нами идутъ киты. Тамъ и сямъ съ поверхности поднимаются фонтаны и иногда около самаго борта, такъ что слышишь фырканье. Часто цѣлыя стада по 6—7 штукъ въ перегонку догоняютъ наше судно и пересѣкаютъ его путь, кувыркаясь и показывая свои огромные раздвоенные хвосты. Они идутъ, какъ и мы, въ Берингово море и черезъ проливъ въ Ледовитый океанъ.

На пароходѣ тишина, американцы цѣлые дни играютъ въ

карты или кости, по вечерамъ выпиваютъ. Многіе болѣютъ. У Пикара морская болѣзнь выразилась очень тяжело. Рвота не прекращалась, а теперь его рветъ уже съ кровью; даю кодеинъ съ висмутомъ, повидимому помогло.

Нанятые наши русскіе распредѣлились такъ. Одинъ, Василій Бѣляевъ, бывшій матросъ, служитъ намъ въ качествѣ деньщика. Джемсъ Сандерсонъ, а по-русски Тимофей, работаетъ какъ матросъ, а третій — Григорій Шурдукъ помогаетъ Альфр. Марк. исправлять катеръ, купленный К. Ив. въ С.-Франциско. Такъ какъ матросовъ у насъ на суднѣ мало, то Тимофей и Григорій работаютъ много. Угольныя ямы уже опорожнены и ихъ надо дополнять, поэтому оба они изъ носового трюма, полнаго углемъ, насыпаютъ мѣшки и переносятъ ихъ къ ямамъ. Я какъ-то подошелъ къ нимъ, и они мнѣ пожаловались, что имъ обидно, они работаютъ цѣлый день, а 14 человѣкъ китайцевъ совершенно ничего не дѣлаютъ. Я объ этомъ сказалъ К. Ив., тотъ отдалъ приказаніе китайцамъ идти на палубу работать. Китайцы отказались, говоря, что ихъ всѣхъ укачало и они больны. Пошелъ я осмотрѣть ихъ, вижу половина дѣйствительно лежитъ, но другая половина совершенно здоровая, прогуливаются по каютѣ. Въ каютѣ страшный запахъ опіума. У тѣхъ, которые лежатъ, глаза совсѣмъ идіотскіе, стеклянные, очевидно накурились.

Говорю старшему китайцу: „Вотъ есть же здоровые, да и ты здоровъ, идите же работать“.

„Нѣтъ, отвѣчаетъ, я начальникъ, и потому не стану работать, а они не обязаны работать на суднѣ, и будутъ работать, когда пріѣдутъ, на сушѣ“.

Угроза, что ихъ оставятъ безъ обѣда, не подѣйствовала. Тогда капитанъ обѣщалъ окатить ихъ водой изъ помпы, если они не выйдутъ работать. Послѣ этого дѣйствительно вышло нѣсколько человѣкъ, но какъ они работали! Мѣшокъ въ 3—4 пуда они носили втроемъ, тогда какъ Тимофей одинъ, какъ бы шутя, вскидывалъ такой мѣшокъ себѣ на плечи и легко по качающейся палубѣ черезъ мѣшки переносилъ его. Смотрѣть было противно, какъ они работали. Можно ли ихъ сравнить съ тѣми манджурами, которые работаютъ у насъ въ Забайкальѣ на постройкѣ дороги. Вспоминаешь высокія, стройныя бронзовыя

фигуры полуобнаженныхъ манджуръ и, сравнивая ихъ съ нашими уродливыми, маленькими, слабосильными китайцами, думаешь: и зачѣмъ только мы взяли съ собой эту ораву никуда не годныхъ, капризныхъ и упрямыхъ обезьянъ. Вѣдь и плата то имъ какая! 60 долларовъ въ мѣсяцъ на готовомъ содержанiи, да еще съ условiемъ, если умретъ который нибудь изъ нихъ, то доставить его тѣло въ С.-Франциско.

Видите-ли, у нихъ такой законъ, чтобы китаецъ былъ похороненъ въ Китаѣ. Я воображаю, какъ прiятно и удобно будетъ сосѣдство съ разлагающимся трупомъ на нашемъ, и безъ того биткомъ набитомъ, суднѣ.

Сегодня ночью была страшная качка. Какъ я ни старался заснуть, ничего не выходило, то лбомъ ударишь въ стѣну, то такъ швырнетъ въ сторону, что едва удержишься за край кровати. Пузырьки на полкахъ раскачивались во всѣ стороны, звеня на разные тона. По столу гуляли ступки, стаканы, книги. Платье со стѣны полетѣло въ противоположный уголъ. Весь пароходъ трещалъ и дрожалъ. Сколько разъ я вставалъ, зажигалъ электричество, чтобы убрать катавшiеся во всѣ стороны предметы. Только ужъ подъ утро удалось заснуть. Утромъ та же качка, все окутано густымъ пепельнымъ туманомъ. Сѣдыя волны дробятся о бортъ, изрѣдка прыгая на палубу. Сыро и холодно (10 Ц.). Полѣзли было въ трюмъ, но тамъ было небезопасно. Ящики, поставленные одинъ на другой, безпокойно двигались и мы, вынувъ нѣсколько штукъ и не желая рисковать быть раздавленными, вышли на палубу. Американцы, конечно, увидя, что мы что-то вынули, сейчасъ же сбѣжались разбирать вещи по принадлежности, а сами вѣдь пальцемъ не ударятъ, чтобы найти что-нибудь.

Теперь вечеръ. Сидимъ у меня въ каютѣ. Я пишу дневникъ, Александръ Геннадьичъ что-то тихо наигрываетъ на гитарѣ и напѣваетъ, Николай сидитъ на полу; въ дверяхъ, прислонившись къ косяку, стоитъ Василiй и оба безмолвно слушаютъ его тихое, унылое пѣнiе, а снаружи монотонно шипитъ вѣтеръ и холодныя волны однообразно плещутъ у борта.

20 iюня. Алеутскiе острова. Меня разбудилъ стукъ въ дверь и голосъ Ал. Генн.: „вставай, землю видно“. Вскочивши и выругавшись при этомъ, я сталъ торопливо одѣваться. И

было съ чего торопиться, въ каютѣ не было 10 градусовъ тепла и вылѣзать изъ подъ теплаго одѣяла не совсѣмъ было пріятно.

Выйдя на мостикъ, я былъ пораженъ дикимъ величіемъ картины, открывавшейся передъ нашими глазами.

Налѣво океанъ закутался густымъ туманомъ, а направо облака разошлись и яркое солнце лило потоки свѣта. И тутъ прямо изъ воды отвѣсно поднимались величавые массивы горъ, безжизненныхъ, мрачныхъ, лишь только кое-гдѣ тронутыхъ блѣдно-зелеными пятнами растительности. Вершины ихъ, покрытыя снѣгомъ, ослѣпительно блестѣли на солнцѣ, а тамъ, дальше за ними, вершины еще выше ушли въ облака и только низы ихъ пестрѣютъ черными и бѣлыми пятнами. Это мысъ Мортонъ.

Надъ нашими головами низко, низко идутъ облака, летятъ стада птицъ, но на берегахъ еще не видно жизни.

Оставивъ вправо мысъ Мортонъ и пройдя нѣсколько миль по прежнему направленію, мы круто завернули на западъ и вошли въ бухту. Тутъ между капитаномъ Джонсономъ и Лемашевскимъ возникъ споръ, гдѣ остановиться: въ Дютшъ Харборѣ или въ Уналяскѣ.

Лемашевскій стоялъ за послѣднее и К. Ив. принялъ его сторону; такимъ образомъ мы прошли мимо Дютшъ Харборъ. Тамъ стояло нѣсколько судовъ, три военныхъ американскихъ, одно англійское и два, три купеческихъ.

Тутъ есть и угольная станція. Теперь здѣсь грузится одинъ пароходъ, вернувшійся, не дойдя до Кэп-Нома, потому что встрѣтилъ массу льдовъ.

Въ Уналяскѣ, которая отдѣлена отъ Дютшъ Харбора только небольшимъ мысомъ, первое, что бросилось намъ въ глаза, — это была деревянная русская церковь, съ зеленымъ куполомъ, небольшая, но очень красивая, или такъ мнѣ показалось, можетъ быть, потому что на меня сразу повѣяло чѣмъ то роднымъ. Не дойдя нѣсколькихъ десятковъ саженъ до берега, пароходъ остановился и спустилъ на берегъ шлюпку. Вернувшись съ берега Рейнеръ и Альфр. Марковичъ указали намъ подойти къ пристани и мы черезъ нѣсколько минутъ бросили сходни.

Наконецъ-то мы увидали твердую землю послѣ десятидневной непрерывной качки. Немудрено, что первымъ нашимъ желаніемъ

было сойти на землю и мы съ Геннадьичемъ отправились прямо къ селенію.

Уналяска — очень маленькое селеніе, десятка въ три, четыре домиковъ. Расположены они на самомъ берегу залива подъ горами, отъ которыхъ отдѣлены рѣчкой. Десятка два изъ этихъ домиковъ построены совершенно однообразно, вродѣ временныхъ бараковъ и покрашены въ одинъ и тотъ-же темно-красный цвѣтъ. На каждомъ изъ нихъ номерокъ. Это жилища алеутовъ, которые раньше промышляли для Alasca Commercial Company, а теперь на нее работаютъ, за что Компанія даетъ имъ жилища. Внутри домики очевидно чистенькіе, вездѣ видны кисейныя занавѣски и цвѣты на окнахъ. Постройки эти очень легки, повидимому просто изъ тоненькихъ досокъ. Надо имѣть большую привычку жить зимою въ такой легкой постройкѣ; но къ этому здѣсь привыкли, потому что природа здѣсь довольно суровая: не смотря на 20 іюня горы еще всѣ покрыты снѣгомъ.

Почти по срединѣ селенія мы увидѣли школу, на которой была прибита доска съ надписью rev. John Veniaminoff, а дальше церковь. За селеньемъ въ лѣвомъ углу бухты виднѣлось кладбище, къ которому мы и направились.

По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько мальчиковъ алеутовъ, со смуглыми лицами, съ черными жесткими волосами и большими продолговатыми черными глазами, и очень были изумлены, когда они, поровнявшись съ нами, обратились къ намъ: „Здравствуй". Вѣдь, съ 67 года Алеутскіе острова проданы Американскимъ штатамъ, а всетаки русское вліяніе остается.

По дорогѣ къ кладбищу мы увидали на лугу массу фіалокъ, совершенно безъ запаха, но крупныхъ, темно-фіолетовыхъ. На кладбищѣ же было много всевозможныхъ цвѣтовъ; тутъ были и незабудки, и анютины глазки, и полевой лютикъ и еще много, раньше мною не виданныхъ. Мы съ Геннадьичемъ, какъ дѣти, бѣгали по горѣ, собирая цвѣты и черезъ нѣсколько времени у насъ было по большому букету въ рукахъ. Какъ пріятно было размять ноги, чувствуя подъ собою твердую почву, а не качающуюся палубу, подышать чистымъ горнымъ воздухомъ, въ которомъ ощущался запахъ травы, цвѣтовъ.

Побѣгавши, мы съ удовольствіемъ растянулись на зеленой травѣ послѣ жесткой и узкой пароходной койки.

Кладбище помѣщается на горѣ и раздѣляется на православное и не православное. Православное окружено изгородью изъ колючей проволоки, католики и протестанты лежатъ внѣ ограды. Нѣкоторыя могилы обнесены рѣшеткой и украшены цвѣтами. Встрѣчаются и мраморные небольшіе памятники надъ похороненными здѣсь моряками.

Возвращаясь съ кладбища, мы были встрѣчены Григорьемъ, сказавшимъ, что здѣшній священникъ боленъ и проситъ меня къ нему.

Тамъ я нашелъ Кар. Ив. и Лемашевскаго, разговаривающихъ съ больнымъ.

Священникъ, по фамиліи Рысевъ, старикъ 72 лѣтъ, высокаго роста, съ добрымъ, болѣзненнымъ лицомъ. Всю свою жизнь онъ посвятилъ своей миссіи, всю жизнь онъ провелъ на этихъ суровыхъ островахъ; здѣсь онъ похоронилъ своего сына, здѣсь же и самъ умретъ. Какое глубокое уваженіе чувствуешь къ этому человѣку, скромному, нетребовательному носителю идеи просвѣщенія, видя незатѣйливую обстановку его маленькаго домика, замкнутаго среди полудикихъ людей въ суровой пустынной странѣ, и какая глубокая пропасть лежитъ между нимъ и тѣми католическими и американскими миссіонерами, которые живутъ въ Кореѣ, Китаѣ, связывая свою миссіонерскую дѣятельность съ политической агитаціей и подъ часъ пользующихся такой роскошью, которой можно только завидовать. А здѣсь сама простота. Тутъ-же его дочь—настоящая алеутка, также жена миссіонера, и съ ней хорошенькая дочка, дѣвочка лѣтъ 10, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, у которой только смуглый цвѣтъ лица да черные большіе глаза говорятъ, что она креолка, Всѣ онѣ такъ любовно называютъ его папенькой, всѣ говорятъ правильно, хорошо по русски, только у него самого по временамъ вырывается „yes“.

Осмотрѣлъ я его и ребенка, обѣщалъ принести лекарства и пошелъ на судно. Тамъ уже матросы ловили рыбу и очень успѣшно. Вытащили съ десятокъ крупныхъ, чуть не по аршину длиною рыбъ. Слѣдовательно сегодня будемъ имѣть за ужиномъ свѣжую рыбу. Недурно, послѣ надоѣвшихъ уже консервовъ.

Подъ вечеръ мы съ Геннадьичемъ и Альфредомъ Марковичемъ отправились черезъ гору въ Дютшъ Харборъ. Тамъ соб-

ственно ничего не было интереснаго. Два или три домика на берегу, лавка и складъ угля; вокругъ-же болото. По дорогѣ обратно мы были удивлены тѣмъ, что вся трава вокругъ была выжжена. Интересно было узнать, для чего это. Дѣло разъяснилось. По пути на Аляску сюда заѣзжаютъ американскіе золотоискатели, одержимые золотой лихорадкой; имъ вездѣ чудится золото, и вотъ среди нихъ распространено мнѣніе, что по дыму можно узнать, есть-ли въ землѣ золото, поэтому-то они и выжгли всю траву вокругъ.

21 іюня. Проснулся сегодня утромъ и чуть не закричалъ отъ холода. Въ каютѣ было меньше 7 градусовъ Реомюра. Ярко свѣтитъ солнце, вода въ бухтѣ совершенно зеленаго цвѣта, а вокругъ на фонѣ блѣдно-голубого неба, какъ бѣлые зубцы, блестятъ снѣжныя вершины. Утромъ приготовилъ священнику лекарство и отнесъ ему, научивъ, какъ принимать. Онъ очень благодарилъ меня и просилъ взять на память двѣ котиковыхъ шкурки. Шкурки были неподкрашенныя, сѣдыя, мягкія какъ бархатъ. Было у меня искушеніе взять ихъ, но, зная, какъ дорого онѣ цѣнятся здѣсь, я отказался. Мы прицѣнялись здѣсь въ магазинѣ и съ насъ запросили по 15 долларовъ за штуку.

Послѣ обѣда мы съ Геннадьичемъ отправились въ горы и намѣтили себѣ одну вершину, съ которой долженъ былъ открыться прекрасный видъ на окружающее. Но ошиблись дорогой, напрасно поднялись на одну довольно большую сопку, съ которой пришлось спуститься, и сильно устали. Стало жарко, а мы были въ теплыхъ курткахъ; поэтому мы долѣзли только до полосы снѣга, саженъ на сто высоты и легли отдыхать. Видъ и отсюда былъ прекрасный. Внизу, какъ на ладони, раскинулась Уналяска, дальше виднѣется Лютшъ Харборъ и суда въ бухтѣ, а еще дальше море, теряющееся въ туманной дали. Вокругъ насъ, куда ни взглянешь, снѣжныя, причудливыхъ формъ вершины. Вонъ какъ-будто кратеръ потухшаго конусообразнаго вулкана, громадная воронка котораго глубоко входитъ внутрь горы, вонъ совершенно бѣлая, какъ сахарная голова, вершина, уходитъ въ облака, а тамъ темный обрывъ соединяетъ море съ облаками. Дико, пустынно вокругъ. Тишина страшная, мертвая, только по временамъ раздается карканье ворона, да клекотъ орловъ, пролетающихъ надъ нами. Я раскинулъ руки

и неподвижно лежалъ, глядя вверхъ. Большой, бѣлоголовый орелъ, пролетая, замѣтилъ меня и, дѣлая круги, сталъ спускаться. Уже когда онъ былъ близко я выхватилъ револьверъ, послалъ въ него пулю и промахнулся. Еще нѣсколько разъ мы оба пробовали стрѣлять, но безуспѣшно, и пошли къ берегу. По дорогѣ набрели на водопроводъ, водою изъ котораго пользуются жители Уналяски. Довольно высоко на горѣ есть озеро съ чудной водой и отъ него внизъ проложены къ Уналяскѣ тонкія трубы.

Здѣсь мы продали бывшихъ у насъ на суднѣ овецъ по 10 долларовъ за штуку, а сами купили цѣлаго быка по 25 цент. за фунтъ, т. е. по 50 копѣекъ. Какъ видите, цѣна не дурная. Здѣсь живетъ нѣсколько человѣкъ русскихъ, которые и вышли насъ провожать. Въ 6 часовъ вечера мы вышли изъ Уналяски и только что попали въ открытое море, какъ насъ начало бросать, какъ мячикъ. У меня въ каютѣ бутылка съ молокомъ слетѣла и ударилась въ умывальникъ, разбивъ его въ дребезги. Теперь я по милости моря безъ умывальника. Понемногу всѣ начинаютъ сваливаться; лучше лечь отъ грѣха.

22 іюня. Берингово море. Качка сильная, дуетъ холодный встрѣчный нордъ-вестъ и мы идемъ не болѣе шести узловъ въ часъ. Въ водѣ уже только $4^1/_2$ градуса; очень замѣтно, что мы въ сѣверномъ морѣ. Почти всѣ лежатъ въ каютахъ, китайцы такъ и не вылѣзаютъ на палубу, а у нихъ довольно таки душно и скверно на носу Представьте ихъ нечистоплотность вообще, тотъ специфическій запахъ, который идетъ отъ китайца, запахъ опіума и слѣды морской болѣзни, и вы поймете, что за атмосфера въ ихъ каютахъ. На-дняхъ Рейнеръ (фамилія старшаго помощника капитана) заглянулъ было въ ихъ каюту, его немедленно стошнило. Большого труда намъ стоило заставить ихъ всѣхъ вынести на палубу койки, чтобы ихъ хоть обдуло вѣтромъ. Въ это время мы успѣли провѣтрить и облить карболовой кислотой ихъ помѣщеніе. Все-таки стало менѣе противно.

Вечеромъ по обыкновенію ко мнѣ въ каюту пришелъ Геннадьичъ и Василій. Геннадьичъ взялъ гитару и заигралъ унылые народные русскіе мотивы.

Василій, за неимѣніемъ мѣста, сидѣлъ на порогѣ и слушалъ, подперши рукой голову. На его лицѣ, худощавомъ, съ острымъ носомъ, бѣдной бѣлокурой растительностью и узкими воспален-

ными безцвѣтными глазами, отражалось и жадное вниманіе, и въ то же время видно было, что подъ впечатлѣніемъ родныхъ мотивовъ его мысль переносится на далекую родину. А пѣсня, жалобно журча, все лилась, и лилась.

Онъ уже нѣсколько разъ тряхнулъ головой, зачѣмъ то поправилъ картузъ, моргнулъ красными вѣками, но наконецъ не выдержалъ и какъ-то, не то крякнувши, не то вздохнувши, сказалъ.—„И хорошая-же это пѣсня! Такъ и потянуло въ Россію. Что я шатаюсь здѣсь даромъ? Вотъ заработаю у васъ деньги и маршъ въ Петербургъ".

„А давно развѣ ты не былъ у себя дома-то?"

„Дома-то я былъ два года тому назадъ, а вотъ въ Петербургѣ давно не былъ. Хочется мнѣ побывать тамъ. Какъ кончилъ я свою службу, а я семь лѣтъ прослужилъ во флотѣ, поступилъ я на службу къ графинѣ Г. лакеемъ. И служилъ я это у ней цѣлый годъ. Оно было мѣсто ничего, хорошее, да у самой графини характеръ больно глупый, то она зря бранится, то зря хвалитъ. Бросилъ, значитъ, я это мѣсто и уѣхалъ къ себѣ домой. Тамъ поступилъ на службу сторожемъ на границѣ Вятской губерніи и пробылъ цѣлыхъ три года. Наскучило, и думаю я себѣ: зачѣмъ я сижу здѣсь, надо и свѣтъ посмотрѣть, да и жалованья больше получать. Отправился я, понимаете-ли вы, на пароходѣ въ Царицынъ, и хорошее мѣсто нашелъ, буфетчикомъ въ гостинницу. Это дѣло мнѣ знакомое, я послѣдніе-то три года въ морѣ тоже при буфетѣ былъ. Жалованье мнѣ дали хорошее, да и доходишко тоже былъ. Не усидѣлъ и тутъ. Черезъ 4 мѣсяца отправился въ Астрахань и поступилъ на пароходъ помощникомъ буфетчика. И тутъ бы, конечно, хорошо было, да поссорился съ буфетчицей, а она была любовницей капитана, ну, мнѣ и выдали разсчетъ. Хорошо, что машинистъ далъ рекомендацію и поступилъ я снова въ Астрахани официантомъ на шкуну въ Каспійское море. Тутъ тоже можно было бы служить, да какъ-то не ужился и уѣхалъ въ Узунъ-Ада. Куда, думаю теперь дѣться? Однако нашелъ мѣсто и поступилъ стрѣлочникомъ на желѣзную дорогу на 14 рублей. Въ скоромъ времени начальникъ участка взялъ меня къ себѣ въ лакеи и прибавилъ отъ себя еще 5 рублей. Изъ Узунъ-Ада я и началъ переѣзжать по всей линіи Закаспійской дороги, она тогда строилась. Служилъ

и въ Самаркандѣ, и въ Маргеланѣ, и въ Кокандѣ. Прошло безъ малаго три года, постройка кончалась, и уѣхалъ я къ себѣ домой въ Костромскую губернію.

Дома, понимаете-ли вы, какъ-то не жилось: и дѣла подходящаго нѣтъ, да и привыкъ шататься. И вотъ зимой передъ Рождествомъ собрался я въ Нижній. Нашелъ попутчика за два съ полтиной и поѣхалп. Пріѣхалъ, конечно, давай искать мѣста. А мѣста нѣтъ. Вотъ, говорятъ, есть мѣсто въ духовной семинаріи. Пошелъ, спрашиваю. Есть, говорятъ, мѣсто сторожа, пять рублей въ мѣсяцъ жалованья. Хочешь, говорятъ, такъ приходи черезъ двѣ недѣли, возьмемъ. Сталъ я это думать: что-же, вѣдь это обидно, служилъ на пароходахъ, въ гостинницѣ, зарабатывалъ до 60 рублей, а тутъ на пять рублей, да еще ждать двѣ недѣли. Нѣтъ, располагаю, не стоитъ. Такъ и не пошелъ. Сталъ дальше распрашивать. Говорятъ, въ село Богородское на кожевенный заводъ требуется народу. Пошелъ пѣшкомъ, тутъ всего верстъ сорокъ. Пришелъ, спрашиваю работы. Нѣтъ, говорятъ, не надо. Куда дѣваться? Пошелъ опять въ Нижній. И познакомился я тутъ съ однимъ человѣкомъ, тоже безъ работы сидитъ, гроша денегъ нѣтъ. Поговорили съ нимъ, подумали и рѣшили, пока зима, идти въ Астрахань, чтобы къ веснѣ туда поспѣть. Собрались и пошли берегомъ. Дошли это мы до Лыскова, тутъ что-то у насъ разстроилось и пошелъ я одинъ, пошелъ на Княгининъ, на Пензу. А въ Пензѣ раздумалъ идти въ Астрахань, дай, думаю, пойду на Донъ. Распросилъ, конечно, дорогу и пошелъ. Шелъ я это 800 верстъ, черезъ Усть-Медвѣдевскую станицу, Новочеркасскъ, пришелъ въ Ростовъ. Нѣтъ работы. Что-же, говорю себѣ, шелъ далеко, не ворочаться-же, лучше дальше идти. Пошелъ въ Таганрогъ, Маріуполь, Керчь — нигдѣ работы нѣтъ. Ну, думаю, поѣду въ Одессу. Пошелъ на пристань, нашелъ пароходъ, который идетъ въ Николаевъ. Иду къ помощнику капитана: „Ваше, говорю, благородіе, довезите за работу до Николаева". „Ладно, говоритъ, садись". Дошелъ до Николаева, тамъ помощникъ мнѣ далъ рекомендацію на другой пароходъ до Одессы. Въ Одессѣ опять никакого дѣла. Поработалъ я недалеко отъ Одессы, около Очакова на постройкѣ дома и прослышалъ, что нуженъ народъ во Владивостокъ на постройку китайской желѣзной дороги. Вернулся въ Одессу и сговорился

на Добровольномъ Флотѣ за работу доѣхать до Владивостока. Я за проѣздъ, понимаете-ли вы, нигдѣ не плачу, и зачѣмъ я буду платить, ежели я работать могу. Доѣхалъ я это до Владивостока и прослужилъ на желѣзной дорогѣ довольно долго старшимъ рабочимъ, да сбили меня люди: „идемъ, говорятъ, золота искать, его, слышь, здѣсь много". — Думалъ я, думалъ и захотѣлось мнѣ сразу разбогатѣть. Бросилъ службу, пошли втроемъ. Три недѣли бродили мы по лѣсамъ, одинъ разъ китайцы чуть не перебили, отощали, измучились, а золота и знаковъ не нашли. Ну, говорю я товарищамъ, бродимъ мы, бродимъ, и все безъ толку. Коли хотите еще искать, я вамъ не товарищъ, а поѣду я въ Нагасаки. И захотѣлось мнѣ уѣхать въ Америку, говорятъ, тамъ можно много денегъ заработать. Ѣздилъ я много, отчего, располагаю, и тутъ не попытать счастья. Доѣхалъ, конечно, за работу до Нагасаки и остановился въ номерахъ у одной еврейки. Разговорились. Узнала она, что хочу я ѣхать въ Америку, и говоритъ мнѣ: „Будь проклята, говоритъ, эта Америка, я тамъ четыре тысячи рублей потеряла. И ты, говоритъ, не ѣзди". А мнѣ что терять, думаю я, коли у меня ничего нѣтъ. Ну, конечно, пришелъ на пароходъ, прошу взять за работу до С.-Франциско. Нѣтъ, говорятъ, нельзя. Какъ-же быть тутъ? Коли молъ такъ, я и зайцемъ проѣду. Такъ и сдѣлалъ. Пришелъ на пароходъ часа за два до отхода. А когда стали отходить, залѣзъ въ ватерклозетъ и просидѣлъ тамъ, пока не отошли.

Выхожу, а помощникъ, у котораго я просился, навстрѣчу. „Ты, говоритъ, какъ сюда попалъ? Вѣдь я говорилъ тебѣ, что нельзя!" — „Дѣлайте, говорю я ему, что хотите". — „Ну, ступай, говоритъ, чертъ тебя дери, за это работать въ угольную яму". Былъ у насъ на пароходѣ еще одинъ заяцъ—американецъ, такъ того заставили паруса чинить. Записали это насъ, значитъ, матросами на 20 рублей въ мѣсяцъ. А пришли мы въ С.-Франциско, велѣли расписаться въ полученіи. Что сдѣлаешь? расписаться-то расписались, а денегъ, конечно, не получили, надо быть капитанъ получилъ за насъ. Въ С.-Франциско иду я къ консулу. Вотъ молъ, я, конечно, пріѣхалъ, Ваше Превосходительство, сюда работать, такъ не оставьте совѣтомъ. „Да ты, говоритъ, не знаешь говорить по здѣшнему, а здѣсь безъ языка то плохо. Поѣзжай-ка ты обратно, вотъ тебѣ мой совѣтъ". И

капитанъ того парохода, на которомъ я пришелъ, тутъ-же. „Согласенъ, говоритъ, взять его на обратный рейсъ". Еще бы не согласенъ, думаю, я работаю, а ты за меня жалованье получаешь. И согласился я было, да потомъ и думаю: Зачѣмъ-же я пріѣхалъ-то въ Америку. Нѣтъ, ужъ коли пріѣхалъ, такъ посмотрю, какъ здѣсь люди живутъ, не пропаду, чай, съ голоду. Такъ больше къ консулу и не пошелъ. Нашелъ я русскихъ, здѣсь ихъ много въ С.-Франциско. Начали меня угощать, въ театръ повели. А я имъ говорю: денегъ-то братцы, у меня вѣдь нѣтъ. Ну, больше и не водили меня въ театръ, оставили. И началъ я бродить по городу, работы искать. Что было денегъ, все истратилъ. Нѣтъ, думаю себѣ, пойду-ка я въ деревню. Ходилъ долго, все спрашивалъ, нѣтъ-ли русскихъ, наконецъ нашелъ. Оказались евреи. „Вотъ, говорю, ищу работы, да языка здѣшняго не знаю". „Трудно, говорятъ, здѣсь безъ языка-то, да мы тебя не оставимъ, поможемъ. Работай у насъ". Сталъ я у нихъ работать. Проработалъ недѣли три, кормятъ, а о жалованьѣ ничего не говорятъ. Что-же, думаю, служить безъ жалованья то, да и надоѣло. Попросилъ разсчетъ. Дали мнѣ за три недѣли полтора доллара. Не много же вы даете, а что сдѣлаешь. Взялъ полтора доллара и пошелъ куда глаза глядятъ. Иду по дорогѣ, спрашиваю: Work have Jou, значитъ нѣтъ ли работы. „No work". Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ на минахъ (онъ произноситъ уже по англійски „майнахъ") говорятъ: yes, we have. Почемъ, спрашиваю, въ день. Два съ половиной доллара. Хорошо, говорю, согласенъ. Съ обѣда же и началъ работу. Поставили меня въ такое мѣсто, что согнувшись пополамъ и то негдѣ повернуться. и дали тачку. Ну, и работа же! Спина трещитъ, согнувшись поработать, въ головѣ точно въ кузницѣ молотами бьютъ, воздуху нѣтъ. Однако проработалъ до вечера. Very good man, говорятъ. На другой день дали работу полегче. И проработалъ я это больше мѣсяца. Надоѣло, не могу, значитъ, на одномъ мѣстѣ сидѣть долго. Побродяжу, думаю, еще. Попросилъ разсчета. Взялъ и пошелъ. Конечно, первымъ дѣломъ въ трактиръ, saloon по ихнему; ну, тамъ стаканчикъ другой виски, потомъ пива, смотришь, дня черезъ три денегъ-то ужъ ни гроша. Опять работать надо. Пошелъ искать, и нашелъ по два доллара съ четвертью. И то ладно, думаю, а идти то туда миль сорокъ. Ну,

хорошо, попался попутчикъ, какой-то американецъ, покормилъ меня, выпили, и у него тоже всѣ деньги вышли. Пришли на работу, водопроводъ для пріисковъ надо дѣлать, земляная работа, конечно. Ну, ничего, проработалъ мѣсяцъ; опять надоѣло. Отправился въ С.-Франциско, побродилъ тамъ, работы все нѣтъ. А тутъ вдругъ слышу, что въ экспедицію въ Сибирь люди нужны. Слава Богу, думаю, и Америка уже надоѣла, народъ-то вѣдь здѣсь ни во что не вѣритъ, чорту молится, да и ѣсть нечего. Вотъ и поступилъ къ вамъ".

Сидимъ мы молча и слушаемъ одиссею нашего Василья. И думаю я, въ другое время, при другихъ условіяхъ изъ него вышелъ бы, пожалуй, или Ермакъ или Семенъ Дежневъ. Вѣдь такой же страстью къ путешествіямъ отличались и наши предки: ушкуйники и запорожцы, такіе же любители приключеній, съ Ермакомъ завоевали Сибирь. Но время прошло и нѣтъ уже мѣста для подвиговъ. И самъ я развѣ не потому мотаюсь по бѣлу свѣту? Развѣ не то же желаніе видѣть все новое и новое руководитъ мною?

А за дверью каюты свиститъ и воетъ вѣтеръ; холодныя брызги дождя стучатъ въ окно и мелкой пылью летятъ по палубѣ. Качаетъ; пароходъ скрипитъ и стонетъ. Кругомъ туманъ; холодно и непривѣтливо встрѣчаетъ насъ Берингово море.

24 іюня. Вчера море съ утра побаловало насъ прекрасной погодой. Проснулся я рано и почувствовалъ, что качки никакой нѣтъ. Отворилъ дверь каюты и просто замеръ: море блѣдно-голубое съ сѣроватымъ оттѣнкомъ было гладко, какъ зеркало. По голубому небо высоко, высоко плыли рѣдкія прозрачныя облака, свѣтило солнце и на горизонтѣ ярко освѣщенныя имъ блестѣли вершины острова Св. Матвея. Тишина полная, воздухъ чистый, свѣжій. Даже какъ будто тепло, хотя въ тѣни всего 8° R. Всѣ стали веселѣе, бодрѣе; слышатся шутки, смѣхъ. Но недолго это продолжалось. Вечеромъ съ сѣверо-запада полѣзъ туманъ, подулъ холодный вѣтеръ и поднялась качка. Лежали мы опять на мостикѣ, на своемъ излюбленномъ мѣстѣ, и незамѣтно провели время до 11 часовъ. Такъ было свѣтло, что можно было читать совершенно свободно. Геннадьичъ велѣлъ себѣ принести спальный мѣшокъ на мостикъ и улегся тамъ. Холодъ и сырость страшная. Уговаривалъ его идти въ каюту,

не хочетъ, только уже послѣ полуночи удалось сманить его внизъ, соблазнивши тѣмъ, что въ буфетѣ есть ананасы.

25 іюня. Густой молочный туманъ, сыро, холодно, въ водѣ только $^{4}/_{0}{}^{0}$ R. Шли тихимъ ходомъ, то и дѣло давая свистки. Вдругъ передъ обѣдомъ мы услыхали какъ-будто эхо отъ нашего свистка. Что это значитъ? Неужели берегъ близко? Опасно идти дальше, такъ какъ въ 10 саженяхъ ничего не видно, можно и на берегъ наскочить. Бросили якорь и спустили на воду шлюпку. Сѣлъ на нее Рейнеръ съ матросами, присоединился и Геннадьичъ. Всѣ были такъ увѣрены, что берегъ близко, что не взяли ни прѣсной воды, ни хлѣба. Взявъ курсъ на сѣверъ, шлюпка отвалила и тотчасъ-же скрылась въ туманѣ. Американцы засѣли за карты, а я ушелъ къ себѣ въ каюту и сѣлъ писать дневникъ подъ жалобный вой сирены. Иногда просто за душу схватываетъ этотъ прозительный отчаянный вой.

Черезъ нѣсколько часовъ шлюпка вернулась. Уходили они далеко, даже и сирену уже не стало слышно, а берега не нашли, встрѣтили мелкій плавучій ледъ и вернулись, боясь сбиться съ курса.

Ночь совершенно бѣлая, да это даже и не ночь, а такъ только, какъ будто пасмурнѣе стало ненадолго. Мы сидимъ въ каютѣ Геннадьича и потягиваемъ вино, подъ предлогомъ, что празднуемъ прибытіе въ русскія воды.

Такъ какъ туманъ не разсѣялся, а капитану повидимому хочется поиграть въ карты, то мы ночуемъ на якорѣ.

ГЛАВА IV.

По берегамъ Чукотскаго полуострова.

Бухта Провидѣнія. — Мы находимъ подозрительный пароходъ «Progress».— Встрѣча съ чукчами. — Кладбище. — Чукотское селеніе. — Юрты. — Мы переходимъ къ мысу Чаплина. — Селеніе Уныынъ. — Одежда чукчей. — Охота у чукчей. — Безпорядки на судне. — Спиритическая подкладка экспедиціи. — Нашъ капитанъ. — У мыса Новосильцева. — Неожиданная встрѣча съ золотоискателями. — Мягковъ остается на берегу у устья р. Маричъ. — Мы идемъ на Аляску.

---

26 іюня. Бухта Провидѣнія. Утромъ туманъ сталъ какъбудто еще гуще. По пароходу разнесся слухъ, что капитанъ

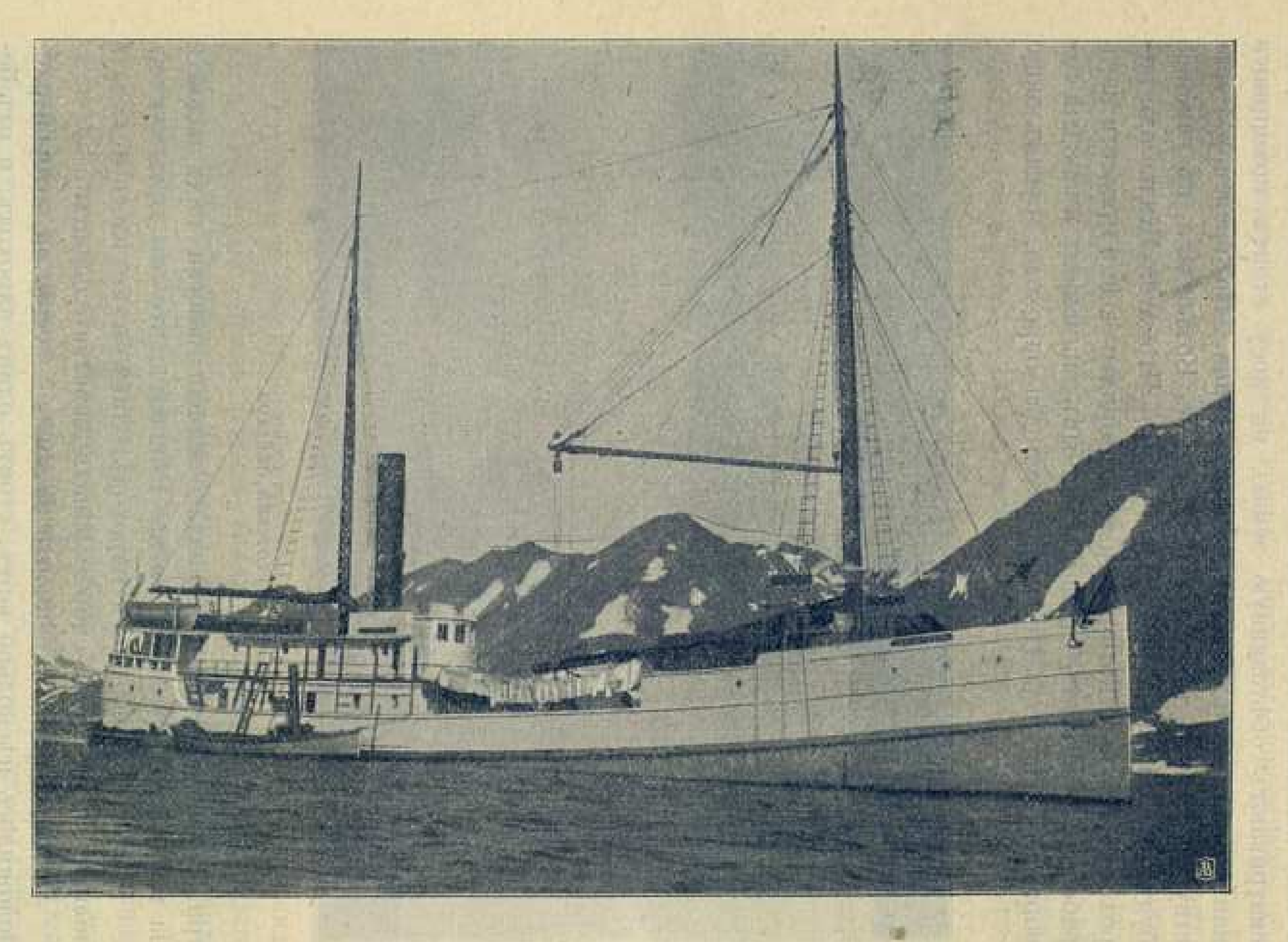
Видъ береговъ въ бухтѣ Провидѣнія.

спуститъ нашъ большой вельботъ и самъ отправится въ туманную даль искать обѣтованную землю. Мнѣ совсѣмъ стыдно стало, навѣрное, покраснѣлъ даже. Вѣдь я его всегда считалъ человѣкомъ весьма способнымъ.... просидѣть цѣлые сутки за карточнымъ столомъ, и вдругъ оказывается, что это не единственное его достоинство. Смотрю, спускаютъ вельботъ, оснастили. Ну, думаю, сейчасъ поѣдутъ: смотрю дальше, мачты снова вынимаютъ, кладутъ. Въ ботъ спускается младшій помощникъ и два матроса; сейчасъ, вѣрно, и самъ капитанъ пожалуетъ. Вдругъ чувствую, что нашъ пароходъ тронулся. Что за исторія? Смотрю, а на мостикѣ стоитъ капитанъ, окруженный цѣлой ватагою американцевъ, пошелъ и я наверхъ. Капитанъ даетъ одинъ за другимъ свистки сиреной, и мы слышимъ эхо, раздающееся непосредственно вслѣдъ за свисткомъ. „Берегъ близко", говоритъ капитанъ. „Совершенно вѣрно, по картѣ такъ выходитъ, отвѣчаю я, но мнѣ кажется, эхо здѣсь ни при чемъ". Тутъ поднялся страшный споръ. Всѣ американцы настаиваютъ, что это эхо идетъ отъ берега, отъ горъ.

Я же утверждаю, что это эхо идетъ отъ облаковъ тумана, окружающихъ насъ. Привожу имъ скорость распространенія звука и говорю, что если эхо раздается непосредственно послѣ основного звука, то отражающая поверхность должна быть очень близко. „Ну, да вѣдь это въ наукѣ, отвѣчаютъ мнѣ, а въ жизни бываетъ иначе, вотъ капитанъ говоритъ, что эхо отъ берега, значитъ, это такъ и есть." Такъ мы и не сошлись во мнѣніяхъ. Часа два спустя показались льды, а за ними въ туманѣ на горизонтѣ какія-то полосы, которыя черезъ нѣсколько времени оказались горами. Американцы были въ восторгѣ и кричали: „практика взяла вверхъ надъ наукой", и совершенно упустили изъ виду, что ночью мы стояли миляхъ въ двадцати отъ берега.

Чѣмъ ближе мы подходили къ берегу, тѣмъ яснѣе становились черные массивы огромныхъ голыхъ горъ, покрытыхъ бѣлыми пятнами снѣга. Эти мрачныя, суровыя горы, туманъ, сѣрое море, покрытое плавающимъ льдомъ, пронизывающая сырость и холодъ производятъ какое то особенное, подавляющее впечатлѣніе. Кажется, что мы попали въ какой-то новый, сказочный міръ.

Пароходъ, пройдя немного на западъ, повернулъ прямо на

«Самоа» въ бухтѣ Plover.

сѣверъ и мы плыли уже въ самой бухтѣ, медленно пробираясь между льдинами. Всѣ столпились на мостикѣ и въ бинокль разсматриваютъ обѣтованную землю, на носу стоитъ помощникъ капитана и командуетъ движеніемъ судна. По временамъ чувствуется слабый толчекъ, трескъ льда. Вотъ вдали въ глубинѣ будто чуть замѣтно поднялся дымокъ. Что это? Жилье или пароходъ „Якутъ“, который долженъ придти сюда и привести намъ рабочихъ. Смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ и каждый говоритъ, что видитъ. Иному кажется два парохода, другимъ даже

Чукотская байдара.

три. Вотъ ниже дыма показалась черная полоска надъ водой и на ней какія то темныя пятна. Рѣшаютъ, что это юрты чукчей.

Какъ медленно идетъ пароходъ, такъ и хотѣлось бы дать полный ходъ, чтобы скорѣе узнать дѣйствительность.

Вотъ уже ясно видно, что за низкой косой, на которой расположилось нѣсколько юртъ, стоитъ одинъ пароходъ, а отъ берега къ намъ плыветъ лавируя между льдинами шлюпка. Сомнѣнья нѣтъ, это „Якутъ“ и онъ выслалъ намъ навстрѣчу шлюпку.

Вотъ уже и шлюпка близко и мы различаемъ на ней какія то темныя фигуры въ странныхъ костюмахъ. Это не шлюпка, а чукотскій каюкъ и въ немъ чукчи. Вотъ мы поровнялись съ ними, кричимъ имъ. Въ отвѣтъ слышатся радостные крики и смѣхъ. Они приближаются и гребутъ рядомъ съ пароходомъ. Въ лодкѣ нѣсколько мужчинъ и двѣ женщины, всѣ съ непокрытыми головами, въ мѣховыхъ рубахахъ, поверхъ которыхъ накинуты какія то широкіе мѣшки изъ пузыря. У женщинъ на спинахъ какіе то горбы, которые оказались ребятами, и матери, несмотря на холодъ и льды кругомъ, вытаскиваютъ ихъ по временамъ, чтобы покормить грудью. У всѣхъ лица довольно смуглыя и очень грязныя, что даже съ парохода видно. Мы уже проходимъ мимо кошки, за которой находится маленькая бухта Plover, и идемъ къ стоящему тамъ судну. Что это за судно? На кормѣ развѣвается русскій флагъ, но не военный, а трехцвѣтный, надпись еще трудно разобрать, но вотъ уже видно и ее. Судно называется „Progress". Странно! Русскій флагъ на кормѣ и иностранное названіе.

Мы бросили якорь. Черезъ нѣсколько минутъ отъ Progress'а отошелъ паровой катеръ и пришелъ къ намъ.

Изъ него вышли трое. Одинъ пожилой господинъ, съ умнымъ энергичнымъ лицомъ, инженеръ Шоклей, какъ онъ отрекомендовался, другой Вандерлибъ, молодой здоровый, краснощекій человѣкъ, и наконецъ, третій, высокій, сухощавый норвежецъ — командиръ судна. Они прежде всего спросили капитана, поздоровались съ нимъ и затѣмъ Шоклей ушелъ къ Робертсу, передать ему какія то бумаги. Затѣмъ Богдановичъ пригласилъ ихъ въ свою каюту на чашку чая. Изъ разговоровъ выяснилось, что это странное судно пришло сюда тоже искать золото. Они сказали, что судно принадлежитъ владивостокскому купцу Юлію Бриннеръ, а Шоклей—начальникъ экспедиціи, что они доходили до мыса Дежнева, кое гдѣ на берегахъ искали золото, но не нашли и теперь возвращаются обратно. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, они уѣхали, но катеръ вернулся, привезя къ намъ еще какого то господина въ форменной фуражкѣ съ кокардой. Оказалось, что это отводчикъ, взятый на „Progress", чтобы сдѣлать нѣкоторые отводы въ Гижилѣ. Онъ жаловался, что Шоклей возитъ его насильно на суднѣ, а ему нужно вернуться во Влади-

Молодой чукча.

востокъ. Слушали мы все это, но какъ-то все было странно: и это иностранное судно подъ русскимъ флагомъ, вышедшее изъ Владивостока, якобы не зная, что получена уже г. В—мъ концессія по всему Чукотскому полуострову, эта иностранная администрація экспедиціи русскаго купца, знакомство Шоклея съ Робертсомъ, и этотъ чиновникъ, насильно возимый по Берингову морю. Мало чувствовалось довѣрія къ ихъ словамъ.

Подъ утро „Progress" ушелъ, по словамъ Шоклея, во Владивостокъ.

Мы въ этотъ день впервые ступили на нашу землю. На берегъ мы вышли вмѣстѣ съ американцами, но потомъ съ Мягковымъ ушли отъ нихъ берегомъ моря.

Вокругъ ни кустика, не только что дерева, подъ ногами или голая галька или мохъ и тощая грязнозеленая травка съ мелкими цвѣточками безъ запаха, надъ головою туманъ. И горы, и покрытое льдами море теряются въ этомъ туманѣ. Холодный вѣтеръ несетъ въ лицо мелкую водяную пыль и пронизываетъ до костей. Дико, сурово и непривѣтливо вокругъ. Рѣзкіе крики гусей, чаекъ, да трескъ ломающагося льда, вотъ звуки, оживляющіе эту мертвую природу.

Сильный порывъ вѣтра прорвалъ туманное покрывало и передъ нашими глазами выросли гигантскія, черныя, лишенныя растительности горы, покрытыя лишь пятнами снѣга. Вершины ихъ, какъ будто висѣли надъ головой, готовыя рушиться и раздавить насъ.

Мы пошли къ горамъ и стали карабкаться по острымъ каменнымъ обломкамъ. Подъ ногами внутри горы что-то глухо ворчало и гудѣло. Становилось жутко при этомъ подземномъ шумѣ среди мертвой природы.

Это шумѣли ключи, бѣгущіе съ горъ подъ камнями. Мы разошлись другъ отъ друга.

Вдругъ слышу, Мягковъ кричитъ:

— Иди сюда, скорѣе!

Я побѣжалъ къ нему и увидѣлъ, что онъ стоитъ и показываетъ между камней человѣческій черепъ. Оказывается, мы попали на кладбище. Вокругъ насъ тамъ и сямъ виднѣлись разбросанныя по камнямъ человѣческія кости. Чукчи очень чтятъ память своихъ покойниковъ, но хоронятъ ихъ весьма ориги-

нально. Послѣ смерти покойникъ остается четыре дня дома, причемъ никто изъ постороннихъ не можетъ входить въ юрту, гдѣ онъ находится. По истеченіе этого срока, покойника торжественно кладутъ въ санки и несутъ на рукахъ, если это случается лѣтомъ, а зимой везутъ на собакахъ, въ горы, гдѣ у нихъ всегда находятся кладбища. Тамъ покойника совершенно нагого кладутъ на камни и вокругъ него выкладываютъ овалъ изъ камней. Рядомъ съ тѣломъ кладутъ трубку, ножикъ, ложку, наконечникъ отъ стрѣлы, оселокъ, а у женщинъ еще напер-

Способъ погребенія у чукчей.

стокъ и гребень. Въ ногахъ кладутъ палки отъ носилокъ или отъ саней. Сани разбиваютъ, а одежду покойника и ремни рѣжутъ на куски и прикрываютъ камнемъ. Такъ и остаются трупы тлѣть на открытомъ воздухѣ. Надо думать, что собаки, вообще плохо питающіяся здѣсь, не брезгаютъ покойниками, такъ какъ костями засыпана вся гора сверху до низу, и при этомъ нѣтъ ни одного цѣльнаго скелета. По множеству костей можно предположить, что это кладбище очень древнее, и что селеніе, находящееся внизу было прежде гораздо больше.

28 іюня. Сегодня утромъ рѣшили отправиться въ экскурсію на поиски золота. Я присоединился къ компаніи нашихъ золотоискателей. Вышли мы на катерѣ, а сзади на буксирѣ привязали шлюпку. Въ бухтѣ встрѣтили массу льда, который сюда загнало южнымъ вѣтромъ. Нашъ маленькій катеръ ловко лавировалъ между льдинами, временами только уменьшая ходъ. Туманъ разсѣялся и льды заблестѣли на солнцѣ. На пути мы спугивали цѣлыя стада птицъ, которыя, сдѣлавъ кругъ надъ нашей головой, тотчасъ же опускались снова на воду.

Черезъ полтора часа мы подошли къ устью Оленной рѣки. Она впадаетъ въ море въ самомъ началѣ Бухты Провидѣнія, съ западнаго ея берега. Пристать къ берегу было трудно. Сильный прибой прижалъ къ берегу массу льда, который движется и ломается. Дно усѣяно камнями. Поискавши спокойнаго тихаго мѣста и не найдя его, мы рѣшили поставить катеръ на якорѣ, а сами пристать къ берегу на шлюпкѣ. Но и то было не легко. Въ ледъ попасть опасно; можно раздавить шлюпку, да и самимъ не выбраться; на камняхъ при прибоѣ тоже не совсѣмъ удобно, дно пррбить можно. Выбрали мѣсто, гдѣ камни были поменьше, повернули шлюпку носомъ къ берегу, и подбрасываемые волнами выкинулись на берегъ.

Шлюпка только крякнула, сзади налетѣла волна и, прежде, чѣмъ мы успѣли выскочить на землю, насъ окатило съ ногъ до головы. Въ карманѣ у меня лежали сигары, спички, все это размокло. Пока выгружались прочіе, я, схвативъ ружье, побѣжалъ на охоту. Птицы было очень много. Цѣлыя тучи утокъ и чаекъ носились надъ широкой лагуной, отдѣленной отъ моря косой, и покрывали песчаные острова на ней. Но они были очень осторожны и, издалека замѣтивъ меня, поднимались съ рѣзкими криками и перелетали дальше. Съ трудомъ мнѣ удалось убить нѣсколько штукъ.

Съ какимъ удовольствіемъ я бродилъ по широкой долинѣ Оленной рѣки. Рѣка течетъ параллельно бухтѣ Провидѣнія на югъ по долинѣ, защищенной съ двухъ сторонъ высокими горными хребтами, разбиваясь на нѣсколько рукавовъ. Наши золотоискатели, переходя съ мѣста на мѣсто, пробовали пески, и нашли знаки золота. Всѣ обрадовались. Вѣдь сегодня первый разъ стали искать и сейчасъ же нашли. Было уже поздно и голодъ

давалъ таки себя знать, пора была возврашаться. Опять пришлось бороться съ бурунами; отходить отъ берега гораздо труднѣе, чѣмъ приставать, опять насъ обливаетъ холодной волной, но, сдѣлавъ нѣсколько усилій, мы выбились изъ буруновъ и пересѣли въ катеръ. Тамъ Алфр. Марковичъ уже сварилъ на котлѣ намъ чаю и мы, закусывая и болтая, дошли до парохода. Хотѣлъ было лечь спать, но вышелъ на палубу. Смотрю, Карлъ Ивановичъ стоитъ съ ружьемъ и ждетъ тюленя. Остановился и я. Подождали нѣсколько минутъ. Тюлень выставилъ изъ воды голову. К. Ив. выстрѣлилъ, на звукъ выбѣжалъ Мягковъ, и мы, схвативши багоръ, бросились въ нашу душегубку. Такая у насъ имѣется, въ ней можно сидѣть только вдвоемъ и она течетъ. Поплавали вокругъ судна, но тюлень не показывался. Это насъ мало огорчило, такъ пріятно было прокатиться по гладкой водѣ бухты при блѣдныхъ сумеркахъ, замѣняющихъ ночь. А тюленей здѣсь много; то и дѣло высовываютъ они изъ воды свои круглыя головы и съ любопытствомъ осматриваютъ пароходъ. Вчера Пикаръ уже убилъ одного.

29 іюня. Съ самаго утра погода прекрасная. Туманъ поднялся, сгустился въ облака и легкимъ бѣлымъ поясомъ опоясалъ темныя горы. Полосы снѣга въ горахъ заблестѣли на солнцѣ. Изумрудная, гладкая поверхность бухты пестрѣетъ бѣлыми пятнами льда. А сверху, съ огромнаго блѣдно-голубого купола неба, солнце привѣтливо льетъ свои лучи, какъ бы желая вознаградить землю за тѣ скучные, томительные дни, когда оно пряталось въ холодный туманный покровъ. Къ борту подошли двѣ чукотскія лодки. Чукчи, узнавъ, что я врачъ, пріѣхали просить лекарствъ. Я посмотрѣлъ ихъ и къ сожалѣнію не нашелъ ни одного здороваго. У большинства болѣли глаза, всѣ безъ исключенія кашляли, у многихъ—какіе то лишаи, струпья на кожѣ, покрытой слоемъ жира и грязи. Удовлетворивъ ихъ, насколько было возможно, я отпустилъ ихъ домой, сказавъ, что послѣ обѣда пріѣду къ нимъ и еще посмотрю ихъ.

Пообѣдавши, я взялъ фотографическій аппаратъ и съѣхалъ на берегъ.

На берегу валялись кучи китовыхъ костей, очевидно китовъ здѣсь много.

Я обошелъ всѣ юрты, осматривая и фотографируя чукчей.

Чукчи у юрты.

Юртъ здѣсь было всего три и еще палатка на берегу. Трудно передать то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня осмотръ жилищъ чукчей и ихъ самихъ.

Юрты строятся такъ: разравнивается мѣсто въ формѣ круга и обносится рядомъ камней; въ землю врываются китовыя кости, за неимѣніемъ лѣса, что и составляетъ остовъ юрты. Для этой же цѣли идутъ всевозможные обломки дерева. Остовъ сверху покрывается моржовыми и лахтачьими шкурами, крѣпко связанными ремнями. Такимъ образомъ, получается круглый шатеръ, съ вершиной обыкновенно немного экцентрично расположенной. Чтобы сильные вѣтры не сорвали покрышки, по бокамъ на ремняхъ подвѣшиваются тяжелые камни, крѣпко натягивающіе крышу. Внутренность юрты раздѣляется на два отдѣленія: спальня и общее помѣщеніе. Спальни помѣщаются у стороны, противоположной двери, и представляютъ собою ящики, вышиною вершка два, шириною въ сажень и такою же длиною. Ящикъ этотъ сдѣланъ изъ шкуръ и накрытъ ими въ нѣсколько рядовъ, полъ устланъ также оленьими шкурами и входъ завѣшанъ пологомъ изъ шкуръ. Такой же ящикъ представляетъ собою спальню для цѣлой семьи; если же въ юртѣ живетъ нѣсколько семей, то для нихъ имѣется нѣсколько такихъ спаленъ.

Въ переднемъ же отдѣленіи, иногда очень свободномъ, помѣщается имущество хозяевъ: шкуры, мясо, ружья и другія охотничьи принадлежности. Здѣсь же на полу, посрединѣ находится очагъ, на которомъ они готовятъ себѣ пищу, тутъ же въ очень ненастныя зимнія ночи они держатъ своихъ ѣздовыхъ собакъ. Подойдя только къ юртѣ, вы поражаетесь непріятнымъ тяжелымъ запахомъ. Вокругъ юртъ валяются полуобглоданныя кости, обрывки шкуръ и всякіе отбросы, тутъ же можете встрѣтить и дохлую собаку. Но при входѣ въ юрту этотъ запахъ становится гуще, тяжелѣе, и вы съ трудомъ можете пробыть въ ней нѣсколько минутъ. Это еще все ничего, но надо набраться какъ можно больше храбрости, чтобы поднять пологъ спальни и просунуть туда голову. Тамъ васъ встрѣчаютъ такіе запахи, что и крѣпкаго человѣка начинаетъ тотчасъ же мутить. По своей силѣ и остротѣ ощущенія это можетъ только сравняться съ диссекціоннымъ заломъ анатомическаго театра въ самый разгаръ работы. Спальни освѣщаются и согрѣваются тюленьимъ жиромъ, который нали-

Чукчи у юрты.

вается въ маленькую чашку и неугасимо горитъ, распространяя невозможный чадъ и копоть. Чукчи спятъ здѣсь совершенно нагіе, въ повалку, вмѣстѣ и мужчины и женщины, и взрослые, и дѣти, и иногда, говорятъ, приглашаютъ къ себѣ любимую собаку. Можете себѣ представить, какая атмосфера получается въ спальнѣ; просто надо удивляться, какъ они могутъ жить и не задохнуться.

При моемъ входѣ въ одну юрту, мнѣ сейчасъ же указали на одну женщину. Она совершенно нагая вылѣзала изъ за полога. Ея голова была покрыта струпьями; воспаленныя, гноящіяся вѣки съ трудомъ поднимались, распухшія запекшіяся губы показывали бѣлыя десны, сухіе жесткіе волосы на головѣ перепутались и образовали что-то въ родѣ кошмы. Железы на шеѣ распухли, изъ груди вмѣстѣ съ сиплыми звуками голоса вырывались свистящіе хрипы. Желтая, сморщенная кожа была покрыта слоемъ жира и грязи. Это было что-то ужасное! Она просила меня помочь ей. Я обѣщалъ, успокоилъ, какъ умѣлъ, но что я могъ тутъ сдѣлать? Нашъ пароходъ уйдетъ сегодня ночью, а лечить эту женщину нужно цѣлые мѣсяцы, потому что у ней найдется цѣлый десятокъ болѣзней.

Въ другой юртѣ я нашелъ больную женщину, подобную первой и еще больного ребенка нѣсколькихъ мѣсяцевъ; когда его повернули лицомъ ко мнѣ, я, человѣкъ привычный, невольно отвернулся. Маленькое, красное, сморщенное лицо ребенка представляло одинъ сплошной струпъ.

И не мудрено: одѣтъ онъ въ грязныя шкуры, его носятъ на спинѣ, подъ одеждой, такой же грязной, сосетъ онъ грязную грудь своей матери, мытья не знаетъ. А вотъ молодая дѣвушка, она была бы, пожалуй, не дурна, но за ушами и на шеѣ у нея гноящаяся короста.

Видѣть этихъ несчастныхъ, сознавать, что я могъ бы имъ помочь, но никакъ ни при томъ образѣ жизни, какой они ведутъ, сознавать, что мои свѣдѣнія не примѣнимы, сознавать полное свое безсиліе въ данномъ случаѣ, было больше, чѣмъ тяжело.

Я отправился назадъ на судно. По дорогѣ мнѣ встрѣтилось нѣсколько чукчей. Разговаривая со мной они улыбались. Они еще могутъ смѣяться въ такомъ положеніи. Жить среди голыхъ

Чукотскія женщины.

горъ, камней, не видя ни листочка, ни деревца, даже лѣтомъ, во льдахъ, подъ холоднымъ вѣтромъ въ постоянной сырости.

Питаться тюленьимъ мясомъ, жиромъ, дохлымъ китомъ, который выброситъ имъ море, спать въ вонючихъ шкурахъ въ грязи дымной юрты. Что это за жизнь? А вѣдь живутъ, шутятъ, смѣются. Вотъ до чего можетъ дойти нетребовательность! Вечеромъ на суднѣ у насъ было много разговоровъ, американцы всѣмъ не довольны, и открыто это выражаютъ. Сегодня Робертсъ не пустилъ на работу китайцевъ, говоря, что здѣсь зо-

Чукчи у юрты.

лота нѣтъ и работать не стоитъ, и что китайцы наняты для ручной, а не для земляной работы. Что же это значитъ? Развѣ поиски золота не связаны съ земляной работой.

„Якута" все еще нѣтъ, и Робертсъ уже говоритъ: „Якутъ" для меня совершенно не нуженъ, пусть онъ насъ ищетъ, а я не намѣренъ его ждать". Вообще отношенія стали плохими. Вечеромъ вернулся съ Оленной рѣчки Мягковъ и сказалъ, что золото встрѣчается въ каждой чашкѣ.

30 іюня. Мы стоимъ у мыса Чаплина въ виду селенія Уныынъ

Видъ селенія Уныинъ на мысѣ Чаплина.

означеннаго на картахъ Indian Point. Погода прекрасная, тепло, тихо. Американцы наши всей компаніей, захвативъ китайцевъ, отправились на берегъ, съ гордостью заявивъ: „Вотъ это настоящій Кэпъ Номъ, вотъ гдѣ надо искать золото". Черезъ полчаса отправились и мы за ними.

Выйдя на берегъ, на которомъ еще лежалъ снѣгъ, мы пошли черезъ село. Селеніе Indian Point расположено на плоской узкой косѣ, мысомъ выдвинувшейся въ море; это самое большое селеніе на Чукотскомъ полуостровѣ, изъ всѣхъ тѣхъ, которыя мы потомъ видѣли. Число жителей около 300. Юрты здѣсь гораздо больше и лучше, чѣмъ въ бухтѣ Провидѣнія; нѣкоторыя поверхъ шкуръ крыты еще парусиной. Даже есть три деревянныхъ домика, сколоченные изъ толстыхъ досокъ съ окнами, въ которыхъ имѣются рамы и стекла. Это—магазины, построенные Американцами; въ нихъ лежатъ вмѣстѣ съ мѣхами и другими чукотскими товарами также и американскіе. Очевидно, американцы посѣщаютъ ихъ часто. Еще на берегу мы видѣли нѣсколько десятковъ большихъ вельботовъ, у нихъ же вымѣненныхъ. Насъ сейчасъ же окружила цѣлая толпа чукчей и мы въ сопровожденіи ея пошли черезъ село. Чукчи здѣсь здоровѣе и чище, чѣмъ въ бухтѣ Провидѣнія. Изъ женщинъ встрѣчаются нѣкоторыя довольно недурныя; онѣ нисколько не боязливо и очень довѣрчиво, привѣтливо, но съ чувствомъ собственнаго достоинства разговариваютъ съ нами. Большинство изъ нихъ понимаютъ по англійски, а нѣкоторые и говорятъ. Чукчи—хорошо сложенные, средняго роста люди (средній ростъ мужчины приблизительно 2 арш. 5½ и 6 вершковъ, женщины 2 арш. 3 и 4 вершка), широкоплечіе, сильные и выносливые, кожа лица и тѣла смуглая, лицо округлое или овальное, скулы не выдаются, глаза каріе или черные поставлены прямо. Растительность на лицѣ совершенно отсутствуетъ или, если встрѣчается, очень рѣдкая. Волосы на головѣ черные, прямые и очень густые. Мужчины стригутся въ кружокъ и затѣмъ выстригаютъ или выбриваютъ темя, оставляя такимъ образомъ вокругъ головы вѣнчикъ волосъ въ вершокъ ширины. Женщины носятъ двѣ косы. Онѣ всѣ татуируютъ себѣ лицо такимъ образомъ: по лбу идутъ двѣ синія полоски вертикально и спускаются по краямъ спинки носа, затѣмъ на подбородкѣ идутъ двѣ или три дугообразныя линіи выпуклостью кверху или три вертикальныя

Магазинъ въ селеніи Уныинъ.

полоски; на щекахъ тоже встрѣчаются такія дугообразныя полоски. Кромѣ лица женщины татуируютъ плечи и грудь.

Мужчинъ татуированныхъ не видно. Одежда чукчей вся состоитъ изъ шкуръ. Мужчины носятъ широкія рубашки изъ оленьихъ шкуръ мѣхомъ внутрь или наружу, съ широкимъ открытымъ воротомъ, отороченнымъ собачьимъ мѣхомъ, подпоясанныя ремнемъ, на которомъ виситъ ножъ въ кожаныхъ ножнахъ. Штаны носятъ они узкія, или изъ тюленьей шкуры мѣхомъ наружу или изъ оленьей мѣхомъ внутрь, и сапоги или изъ оленьихъ ножекъ, такъ называемыхъ камасовъ, или изъ выдѣланной и продымленной тюленьей кожи съ подошвой изъ лахтака. Эти послѣднія совершенно не проницаемы для воды и очень легки.

Зимою поверхъ этого они надѣваютъ другую мѣховую рубашку (кухлянку) и на голову небольшой малахай.

Одежда женщины состоитъ также изъ широкой рубашки, соединенной подъ одно съ широкими штанами (вродѣ костюма клоуна) и небольшихъ сапогъ изъ разноцвѣтныхъ шкурокъ.

На рукахъ носятъ варежки и перчатки, иногда въ четыре пальца.

У болѣе состоятельныхъ подолы кухлянки, сапоги, рукавицы и шапки украшены причудливымъ узоромъ изъ маленькихъ разноцвѣтныхъ кусочковъ шкурокъ, что напоминаетъ вышивку и бываетъ очень красиво, или вышиты разноцвѣтными нитками.

Женщины носятъ бусы и очень любятъ всякія украшенія.

Встрѣчаются иногда кухлянки, сшитыя изъ выдѣланныхъ птичьихъ шкурокъ, преимущественно утокъ, перомъ наружу, что тоже очень оригинально и красиво, или выдѣланныхъ ощипанныхъ шкурокъ, похожихъ на тонкую очень мягкую лайку.

Въ сырую погоду поверхъ мѣхового костюма они надѣваютъ широкія рубашки изъ пузыря, которыя хотя и промокаютъ, но не пропускаютъ черезъ себя воду, или, наконецъ, рубахи изъ парусины, доставляемой имъ американцами.

Костюмъ дѣтей тотъ же, что и взрослыхъ. Въ отношеніи гигіены такой костюмъ представляется безусловно неудовлетворительнымъ. Правда, онъ тепелъ и приспособленъ для суроваго климата, но такъ какъ чукчи надѣваютъ шкуры прямо на голое тѣло и, разъ надѣвъ его, носятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не износится совершенно, а онъ благодаря своей прочности носится

долго, то, конечно, онъ пропитывается потомъ, саломъ, загрязняется и является причиной различныхъ кожныхъ болѣзней. Пройдя по селу, сплошь усѣянному костями и всякой всячиной, даже изломанными ружьями сист. Винчестера, мы вышли на берегъ, гдѣ американцы пробовали золото. Но золота они не нашли даже знака, и нѣсколько смущенные потихоньку направлялись на пароходъ. По дорогѣ зашли въ магазинъ, гдѣ Уайтъ уже успѣлъ купить шкуру бѣлаго медвѣдя и нѣсколько шкуръ лисицъ. Вообще, наши американцы оказались хорошими покупателями и, пока мы, русскіе, ходили разсматривать юрты чукчей, они уже успѣли накупить груду шкуръ и другихъ вещей.

Мы разбрелись по селу. Вдругъ слышу раздается протяжный свистокъ а затѣмъ крики: „докторъ, на судно, тамъ несчастіе!"

Я бѣгомъ бросился къ берегу, куда уже со всѣхъ сторонъ спѣшили наши. Всѣ вскочили въ шлюпки, какъ попало, и поплыли къ пароходу.

Флагъ на мачтѣ приспущенъ.

Всѣ встревоженно придумываютъ, что такое случилось.

Оказалось все очень просто. Робертсу надоѣло сидѣть и онъ рѣшилъ сняться съ якоря; поэтому онъ далъ приказаніе разводить пары и свисткомъ собрать всѣхъ на пароходъ. Карлъ Ивановичъ вышелъ изъ себя. На самомъ дѣлѣ нахальство было большое, не обращать вниманія на начальника экспедиціи и распоряжаться безъ его вѣдома судномъ. Вообще нами американцы мало стѣсняются.

Карлъ Иван. сдѣлалъ выговоръ, приказалъ прекратить пары, а взамѣнъ этого спустить паровой катеръ и отправился изслѣдовать берега, сѣвернѣе Indian Point'а.

Я не поѣхалъ съ ними, а, взявъ фотографическій аппаратъ, снова отправился въ селеніе.

Чукчи очень заинтересовались аппаратомъ и тотчасъ же окружили меня густой толпой. Не скажу, чтобы это было пріятно, такъ какъ отъ нихъ шелъ отвратительный запахъ горѣлаго жира, но они такъ искренно по дѣтски радовались, видя на матовомъ стеклѣ уменьшенное изображеніе предмета, и съ такою готовностью позировали, что я долго провозился съ ними. Окруженный толпой мальчишекъ, я пошелъ къ берегу, усѣянному огромными льдинами и сѣлъ отдыхать.

Вдоль всего берега на нѣкоторомъ растояніи другъ отъ друга сидѣли чукчи съ ружьями въ рукахъ, а у самой воды стояли ихъ легкія лодки, готовыя сейчасъ же къ спуску на воду. Я очень заинтересовался этой охотой.

Чукчи превосходные стрѣлки. Чуть только за нѣсколько десятковъ сажень показывается изъ воды голова тюленя, какъ чукча вскидываетъ ружье; раненый тюлень судорожно кувыркается, и брызги крови летятъ въ стороны. Онъ нырнулъ, но съ берега къ нему уже птицей летитъ легкій челнокъ, а на носу съ гарпуномъ въ рукѣ стоитъ чукча и зорко смотритъ по сторонамъ. Раненый тюлень показывается на поверхности, въ него снова летитъ пуля, а затѣмъ и гарпунъ догнавшаго его чукчи. Крючекъ глубоко врѣзывается въ тѣло животнаго и ударъ копья кончаетъ его жизнь. Надо видѣть быстроту и ловкость охотниковъ, а вѣдь это иногда совсѣмъ мальчики лѣтъ 12 — 15.

Возвращаясь къ пароходу, я зашелъ къ одному чукчѣ, который зналъ нѣсколько словъ по англійски, и онъ мнѣ показалъ свое оружіе. Вооружены они теперь всѣ винтовками системы Винчестеръ 44 калибра, которыя имъ въ большомъ количествѣ привозятъ американскіе китобои въ обмѣнъ на шкуры. Въ каждой юртѣ вы находите Винчестеръ, а иногда и нѣсколько. Кромѣ ружья, для охоты на тюленя и моржа они употребляютъ гарпунъ. Онъ сдѣланъ у нихъ очень остроумно. На длинной деревянной палкѣ, аршина 2 — 3, оканчивающейся небольшимъ конусомъ изъ моржоваго клыка, надѣвается также костяной наконечникъ съ желѣзнымъ остріемъ, отъ наконечника идетъ длинный тонкій ремень изъ тюленьей кожи вдоль древка и у нижняго конца его придерживается петлей; при метаніи гарпуна, конецъ его вонзается въ тѣло и засѣдаетъ тамъ, древко же отваливается, и плаваетъ. Тюлень такимъ образомъ попадается на крючекъ и держится на длинномъ ремнѣ. Для добиванія его чукчи употребляютъ или копья, съ желѣзными наконечниками, или стрѣлы.

Луки и стрѣлы у нихъ также имѣются, но ружье ихъ почти совсѣмъ вытѣснило. Для охоты же на птицъ, когда они перелетаютъ стадами, чукчи употребляютъ особый метательный инструментъ. Онъ состоитъ изъ пяти слегка закругленныхъ кусковъ кости въ грецкій орѣхъ величиною, привязаны на ве-

Чукчи на бортѣ «Самоа».

ревкахъ изъ жилъ, концы которыхъ соединены. Такой снарядъ они бросаютъ прямо въ стадо и онъ, распластавшись въ воздухѣ, запутываетъ или ушибаетъ птицу, чукчи же подбираютъ и добиваютъ ее.

Вечеромъ во время ужина пароходъ былъ осажденъ чукчами, пріѣхавшими продавать свои товары. Группа женщинъ столпилась у двери въ столовую. Онѣ хватали остатки съ нашихъ тарелокъ и тутъ же ихъ съ жадностью пожирали.

Постройка изъ китовыхъ костей для сушки байдаръ.

Имъ вынесли изъ кухни все, что осталось отъ ужина; онѣ выложили все прямо на палубу и торопливо руками запихивали себѣ въ ротъ куски пищи съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ.

Вечеромъ вернулись наши пріискатели; они доѣхали почти до мыса Мертенса. Отвѣтъ ихъ былъ не совсѣмъ удовлетворительный; золота они не нашли, но породы по берегу оказались весьма подходящія къ породамъ Кэпъ Нома.

1 іюля. Сегодня утромъ вышла исторія. Робертсъ, крайне недовольный Карломъ Ивановичемъ, началъ браниться на палубѣ.

Мысъ Новосильцева съ NO.

Бранился онъ довольно громко и энергично, пока Карлъ Ивановичъ не послалъ сказать, что если онъ не перестанетъ или повторитъ еще, то его придется высадить. Пошли переговоры, Робертсъ и Ринаръ даже паспорта свои требовали, говоря, что желаютъ составить свою экспедицію, а съ нами продолжать не могутъ. Но ихъ убѣдили, что это невозможно, и они повидимому неохотно покорились.

Около обѣда мы были уже въ проливѣ Сенявина и вошли въ бухту Глазенапа; дальше въ проливъ идти еще невозможно, онъ полонъ льдомъ. Поэтому наскоро осмотрѣли берегъ бухты. Бродя по берегу, мы увидѣли невдалекѣ отъ берега на голомъ каменистомъ холмѣ одиноко стоящій крестъ. На крестѣ былъ прибитъ желѣзный листокъ съ короткой надписью „Здѣсь покоится Егоръ Пуринъ, писарь клипера „Гайдамакъ". Умеръ 30 іюля 1875 года".

Вокругъ тихо, пустынно, мертво. Голыя нѣмыя горы стоятъ вокругъ и берегутъ эту одинокую могилу, а внизу плещетъ холодное прозрачное море, покрытое льдомъ. Да, онъ покоится здѣсь; здѣсь — покой смерти. И только у самаго креста, между камней, забился маленькій пучекъ блѣдныхъ незабудокъ, какъ будто голосъ того, кто лежитъ подъ этимъ крестомъ, что онъ помнитъ о своей далекой родинѣ, хоть и прикованъ здѣсь уже долгіе годы. Грустно и жутко какъ-то. Можетъ быть кому нибудь изъ насъ придется остаться здѣсь.

Выйдя изъ бухты, мы повернули назадъ и, обойдя съ востока островъ Аракамъ, пошли къ сѣверу. У береговъ еще былъ вездѣ ледъ, заливъ у бухты Мечигменъ былъ полонъ имъ и мы принуждены были идти дальше. Подъ утро мы были у мыса Новосильцева, при входѣ въ бухту Св. Лаврентія. Но и эта бухта была набита льдомъ и мы остановились на якорѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мыса.

Наши спутники американцы глядятъ на насъ волками. Вечеромъ мы стояли съ Мягковымъ въ буфетѣ и закусывали. Туда же пришли Уайтъ съ Ляндфильдомъ, и у насъ завязался разговоръ, который скоро перешелъ на злобу дня и мы наговорили другъ другу много непріятныхъ словъ.

Намъ стало ясно, что мы совершенно разно понимаемъ цѣль экспедиціи и планъ ея, что американцы считаютъ Карла Ивано-

вича только ширмой, начальникомъ признаютъ Робертса, а себя хозяевами экспедиціи. Ясно стало намъ, что дѣло дальше гладко у насъ не пойдетъ и что хорошаго намъ, русскимъ, ждать отъ американцевъ нечего. Какъ противны они намъ стали, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько въ нихъ смѣшного. Можете себѣ представить, вѣдь въ нашей экспедиціи большую роль сыграли духи! Подкладка нашей экспедиціи спиритическая. Нашъ плотникъ Чарльзъ Скрентонъ какъ-то, это было годъ тому назадъ, отправился къ гадалкѣ медіуму. Черезъ нее духи сообщили ему, что онъ поѣдетъ далеко на выгодную работу, но не разбогатѣетъ и будетъ принужденъ уѣхать, такъ какъ умретъ одинъ изъ близкихъ ему людей. Но на другой годъ ему предстоитъ поѣздка еще болѣе дальняя въ неизвѣстные края и тамъ онъ найдетъ богатство. Онъ запомнилъ это предсказаніе. Весной прошлаго года онъ уѣхалъ на Аляску и работалъ тамъ; вдругъ получаетъ сообщеніе, что его мать больна. Онъ бросаетъ работать и ѣдетъ въ Нью-Іоркъ. Его мать умираетъ. Черезъ нѣкоторое время онъ стороной слышитъ, что на берегахъ Сибири найдено много золота. Случай сталкиваетъ его съ Робертсомъ и онъ, видя, что половина предсказанія уже сбылась, рѣшаетъ, что обѣтованная ему земля, гдѣ онъ найдетъ богатство, и есть Сибирь. Онъ уговаривается съ Робертсомъ и затѣмъ разсказываетъ ему, что повѣдали духи.

Робертсъ, изъ ума выжившій старикашка, видитъ въ этомъ хорошее предзнаменованіе и Скрентонъ становится Маскотой нашей экспедиціи. Онъ до того вѣритъ въ свою счастливую звѣзду, что никому не даетъ ступить на берегъ прежде себя. Эта громадная фигура, съ лопатой въ рукѣ и чашкой подъ мышкой, грузно выходитъ на берегъ и сейчасъ же съ поверхности начинаетъ пробовать пески. Конечно, ему не удается найти золото и онъ категорично заявивъ: „здѣсь нѣтъ золота“, такъ же важно идетъ къ шлюпкѣ, а за нимъ тянутся и прочіе американцы.

Теперь я понимаю, почему нашу экспедицію одинъ изъ русскихъ въ С.-Франциско назвалъ пестрой экспедиціей. Въ самомъ дѣлѣ, кого только у насъ нѣтъ: русскіе, англичане, американцы, евреи, норвежцы, китайцы, поляки, мексиканцы, финляндцы и даже одинъ осетинъ. Кромѣ того и съ точки зрѣнія дѣла, такая же пестрота. Инженера только два: Карлъ Ивановичъ и Рикаръ, ну, еще идетъ къ дѣлу Александръ Геннадіевичъ, какъ бывшій

горный студентъ. А дальше кто? Робертсъ — дряхлый старичишка, у котораго глаза сами закрываются, такъ что мы прозвали его Віемъ: „поднимите мнѣ вѣки, не вижу". Онъ, говорятъ, прекрасно знаетъ золотое дѣло, но повидимому онъ его знаетъ на биржѣ, а не въ пескахъ.

Уайтъ, бывшій дипломатъ, изрядно выпивающій теперь, называетъ себя представителемъ капитала. Стернъ тоже капиталистъ. Дауленъ никогда и не былъ на золотомъ дѣлѣ. Скрентонъ отецъ — плотникъ, сынъ его работалъ на фабрикѣ консервовъ, закупоривалъ банки. Бикаръ — набивальщикъ чучелъ; Ляндфильдъ—не разберешь кто, такъ какъ онъ говоритъ, что кончилъ два факультета, дослужился въ арміи до чина капитана, и много еще чего говоритъ про себя. Но наружность его, что-то не походитъ къ его титуламъ. Еще я узналъ одинъ курьезъ. Нашъ мистеръ Стернъ титулуется майоромъ. Оказывается, онъ и не былъ никогда въ военной службѣ, а масонскій майоръ. У насъ даже больше есть. Нашъ капитанъ Jahnsen — масонъ 32-й степени, онъ страшно гордится этимъ, всегда показываетъ свой крестъ, который виситъ у него на брелокѣ, и съ гордостью говоритъ, что достигъ самаго высокаго масонскаго чина, выше же его только одинъ принцъ Уэльскій, который—масонъ 33-й степени. Онъ показывалъ намъ свою карточку, гдѣ онъ снятъ со своимъ багажнымъ прикащикомъ мальчишкой, тоже масонскимъ генераломъ. Сняты они въ какой-то удивительной формѣ. Въ трехуголкахъ, съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, при шпагахъ и шпорахъ. Jahnsen очень чванится своей формой.

Среди нашихъ путешественниковъ есть и еще масоны, но только низшихъ степеней. У нихъ висятъ на часовыхъ цѣпочкахъ какіе-то таинственные жетоны. Я еще въ С.-Франциско слышалъ отъ Федорова объ американскихъ масонахъ. Онъ говоритъ, что это общество весьма распространено въ Америкѣ и довольно тѣсно сплочено; но изъ его разсказовъ видно, что эти общества вовсе не походятъ на бывшія европейскія масонскія ложи. Религіозной подкладки никакой нѣтъ, а просто общество взаимопомощи, куда члены вносятъ извѣстныя суммы и за это получаютъ повышенія въ степеняхъ. Иначе и трудно было бы допустить, чтобы такой, къ тому же совершенно не интеллигентный и грубый человѣкъ, и пьяница какъ нашъ Jahnsen, могъ получить высшую степень.

2 іюля. Мы стоимъ у мыса Новосильцева. Карлъ Ивановичъ съ Мягковымъ и Альфредомъ Марковичемъ отправились на шлюпкѣ на берегъ, а я занялся драгированьемъ.

У меня большая непріятность: такъ и не могу найти, куда заложили мои грани, заказанныя въ С.-Франциско. За нихъ было заплачено, и они должны бы быть гдѣ нибудь въ трюмѣ, но поиски мои были тщетны, и я пользуюсь желѣзнымъ кругомъ обтянутымъ сѣткой. Очень неудобно, хотя сегодня поймалъ нѣсколько крабовъ, креветокъ и одного рака отшельника. Рыбы совсѣмъ не видно.

Часа въ три вернулись съ берега наши и сообщили намъ кое-что интересное. Они нашли на берегу цѣлую партію рабочихъ, высаженную сюда съ „Прогресса", и живущую въ палаткѣ на берегу. Выходитъ, что Шоклей насъ надулъ, какъ и тотъ русскій чиновникъ, который былъ съ нимъ; они говорили, что кончили розыски и ужъ уходятъ на югъ. На дѣлѣ же оказывается, что они высадили для развѣдокъ партію, и два дня назадъ ночью заходили сюда, но льды такъ сплотились у берега, что никакимъ образомъ пристать не было возможно и „Прогрессъ" ушелъ обратно. Партія эта уже съ 21-го іюня ищетъ здѣсь золото. Она снабжена и провіантомъ и углемъ очень щедро. Очевидно, они разсчитывали основательно работать здѣсь.

Черезъ часъ двое изъ этой партіи были у насъ па „Самоа"; каково же было мое удивленіе, когда я узналъ въ нихъ Бахарева и Малафеева, своихъ спутниковъ въ экспедиціи по Сѣверной Кореѣ, которую мы совершили осенью въ 1898 году. Кто бы могъ сказать, что мы встрѣтимся снова здѣсь подъ самымъ полярнымъ кругомъ. Въ сравненіи съ этими двумя рослыми молодцами, наши китайцы просто пигмеи, жалко смотрѣть. Да и американцы тоже уступятъ.

Угостилъ ихъ на радостяхъ пивомъ и разговорились. Оказывается, Шоклей гораздо лучше нашего распорядился съ наймомъ рабочихъ. Онъ нанялъ во Владивостокѣ русскихъ по 30 руб. въ мѣсяцъ, китайцевъ и корейцевъ еще того дешевле, а мы платимъ никуда негоднымъ заморышамъ китайцамъ по 60 доллар. въ мѣсяцъ, да и то на условіяхъ для насъ не выгодныхъ.

На вопросъ, нашли ли золото, Малафеевъ отвѣтилъ, что до сихъ поръ нѣтъ, но чернаго и краснаго шлиху много.

Прощаясь, я снабдилъ ихъ хиной, которой у нихъ недоставало, и они мнѣ въ обмѣнъ за это прислали четверку Богдановскаго табаку, которому я страшно обрадовался, такъ какъ американскій мнѣ не нравился.

Вечеромъ, мы съ Мягковымъ, когда на пароходѣ всѣ улеглись, вынесли на мостикъ бутылочку калифорнійскаго винца, изюму, консервированныхъ ананасовъ и наслаждались. Небо пепельно голубого цвѣта, опоясанное розовой лентой зари, прозрачный свѣжій воздухъ, причудливой формы бѣлыя льдины на гладкой стальной поверхности моря, угрюмыя темныя горы вдалекѣ и этотъ мягкій бѣлый свѣтъ,— все это такъ не походило на ночь, что намъ совсѣмъ не хотѣлось спать, а контрастъ этихъ горъ, льдовъ и ананасовъ съ виноградным виномъ, привелъ насъ въ веселое настроеніе. Мы провозглашали тосты за дорогихъ намъ людей, оставшихся въ далекой Европѣ и съ полярнаго круга посылали имъ свои сердечные привѣты.

Мнѣ захотѣлось испытать силу свѣта, и я ровно въ 12 часовъ снялъ фотографію съ одного американца, выползшаго на палубу. Экспозиція была въ 3 секунды и снимокъ получился поразительно отчетливый.

3 іюля. Позавтракавши пораньше, мы на шлюпкахъ отправились на берегъ. У берега стоялъ еще почти сплошной ледъ; мы лавировали между льдинами и иногда заходили въ тупики; приходилось возвращаться. Случалось проходить едва не касаясь бортомъ о высокія, подтаявшія снизу, льдины. Временами передъ нашимъ носомъ такія льдины грузно переворачивались и шлепались въ воду. Но мы счастливо прошли между ними и высадились на берегъ. Я направился къ стоянкѣ Малафеева. Устроился онъ не дурно; недалеко отъ деревни Гидоней, онъ разбилъ палатку на сухомъ ровномъ выступѣ берега, со стороны моря обнесъ ее заборомъ, въ палаткѣ настлалъ изъ досокъ полъ и поставилъ себѣ кровать, а передъ палаткой сложилъ печку съ плитою. Въ довершеніе всего надъ палаткой водрузилъ русскій трехцвѣтный флагъ.

Потолковавши съ нимъ, я отправился въ горы, гдѣ, какъ мнѣ сказали, лежатъ два только что похороненныхъ покойника. На самой вершинѣ горы между скалами я нашелъ ихъ. Они уже начинали разлагаться и запахъ шелъ отъ нихъ довольно острый,

такъ что снимать фотографіи было неособенно пріятно. Пересиливъ брезгливость, я снялъ фотографіи и даже совершилъ небольшое преступленіе, обокравъ ихъ могилы, то есть взялъ тѣ предметы, которые чукчи кладутъ около покойника. Я замѣтилъ, что лежатъ они одинаково, головою къ сѣверу. Мнѣ бросилось въ глаза еще очень непріятное обстоятельство. Вода, стекающая съ кладбища, идетъ въ ручей, который спускается къ деревнѣ Ендогай, изъ котораго берутъ и воду; нельзя сказать, чтобы было пріятно пить воду оттуда.

Съ кладбища я опять вернулся къ стоянкѣ и меня пригласили обѣдать. Выпили по рюмкѣ разведеннаго спирта и закусили щами съ курицей. Конечно, это были консервы, но мнѣ очень понравились, такъ какъ вѣчные супы изъ маринованныхъ устрицъ или конденсированнаго молока страшно надоѣли. Насъ случайно собралось четверо, бывшихъ въ корейской экспедиціи, и какъ то сразу припомнились наши встрѣчи, трудности пути, а больше курьезы, и мы снова перенеслись отъ этихъ льдовъ, тундры, вонючихъ юртъ и звѣроподобныхъ чукчей туда, гдѣ зеленѣютъ рисовыя и чумизныя поля, гдѣ журчатъ изумрудныя горныя рѣки среди гордыхъ скалъ, поднимающихъ свои острыя вершины высоко къ голубому небу, въ объятія нѣжныхъ бѣлыхъ облаковъ. Вспомнились дремучіе лѣса, легкія чистыя фанзы и добродушные корейцы въ своихъ широкихъ, бѣлыхъ костюмахъ, и насъ потянуло снова туда.

А здѣсь опять эти американцы. Они вчера что то совѣтовались и теперь вдругъ перемѣнили тактику, ставъ очень любезными; но это меня не успокаиваетъ: quidquid id est timeo Danaos et dona ferentes.

Послѣ обѣда я занялся разборкой аптеки, которая имѣется у Малафеева, въ это время къ намъ подошли чукчи. Нѣкоторыхъ изъ нихъ рабочіе уже лечили и очень удачно.

Былъ одинъ такой случай. Пришелъ мальчикъ, у котораго по всей щекѣ былъ какой то лишай, рабочіе прежде всего вымыли его мыломъ, потому что онъ былъ невообразимо грязенъ, затѣмъ промыли лишай корболкой и намазали борнымъ вазелиномъ. Черезъ два дня лишай почти исчезъ. Видя это, чукчи стали мыть себѣ лица и просили мыла. Очевидно, будь у нихъ передъ глазами хорошіе примѣры, они переняли бы многое, но

этихъ примѣровъ нѣтъ. Русскіе ихъ почти совсѣмъ не посѣщаютъ, разъ въ нѣсколько лѣтъ, а американцы пріѣзжаютъ только для торговли. Одинъ изъ пришедшихъ чукчей, который себя считаетъ старшиной этого селенія, жаловался и вполнѣ основательно на то, что русскіе ихъ забыли.

— Мы знаемъ, что у насъ—чукчей,—говорилъ онъ,—и у васъ, русскихъ—одинъ царь. Но вы къ намъ не ѣздите, а американцы привозятъ намъ и муку, и ружья, и табакъ. Что бы мы дѣлали безъ ружей? Американцевъ мы больше знаемъ и понимаемъ ихъ языкъ, а русскаго совсѣмъ не знаемъ.

И онъ безусловно правъ. Надо бы было завести, хоть, на подобіе Американскихъ Штатовъ, таможенные крейсера, которые бы ежегодно объѣзжали наши восточные берега. Много у насъ въ Россіи забытыхъ, медвѣжьихъ угловъ, но чукотскій полуостровъ, кажется, самый несчастный изъ нихъ.

Маленькій паціентъ-чукча совсѣмъ освоился со своими врачами-рабочими, онъ даже въ шашки научился играть, и играетъ уже довольно хорошо. Я съ удовольствіемъ сыгралъ съ нимъ партію.

Подошелъ Альфр. Марков. и мы отправились на шлюпкѣ подъ парусомъ на южную сторону мыса, гдѣ насъ поджидали Карл. Ив. и Мягковъ. Они страшно измучились и не могли дотащиться черезъ горы. Забравъ ихъ, мы плавно поплыли между льдинъ къ нашему „Самоа".

Американцы послѣ ужина затѣяли стрѣльбу изъ револьверовъ по бутылкамъ. Чѣмъ же они въ самомъ дѣлѣ хуже Тарасконцевъ. Но имъ что то несчастливилось, и они напрасно выпустили около сотни зарядовъ. Не смотря на выстрѣлы надъ окномъ моей каюты, я, намучившись днемъ бродить по горамъ, заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

5 іюля. Мы идемъ къ Кэпъ Ному. Погода опять портится. Дуетъ вѣтеръ, холодно и туманно.

Вчера, сдѣлавъ Малафееву заявленіе о прекращеніи работъ, что онъ выслушалъ, какъ нѣчто ожиданное, говоря, что Шоклей предупредилъ его объ этомъ, мы снялись съ якоря, и перешли къ проливу Сенявина съ сѣвернаго входа.

День былъ ясный, теплый, въ тѣни $12^1/_2$° R. Море гладко, какъ зеркало, въ бухтахъ еще много льду.

Въ устьѣ рѣчки Маричъ рѣшено было высадить Мягкова съ тремя русскими, финляндцемъ и двумя китайцами, а самимъ идти въ К. Номъ, такъ какъ „Якута" мы еще не нашли, а американцы продолжаютъ настойчиво требовать, чтобы ихъ свезли немедленно въ Номъ.

Берегъ у устья Маричъ низкій, пологій, за нимъ небольшая возвышенность, покрытая тундрой, а дальше горы. Вокругъ еще много снѣга, но тамъ гдѣ его нѣтъ, пробилась травка и въ ней масса разнообразныхъ цвѣтовъ, съ очень сильнымъ пріятнымъ запахомъ. Здѣсь мы нашли душистыя незабудки, онѣ отличаются отъ нашихъ короткимъ стебелькомъ и нѣсколько болѣе интенсивнымъ цвѣтомъ. На самомъ берегу у небольшой бухточки мы разбили двѣ палатки, настлали досчатый полъ, и надъ палаткой водрузили русскій флагъ. Такъ хорошо, уютно было тутъ. Въ тѣсную каюту возвращаться не хотѣлось, не хотѣлось встрѣчаться съ нашими спутниками, и я остался тутъ до самаго утра. Развели костеръ, согрѣли чайничекъ и, лежа на пескѣ, потягивали тепленькій чай съ коньякомъ. Не далеко отъ палатки были три чукотскихъ юрты, и одинъ изъ чукчей подошелъ къ намъ. Говорить онъ умѣлъ только по своему и намъ приходилось объясняться мимикой. Когда ему предложили чаю, онъ съ громаднымъ удовольствіемъ сталъ отхлебывать изъ кружки, но при этомъ страшно морщился отъ боли. Губы у него всѣ были потрескавшись, кожа съ десенъ и языка сошла. Очевидно, плохо приходилось бѣднягѣ въ отношеніи пропитанья. Развели въ бутылкѣ марганцеваго кали, велѣли полоскать, и снабдили его чаемъ, сахаромъ и хлѣбомъ. Попивъ чайку, онъ кивнулъ намъ головой въ знакъ благодарности и поплелся во свояси. Я тоже простился и уѣхалъ на „Самоа".

Ночью вышла исторія. Какъ ночь — капитанъ напился, и завалился спать. Подъ утро Лемашевскій, проснувшись, вышелъ на палубу и ужаснулся. Сѣверный вѣтеръ гналъ прямо на насъ въ проливъ огромное ледяное поле. Оно было уже близко и надо было, какъ можно скорѣе, уходить; Лемашевскій разбудилъ капитана и сказалъ ему объ опасномъ положеніи. Тотъ вышелъ на палубу, посмотрѣлъ вокругъ посоловѣлыми глазами и пробормотавъ, что никакой опасности нѣтъ, и что онъ уже 17 лѣтъ командуетъ судномъ, ушелъ къ себѣ въ каюту. А льдина все

подвигалась; еще нѣсколько минутъ—и она навалится на якорную цѣпь. Побѣжали будить помощника. Тотъ быстро вскочилъ, разбудилъ команду и якорь былъ взятъ. Но промедли двѣ минуты, могло выйти худо. Въ лучшемъ случаѣ мы потеряли бы якорь. Сѣверный входъ въ проливъ былъ запруженъ льдомъ и мы, повернувъ къ югу, пошли въ Indian Point. Тамъ намъ сказали что не видали военнаго судна. Значитъ, „Якутъ" еще не пришелъ. Пришлось уступить американцамъ и идти въ Номъ.

Изъ Indian Point'а мы взяли на судно двухъ чукчей съ товарами, которые они везли продавать въ Номъ.

ГЛАВА V.

Аляска.

Номъ. — Золотое дѣло. — Воспоминанія о продажѣ Сѣв. Американскихъ владѣній.

6 іюля. Номъ. Выйдя утромъ на палубу, я увидѣлъ что-то необычайное. Весь берегъ на много миль въ длину представлялъ собою настоящій лагерь. Палатки, палатки, и палатки, сколько тысячъ этихъ палатокъ—трудно и сказать. На рейдѣ цѣлый лѣсъ мачтъ всевозможныхъ пароходовъ, барокъ и шхунъ. Вотъ и Номъ, золотой городъ, выросшій въ нѣсколько мѣсяцевъ. Берегъ очень пологій, песчаный, нѣтъ никакой бухточки и суда стоятъ въ открытомъ морѣ. Мы бросили якори верстахъ въ двухъ отъ берега и на шлюпкѣ отправились въ городъ. Пройдя буруны, мы вошли въ устье маленькой рѣчки Snake River и подошли къ пристани. Оживленіе было страшное. Улица узкая настолько, что едва можно разъѣхаться, биткомъ набита народомъ! По обѣимъ сторонамъ какіе-то, точно картонные, сколоченные наскоро изъ тонкихъ досокъ, дома, иногда трехъ этажные, увѣшанные вывѣсками. Вездѣ, куда ни взглянешь, американскіе флаги. Всѣ трактиры, а они чуть не въ каждомъ домѣ, полны народомъ. Шумъ, говоръ, толкотня, вообще, какъ будто праздничное гу-

Видъ города Нома съ моря.

лявье. По деревяннымъ тротуарамъ не протолкаешься, идешь по грязной дорогѣ и глядишь только, какъ бы не ударили дышломъ въ голову. Ѣзда на лошадяхъ и собакахъ непрерывная.

Странно кажется, что такая масса народу бродитъ по улицѣ покуривая, руки въ карманы, перекочевывая изъ кабачка въ кабачекъ. Можно было бы ожидать, что золотая горячка заставитъ всѣхъ усиленно, жадно работать, а тутъ этого-то и не видно.

По грязи, лужамъ мы дошли до магазина Alaska Comerc. Comp., спросить, нѣтъ ли писемъ съ родины и затѣмъ отправились осматривать городъ и работы. Но послѣдней мы увидали очень мало. Кое гдѣ на берегу копаются нѣсколько человѣкъ, промываютъ въ чашкахъ или на небольшихъ рокерахъ. Золотоносный песокъ близко, всего футахъ въ двухъ отъ поверхности, это такъ называемый красные песокъ—ruby sand, состоящій изъ мелкихъ гранатъ. Золото, хотя не особенно крупное, находятъ въ каждомъ лоткѣ; просто удивляешься, почему такая масса народу не работаетъ. Весь берегъ изрытъ ямами; его уже достаточно обѣднили за истекшіе годы, но такъ какъ работа велась на скорую руку, не раціонально, то конечно золота остается еще много и здѣсь. По всему берегу въ нѣсколько рядовъ раскинуты въ безпорядкѣ палатки. Тутъ и магазины всевозможные, аптеки, фотографіи, трактиры, доктора, адвокаты, какихъ только нѣтъ вывѣсокъ! И всѣ они прекрасно зарабатываютъ. Особенно адвокаты и доктора. Для послѣднихъ здѣсь дѣла особенно много. Не мудрено, что здѣсь много болѣютъ: жить приходится въ палаткѣ, въ постоянной сырости, подъ холодными вѣтрами.

Мы дошли до карантина, обнесеннаго неглубокой канавой и обозначеннаго желтыми флагами. Тамъ были разставлены палатки для оспенныхъ больныхъ. Эпидемія оспы здѣсь сильно распространяется. Говорятъ, многіе умираютъ отъ воспаленія въ легкихъ и какихъ-то тифоидовъ. По дорогѣ мы зашли закусить въ одинъ изъ ресторановъ, который былъ ничто иное, какъ обыкновенная палатка, только большихъ размѣровъ. Тамъ на керосиновой печкѣ намъ приготовили завтракъ; весь завтракъ состоялъ изъ пары яицъ и чашки кофе съ хлѣбомъ, и за это мы заплатили по 50 центовъ т. е. по рублю. Отсюда мы прошли черезъ Snake River по мосту, заплативъ по 10 центовъ за переходъ, и пришли къ построенной уже здѣсь желѣзной дорогѣ.

Видъ города Нома.

Желѣзная дорога идетъ здѣсь на разстояніи 5 миль до Anvil Creek, поѣздъ идетъ 30 минутъ — за проѣздъ пассажира берутъ 1 долларъ, небольшіе грузы оплачиваются по 2 цента съ фунта. Смотришь и поражаешься. И всего-то только полтора года прошло, какъ было открыто здѣсь золото, а теперь здѣсь городъ въ 20 т. жителей, не считая окрестностей, желѣзная дорога, электрическое освѣщеніе у нѣкоторыхъ крупныхъ фирмъ, строятъ уже водопроводъ изъ Anvil Creek и, говорятъ, къ будущему году проведутъ телеграфъ изъ ближайшаго города.

Вотъ это такъ по американски.

Вернувшись на главную улицу, которую мы въ шутку прозвали Невскимъ проспектомъ, мы встрѣтили нашего капитана Iahnsen'а въ довольно уже пьяномъ видѣ, что-то удивленно разсказывающаго у двери въ кабакъ. Весь этотъ шумъ и толкотня намъ уже достаточна надоѣли и мы захотѣли вернуться на судно. Но тутъ насъ ожидало непріятное извѣстіе. Вода отлила, въ устьѣ стало такъ мелко, что шлюпка пройти не можетъ. Приходилось сидѣть до вечера и ждать прилива. Посидѣвши еще нѣкоторое время на улицѣ и подождавши, когда наши бока перенесли порядочный массажъ, мы отправились въ кафе обѣдать.

Cafe Royal, которое мы выбрали, былъ большой деревянный сарай, довольно чистый, обставленный столиками съ чистыми скатертями. Цѣны здѣсь были болѣе, чѣмъ приличныя; за бивштексъ 1 д. 50 ц. т. е. 3 рубля и все въ этомъ родѣ. Пообѣдали и думаемъ, что же дѣлать дальше. Богдановичъ съ женой рѣшился остаться ночевать на берегу, но мнѣ уже наскучило шататься по улицамъ въ грязи и усталъ я изрядно.

Пошли мы съ нашимъ Василіемъ къ нашей шлюпкѣ и, растянувшись на днѣ ея, сейчасъ же заснули. Долго ли мы спали, неизвѣстно, но только проснулись отъ какихъ-то толчковъ въ шлюпку.

Оказывается, это капитанъ пьяный вваливается въ шлюпку и, не умѣя сохранять равновѣсіе, падаетъ черезъ каждую скамейку. Что же, думаю, будетъ теперь дѣлать нашъ тюленеобразный капитанъ. Смотрю, беретъ руль, ставитъ его на мѣсто и командуетъ сопровождавшимъ его матросамъ сѣсть на мѣста. Воды уже немного прибыло и онъ, не смотря на поднявшійся съ моря страшный вѣтеръ, рѣшилъ сейчасъ же плыть на судно. Тронулись и удачно прошли уже устье.

Но тутъ-то и началась исторія.

Въ самомъ устьѣ рѣки образовался баръ и надо было его обходить держась берега. Вѣтеръ гналъ съ моря огромныя волны, около берега ревѣли буруны. Пришлось поставить шлюпку бокомъ къ волнѣ, и при первой же волнѣ насъ откинуло къ берегу, ударило о дно, руль вылетѣлъ и въ рукахъ капитана остался только румпель. Капитанъ ругался и что-то говорилъ, такое безсвязное, что матросы начали дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, и насъ чуть не перевернуло тутъ же. Но какъ-то удалось, напрягши всѣ усилія, поставить шлюпку въ разрѣзъ волнѣ, и вотъ мы черезъ буруны уже выходимъ въ море. Частые, крутые, съ сѣдыми гребнями, буруны остались позади, и мы качаемся на большихъ, тяжелыхъ волнахъ моря. Теперь можно разсчитывать, что мы доѣдемъ, но тутъ опять происшествіе. Вѣтеръ срываетъ съ головы капитана шляпу и по водѣ несетъ ее къ берегу. Капитанъ просто изъ себя вышелъ: „Goddam, назадъ, къ берегу". Хотя назадъ ворочаться не особенно хотѣлось, но матросы послушались, перестали грести и насъ быстро потащило къ берегу. Вотъ и шляпа. Капитанъ пробуетъ ее поймать багромъ, никакъ не можетъ попасть въ нее, тычетъ багромъ въ воду, а насъ все несетъ къ берегу. Толпа народу собралась на берегу и смотритъ на наши маневры.

Шляпа, наконецъ, поймана, но мы уже среди буруновъ. Капитанъ снова ругается, кричитъ „впередъ", хватаетъ весло и вмѣсто того, чтобы направить шлюпку, неловкимъ движеніемъ ставитъ ее бокомъ къ волнѣ. Моментъ, и волна летитъ черезъ нашу шлюпку, разбиваясь о наши спины и прыгая по банкамъ; еще волна, шлюпку перевертываетъ килемъ вверхъ, мы всѣ летимъ въ холодную воду, насъ подхватываетъ волной и швыряетъ на берегъ, гдѣ десятки рукъ ловятъ насъ и шлюпку.

Слава Богу, мы внѣ опасности, но за то мокры до костей. Хорошо еще, что камней на берегу не было, и что берегъ былъ близко, а случись это подальше отъ берега и не пришлось бы намъ объ этомъ разсказывать.

Холодно было страшно, просто зубъ на зубъ не попадалъ, и мы бѣгомъ бросились въ кабачекъ, выпить стаканъ коньяку. Кстати сказать, кабаки здѣсь цѣлую ночь не запираются и все время набиты народомъ, прислуги двѣ смѣны, каждая работаетъ,

Улица въ Номѣ.

Устьѣ рѣки Snake и видъ на рейдъ.

по 12 часовъ. Буфетчикъ получаетъ въ день 15 долл. т. е. 450 долл. въ мѣсяцъ. Жалованье, отъ котораго не отказался бы всякій.

Главная улица Нома живетъ и ночью. Повсюду слышится пѣніе, звуки музыки и граммофоновъ. Здѣсь есть даже театръ, но тоже въ американскомъ духѣ. Въ кабакахъ, подъ хриплое пѣніе довольно отвратительныхъ пѣвицъ, иногда разукрашенныхъ синяками на лицѣ, публика играетъ въ карты, кости, рулетку. Доллары ручьями льются изъ одного кармана въ другой. За прилавкомъ вѣсы для взвѣшиванія золотого песку, который изъ рукъ золотоискателя немедленно же переходитъ въ руки кабатчика. Дороговизна, конечно, страшная. На вывѣскѣ написано „All drink 25 c.“, то есть, спросите вы рюмку виски или маленькій стаканчикъ пива, все равно вы отдадите полтинникъ. Потолкавшись и обогрѣвшись въ кабачкѣ, мы закусили въ Cafe Royal и пошли спать въ номера. Еще раньше Альфр. Марковичъ нашелъ чуть не единственный въ Номѣ свободный номеръ, и онъ оказался въ третьемъ этажѣ, правильнѣе сказать, просто на чердакѣ подъ самой крышей. Въ номерѣ потолка не было, а была очень круто покатая крыша. Стѣны были изъ тоненькихъ дощечекъ. Всю меблировку представляла одна раздвижная койка, стулъ и тазъ для умыванья. За всѣ эти удобства съ насъ взяли за ночь 3 доллара, хотя намъ съ Альфр. Марков. и пришлось спать на одной койкѣ. Печей конечно не было и, послѣ случайной морской ванны, мнѣ еще долго не удалось согрѣться.

7 іюля. Утромъ, попивъ кофе, мы отправились на Anvil creek. За пару лошадей туда и обратно съ насъ взяли 30 долларовъ. Таковы здѣсь цѣны за провозъ. Отъ Нома до Anvil creek очень недалеко, верстъ 7 или 8, дорога идетъ по тундрѣ. Мокрая глинистая или торфяная, она вся колышется подъ экипажемъ, лошади вязнутъ и идутъ шагомъ. Не будь такихъ хорошихъ лошадей, намъ и не выбраться бы отсюда. Да и не стоило сюда привозить плохихъ; провозъ лошадей отъ С.-Франциско до Нома стоитъ страшныхъ денегъ. Нашъ извозчикъ такъ объяснялъ намъ этотъ вопросъ. „За провозъ пары лошадей, телѣги и тонны овса я заплатилъ 1000 долл., и это было не убыточно. Вѣдь пара лошадей зарабатывала до 300 долл. въ день. Въ часъ пара лошадей стоитъ 10 долл., а упряжка собакъ 5 долл.;

Разработка береговой розсыпи: промывка на шлюзахъ.

а теперь подвезли много лошадей и плата понизилась до 30 долларовъ въ день“.

Часа черезъ два мы были на пріискахъ въ Anvil'ѣ. Пріиски расположились вдоль по теченію ручья, текущаго въ узкой долинѣ и впадающаго въ Snake River.

Среди разныхъ породъ, которыя встрѣчаются въ долинѣ этой рѣчки, преобладаютъ известнякъ, слюдяной сланецъ, кварцъ, небольшое количество гнейса и гранитъ.

Содержаніе золота огромное. Пески золотоносны съ самой поверхности, но добыча идетъ съ постели. При насъ золотоискатель взялъ на пробу одинъ лотокъ песку. Тамъ оказалось золота почти на долларъ и довольно крупнаго. Представьте себѣ, сколько получается его при промывкѣ массы песковъ. Промывка золота здѣсь ведется на шлюзахъ. Вода для промыванія проводится по широкому брезентовому рукаву нѣсколько выше пріиска и потомъ пропускается въ длинный желобъ, на днѣ котораго приколочены поперечныя дощечки. Рабочіе лопатами сыплютъ золотоносный песокъ въ желобъ и струя воды сама разбиваетъ пески и откидываетъ гальку, золото же задерживается за перекладинами. Золото находится и на постели (bed rock) и въ прослойкахъ краснаго и чернаго песка. Магнитнаго желѣзняка встрѣчается очень много и очень крупнаго. Содержаніе золота въ пескахъ доходило въ богатыхъ частяхъ розсыпей до 3 золотниковъ на пудъ. Это какая-то сумасшедшая цифра! По отчетамъ агента отъ монетнаго двора въ Вашингтонѣ Anvil creek далъ въ 1900 году около 750,000 долларовъ а E. Lindblom, одинъ изъ владѣльцевъ пріисковъ на Anvil creek, говоритъ, что на этомъ ручьѣ добыто не меньше 1,800,000 долларовъ *).

Рабочіе на пріискахъ получаютъ въ день 5 долларовъ, за содержаніе вычитается 2 доллара. Дѣйствительно, содержаніе здѣсь баснословно дорого. Возвращаясь съ осмотра пріисковъ, мы зашли въ маленькую грязную палатку, именуемую рестораномъ, хотя она совсѣмъ не походила на ресторанъ, и поставлена была просто на болотѣ, пола не было и грязь была ужасающая.

За завтракъ, состоявшій изъ пары яицъ и тоненькаго ку-

*) Богдановичъ. Очеркъ Нома.

Разработка береговой розсыпи промывка на рокерѣ.

сочка ветчины, заплатили по доллару. Во сколько бы обошелся порядочный обѣдъ изъ трехъ блюдъ при такихъ цѣнахъ?

На возвратномъ пути по тундрѣ къ Ному, мы на тундрѣ видѣли тоже пробные шурфы и столбики, на которыхъ значилось, что эти участки тундры принадлежитъ Tundra mining C⁰. Изслѣдованія тундры еще только начинаются. Золото оказывается и здѣсь, и въ хорошемъ количествѣ.

На глубинѣ 15 футовъ содержаніе золота опредѣляютъ отъ 2 до 10 золотниковъ на 100 пудовъ.

На берегъ мы пріѣхали еще довольно рано, былъ отливъ, поэтому намъ опять пришлось бродить по городу. Зашли опустить письма на почту. Контора помѣщается въ маленькомъ грязномъ баракѣ; онъ биткомъ набитъ народомъ, даже на улицѣ стоитъ цѣлая толпа. Это все отправляющіе на родину деньги. Чтобы судить о количествѣ переводимыхъ изъ Нома денегъ, достаточно взглянуть на одну цифру: 3 іюля было сдѣлано 68 денежныхъ переводовъ на сумму 64,108 долларовъ *).

Съ почты мы зашли въ фотографію, здѣсь ихъ нѣсколько и онѣ работаютъ очень хорошо; купили себѣ снимки Нома и заплатили конечно не дешево; по дорогѣ въ одномъ изъ магазиновъ пріобрѣли нѣсколько унцій золота. Оно цѣнится здѣсь по 16 долларовъ за унцію.

Съѣвши въ ресторанѣ скверный обѣдъ за 1 долл. 50 цент., мы вечеромъ вернулись на судно. Тамъ меня ожидала непріятность. Убитыя мною, для коллекціи, птицы, которыхъ я оставилъ на мостикѣ привязанными къ реѣ, куда то исчезли. Американцы свалили вину на собаченку Робертса, „Спата", съ которой тотъ никогда не разстается и даже на палубу не отпускаетъ безъ попонки. Но это что-то подозрительно. Ужъ очень часто у меня пропадаютъ птицы.

8 іюля. Стоимъ у Нома; погода холодная, вѣтеръ, сырость. Сегодня вечеромъ рѣшили идти отсюда.

Американцы съ китайцами отправились на берегъ за 6 миль отъ Нома практически ознакомиться, здѣсь, съ промывкой золота. Робертсъ, Уайтъ, Дауленъ и Скрентонъ остаются въ Номѣ для

*) Въ теченіе іюля и августа изъ Нома сдѣлано денежныхъ переводовъ на 262,000 долл. или въ среднемъ по 11,000 долл. въ день. *Богдановичъ.*

Самородокъ золота съ Anvil Creek вѣсомъ больше фунта.

дальнѣйшаго изученія распространенія золотоносныхъ породъ, а остальные ѣдутъ съ нами на наши берега. Послѣ всего видѣннаго становится обидно; вѣдь и эти берега когда-то были нашими: Россіи принадлежали Аляска, Алеутскіе острова и много другихъ и все это 1866 году было продано Соединен. Штатамъ за 7.200,000 долларовъ. У Россіи осталась только довольно узкая полоса моря. Теперь только видно, какъ невыгодно была произведена эта продажа. До продажи это все огромное пространство считалось „областью пушнины" и приносило незначительные доходы. Но съ конца 70-хъ годовъ, начинаютъ развиваться рыбные промыслы и теперь рыбы, въ консервированномъ видѣ, ежегодно вывозятъ отсюда приблизительно на 5 милл. долларовъ. Пушной промыселъ падаетъ, вслѣдствіе уменьшенія количества котиковъ, но одно коммерческое предпріятіе Alaska Commerc. Comp. уже выплатило правительству Соединенн. Штатовъ съ 1870 года по 1890 годъ одной арендной платы 7.000,000 долл.

Эти цифры ничего не значатъ въ сравненіи съ цифрами добываемаго ежегодно золота. Возьмемъ хоть Клондайкъ. Въ Клондайкѣ за 1899 годъ золота было добыто на 16 милл. долл., а въ настоящемъ году добывается еще больше. За истекшій годъ въ одномъ округѣ Нома было добыто золота на 2 милл. долл; но теперь пріиски ростутъ, какъ грибы; золотоискатели идутъ на сѣверъ и нашли уже золото у мыса Іоркъ и въ заливѣ Клaренсъ. И если теперь взять сумму доходовъ, получаемыхъ ежегодно съ бывшихъ русскихъ владѣній, то получится круглая цифра въ нѣсколько десятковъ милліоновъ. И тѣ почти пустынные прежде края, населенные эскимосами, алеутами и другими дикими племенами, теперь наполняются энергичными американцами, выростаютъ новые города, жизнь начинаетъ бить ключемъ. Обидно до слезъ, что вся эта область для насъ безвозвратно потеряна, а вѣдь о существованіи золота было извѣстно уже давно. Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ горный инженеръ Дорошинъ, по порученію Россійско-Американской Компаніи, искалъ золото на островахъ Ситхѣ, Кадьякѣ и Кенанскомъ полуостровѣ. Онъ нашелъ знаки золота и настойчиво рекомендовалъ заняться изысканіями дальше, вполнѣ надѣясь на хорошіе результаты, но это дѣло такъ и заглохло. И теперь у насъ есть такія мѣста, напримѣръ, Камчатка; золото найдено, но не разрабатывается и страна остается такой же дикой и пустынной.

ГЛАВА VI.

По берегамъ Чукотскаго полуострова.

«Якутъ» найденъ. — Заболѣваетъ Лемашевскій. — Снова въ Номѣ. — Опять непріятности. — Возвращаемся на русскіе берега въ Сѣвери. Ледовитомъ океанѣ. — До Колючинской губы и обратно. — Американцы отказываются работать.

---

14 іюля. Не смотря на то, что четверо изъ американцевъ остались въ К. Номѣ, непріятности на пароходѣ продолжаются. Такъ какъ освободилось четыре койки, то Карлъ Иван. велѣлъ перемѣститься и оставить двѣ каюты свободными, чтобы туда помѣстить потомъ русскихъ. Пикаръ, которому было предложено переселиться съ молодымъ Скрентономъ отказался, говоря, что не желаетъ быть въ одной каютѣ съ мужикомъ. Альфр. Марковичъ предложилъ ему перейти къ Ляндфильду. Ляндфильдъ наговорилъ ему дерзостей. „Вы, говоритъ, никакого права не имѣете распоряжаться каютами Робертса и Уайта, и вообще пора прекратить эти глупости, иначе Робертсъ съ вами справится и вамъ будетъ плохо".

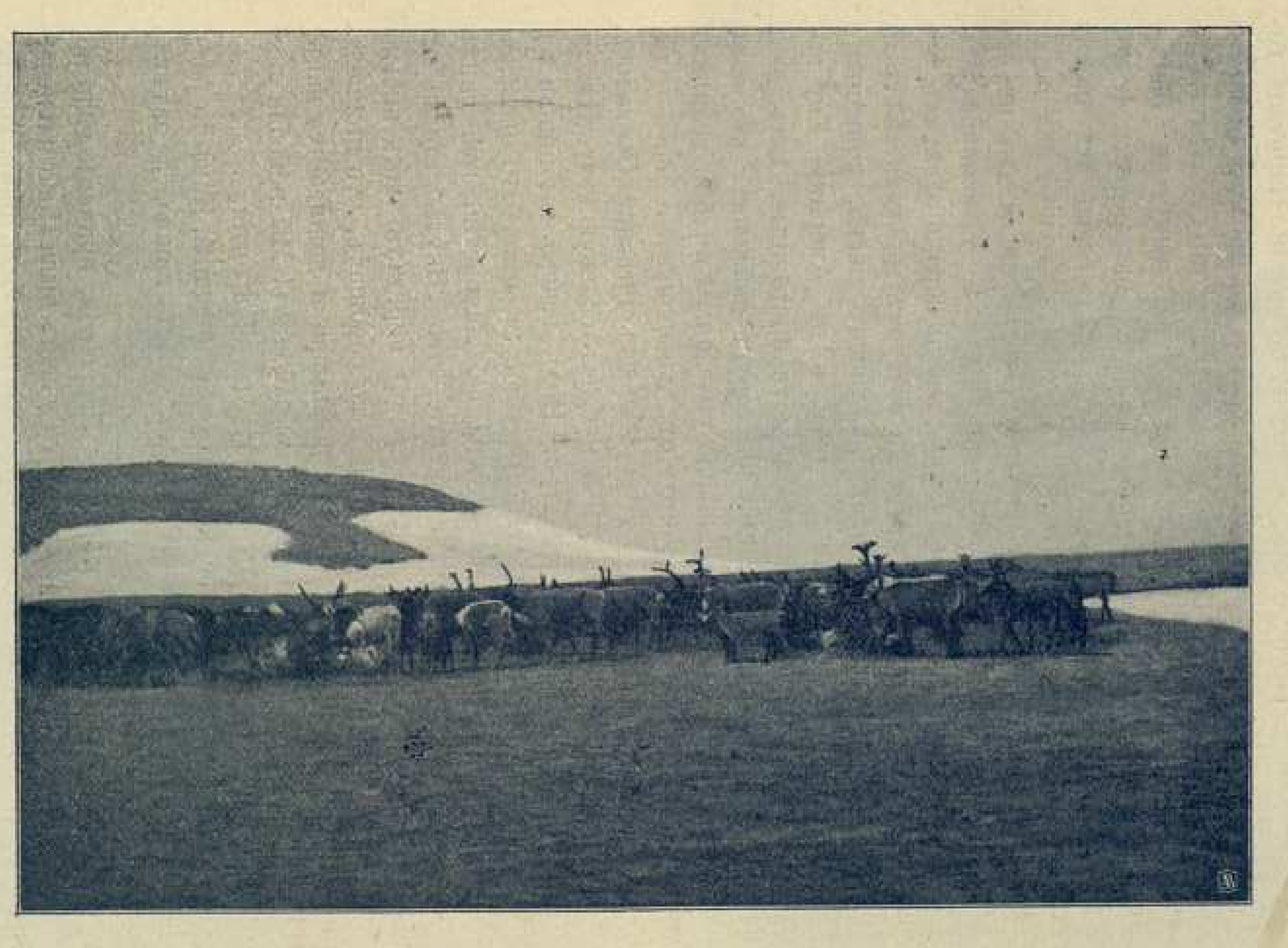
Это ужъ изъ рукъ вонъ. Въ С.-Франциско этотъ Ляндфильдъ былъ совершеннымъ Молчалинымъ и Робертсъ за него просилъ, взять его хоть на мостикъ, а теперь онъ грозитъ. Удивительны взгляды нашихъ американцевъ. Каждый вечеръ можно видѣть ихъ всѣхъ вмѣстѣ играющими въ покеръ и даже Стюарты сидятъ тутъ же; Стюарты пожимаютъ имъ руки; старшій Скрентонъ дружески хлопаетъ по плечу Робертса и спрашиваетъ: „какъ здоровье, Джоржъ?", а теперь Пикаръ отказывается спать въ одной каютѣ со Скрентономъ, говоря, что онъ мужикъ. 10 іюля мы пришли къ стоянкѣ Мягкова въ Сенявин-

скомъ проливѣ. Золота Мягковъ не нашелъ тутъ, хотя чернаго и краснаго шлиху много. На другой день снарядили партію и отправились, русскіе на материкъ, американцы на остр. Аракамъ, но золота такъ и не нашли. Я же, взявъ сѣть, отправился въ лагуну устья р. Маричъ половить рыбы, но неудачно, рыбы совершенно не было. За то птицы масса. На лагунѣ плаваютъ стада утокъ; въ тундрѣ стонъ стоитъ отъ птичьихъ голосовъ. Мелкой птицы масса и она совсѣмъ ручная, бросишь камнемъ—вспорхнетъ и сядетъ за нѣсколько шаговъ. Комаровъ цѣлыя тучи, жалятъ страшно; майоръ Стернъ даже совсѣмъ распухъ. Чукчи пригнали на берегъ стадо оленей и мы купили нѣсколько штукъ. Цѣны поразительныя; за оленя берутъ два кирпича чаю, а кирпичъ чаю стоитъ около полтинника. За столько же можно купить кухлянку—рубашку изъ оленьей шкуры. Вообще чай здѣсь представляетъ большую цѣнность и самое названіе „кирпичный чай"—почти единственное извѣстное чукчамъ русское выраженіе, которое они произносятъ „кырпычъ чай". Есть еще только „шакаръ", что значитъ сахаръ.

Купленные нами олени тотчасъ же были убиты и ободраны. Чукчи дѣлали это такъ, выбравъ получше оленя, они набрасываютъ ему на рога петлю, валятъ оленя на землю и втыкаютъ ему въ сердце небольшой, узкій ножикъ; довольно непріятная картина. Очень испуганными, добрыми глазами смотритъ олень на окружающихъ, точно прося пощады, затѣмъ вздрагиваетъ, когда ножъ входитъ въ его сердце, начинаетъ рыть землю ногами, глаза закатываются подъ лобъ и вытянувшись умираетъ. Тутъ же съ него сдираютъ шкуру и вынимаютъ внутренности; и на залитой кровью землѣ валяются тѣла оленей, вывороченныя шкуры и внутренности.

12-го мы снялись съ якоря и перешли въ бухту Коньямъ. Бухта глубокая, длинная, окружена высокими горами и представляетъ прекрасную стоянку дла судовъ. Сдѣлали пробы и въ одномъ мѣстѣ, въ ручьѣ, на днѣ котораго лежало много кварцу, нашли знаки золота.

Я сижу и набиваю чучела, а такъ какъ птицы быстро портятся, то воздухъ въ моей каютѣ сталъ больше, чѣмъ непріятный и Лемашевскій говоритъ, что къ нему въ каюту доходитъ вонь. Вечеромъ перешли въ бухту Аболешева, въ глубинѣ ко-

Стадо оленей у устья р. Маричъ.

торой находится чукотское селеніе въ три юрты. Недойдя до него, мы стали на якорь и на другой день утромъ отправились на берегъ на поиски золота, но золота не нашли. Капитанъ говорилъ, что ночью, часа въ 3, онъ видѣлъ въ проливѣ Сенявина дымъ, какъ бы отъ парохода. Можетъ быть это и „Якутъ", а мы какъ разъ спустили пары и не можемъ двинуться. Вернулись мы съ поисковъ на пароходъ, а обѣдъ оказывается съѣли. Спрашивается, для кого же готовятъ обѣдъ, коли всѣ партіи еще на берегу, а обѣдъ съѣденъ. Выходитъ, только для пароходной прислуги. Младшій Стюартъ сегодня ни за что, ни про что, ударилъ по лицу чукотку; она заплакала и пожаловалась. Бою былъ сдѣланъ выговоръ, но онъ разсердился и отвѣтилъ, что замѣчанія не заслуживаетъ. Поздно вечеромъ вернулся съ берега Пикаръ; онъ привезъ съ собою маленькаго песца, пойманнаго въ горахъ; хочетъ выростить и отвезти въ Америку. Ему посчастливилось найти знаки золота, хотя ничтожные. Весь день наливались прѣсной водой. Сегодня вдругъ оказалось, что вода, налитая для котловъ, совершенно соленая. Старшій механикъ сваливалъ вину на Рейнера, что тотъ зачерпнулъ соленой воды, но при пробѣ изъ шлюпокъ вода оказалась прѣсной. Оказалось, что самъ Хине открылъ кранъ и пустилъ соленую воду. Изъ за этого мы простояли еще часа три. Подъ вечеръ мы пошли къ мысу Чаплина и замѣтили судно, идущее туда же. Это оказался „Прогрессъ"; онъ шелъ изъ бухты св. Лаврентія, гдѣ снялъ свою партію, и привезъ намъ извѣстіе, что „Якутъ" стоитъ въ бухтѣ Лаврентія съ 9 іюля. „Прогресъ" передалъ намъ письмо отъ командира „Якута" г. Н., гдѣ тотъ сообщалъ, что пришелъ въ назначенный срокъ въ бухту Провидѣнія и дожидается насъ. Наконецъ то мы получимъ русскихъ рабочихъ! Мы немедля повернули и пошли на сѣверъ въ бухту св. Лаврентія.

22 іюля. Цѣлую недѣлю я не писалъ дневника. Какъ то разсѣялся, завертѣлся — сначала „Якутъ" былъ виною, а затѣмъ болѣзнь Лемашевскаго.

15 утромъ мы входили въ бухту Лаврентія, причемъ дѣло не обошлось безъ курьеза. Капитанъ не узналъ мыса Новосильцева, принялъ Мечигменъ за бухту св. Лаврентія и бросилъ якорь южнѣе мыса Новосильцева. Утромъ ему растолковали въ чемъ дѣло, и онъ пошелъ въ бухту св. Лаврентія, но встрѣтивъ тамъ много льда,

Видъ въ бухтѣ Аболешева.

хотѣлъ было уже бросить якорь. Стоило большого труда убѣдить его продвинуться за островъ Литке, гдѣ мы замѣтили стоящее судно.

Льда было дѣйствительно очень много, но онъ былъ рѣдкій и мы потихоньку пробрались между льдинами за островъ Литке. Тамъ стоялъ „Якутъ“ и еще китобойная шхуна „Корвинъ“. На „Якутѣ“ насъ встрѣтили очень любезно и пригласили обѣдать. Съ какимъ удовольствіемъ мы ѣли щи съ кашей и кетовую тешку, послѣ американской стряпни на „Samoa“. Въ самомъ

Матросы съ транспорта «Якутъ».

дѣлѣ, почти ежедневные супы изъ консервированныхъ устрицъ и конденсированнаго молока намъ такъ надоѣли, что и думать о нихъ было противно. Да и офицеры были такіе добрые, славные, компанія составилась дружная, и мы остались ночевать на „Якутѣ“.

На „Samoa“ у насъ непріятность. Захворалъ старикъ Лемашевскій. Дѣло началось съ пустяковъ; его ужалилъ комаръ, онъ расчесалъ укушенное мѣсто, а потомъ растеръ его щеткой съ

мыломъ; щетку же передъ этимъ таскала по палубѣ наша собаченка. На мѣстѣ укуса образовалось небольшое пятнышко, а на другой день на локтѣ появилась зыблющаяся опухоль, температура быстро поднялась. Въ опухоли показался гной, и мы съ врачемъ „Якута" г-номъ Г. сдѣлали разрѣзы; гной вышелъ, но воспаленіе распространялось все выше и выше, температура поднималась и положеніе стало серьезное. Больному уже 65 лѣтъ, и это внушаетъ опасеніе.

Должно быть непріятностямъ и ссорамъ у насъ на „Samoa" не будетъ конца. 17 числа, мы приняли съ „Якута" трехъ матросовъ, пять казаковъ и двѣнадцать рабочихъ. Капитану Jahnsen'у это почему то очень не понравилось. Не знаю, отъ неудовольствія ли, или по привычкѣ, онъ напился. Пьяный онъ вышелъ на мостикъ и, увидавъ казака, стоящаго на вахтѣ у каюты Лемашевскаго по приказанію К. Ив., началъ его гнать внизъ. Казакъ не уходилъ. Тогда капитанъ бросился съ кулаками на Василія, вышедшаго на шумъ, и между ними произошла баталія. Еще до этого у капитана была драка съ однимъ изъ его матросовъ, причемъ капитанъ дрался весломъ, а матросъ доской и другъ друга порядочно поколотили. Капитану все было мало; увидавъ, что онъ не можетъ сладить и казакъ съ мостика не уходитъ, онъ схватилъ револьверъ и бросился съ нимъ на казака. Его успѣли схватить, втолкнуть въ его каюту и запереть, а у двери каюты на часы поставили его помощника. Вотъ каковъ у насъ капитанъ, и какова же можетъ быть дисциплина! На другой день капитанъ плакалъ, просилъ у Карла Иванов. прощенія и клялся на массонской библіи больше не пить.

Другой скандалъ былъ уже изъ рукъ вонъ—„Якутъ" ушелъ въ ночь съ 18 на 19-ое, а мы передвинулись къ мысу Нуньямо, и послали на берегъ Мягкова съ партіей на развѣдки. 20-го было рѣшено высадить въ глубинѣ бухты св. Лаврентія Ляндфильда, Пикара и Скрентона—сына съ партіей китайцевъ. Николай, который завѣдывалъ выдачей провіянта и инструментовъ, собиралъ все нужное для партіи и выкладывалъ на палубу. Ляндфильдъ потребовалъ у него выдать ему еще одну палатку и новые инструменты сверхъ списка, сдѣланнаго Карл. Иванов. Николай отказался сдѣлать это безъ приказанія К. Ив., Ляндфильдъ приказалъ Скрентону самому спуститься въ трюмъ и взять, что нужно.

Николай загородилъ дверь. Тогда Ляндфильдъ командуетъ: „бей его“.

Скрентонъ изо всей силы ударяетъ по лицу Николая, такъ что разбиваетъ ему въ кровь щеку и сшибаетъ съ ногъ. Николай, обезумѣвъ отъ боли и оскорбленія, схватываетъ топоръ, но на шумъ сбѣжался уже народъ, и Николая обезоружили. Въ рукахъ американцевъ уже блестѣли револьверы. Вотъ до чего дошло дѣло.

К. Ив. позвалъ капитана и Стерна и совѣтовалъ имъ принять мѣры, чтобы подобныхъ безпорядковъ не повторялось. Затѣмъ въ каютѣ Кар. Ив. собрались русскіе члены экспедиціи, чтобы разобрать инцидентъ. Большинствомъ рѣшили заставить Ляндфильда извиниться и дать слово впредь вести себя тихо, а Скрентона — сына высадить въ К. Номѣ. Я остался при особомъ мнѣніи, что надо высадить въ Номѣ обоихъ. Вечеромъ прошли въ глубь бухты Св. Лаврентія и нашли тамъ маленькую парусную шкуну „Вѣру“. Послали урядника съ казаками въ формѣ спросить, что это за шкуна. Командиръ ея пріѣхалъ на „Samoa“, и заявилъ, что они золотоискатели, и пришли сюда, не зная хорошенько о правахъ концессіи В-аго. К. Ив., показавъ документы, просилъ ихъ удалиться. Тѣ покорились, хотя съ большой грустью. По ихъ словамъ, они понесутъ 15 тысячъ убытка. Шкуна ушла, а за ней ушли и мы, высадивъ Ляндфильда и Пикара съ партіей китайцевъ. Въ бухтѣ еще много льду, и когда мы стояли тамъ за островомъ Литке, то часто приходилось мѣнять мѣста, уходя отъ льдинъ.

Мы направились въ бухту Мечигменъ, которая уже освободилась ото льда; входъ въ бухту очень тѣсный между сходящимися съ береговъ плоскими кошками. Входить было рискованно и поэтому была выслана впередъ шлюпка для промѣра. За шлюпкой потихоньку мы продвинулись между кошками, но тутъ капитанъ почему то свернулъ къ югу и пароходъ сѣлъ на мель. Пробовали было дать задній ходъ, чтобы сойти съ мели, но оказывается сѣли плотно и рѣшили ночевать на мели.

24 іюня. Вчера только послѣ обѣда удалось сняться съ мели, заведя съ кормы два якоря. Мы перешли въ глубь бухты. Вечеромъ заболѣла наша спутница: жаръ и кашель. Лемашевскому ежедневно дѣлаю разрѣзы, но опухоль идетъ все выше, темпе-

ратура очень высока, надежды все меньше и меньше. Сегодня послѣ обѣда удалось выбрать время и съѣхать на берегъ. Какая прелесть тамъ: тишина, тепло, трава, цвѣты, у берега тихо плещетъ море, а дальше все горы и горы, не страшныя, черныя, а нѣжныя, подернутыя голубой дымкой легкаго тумана. По травѣ порхаютъ бабочки, жужжатъ шмели. Какъ то не похоже даже, что мы находились подъ самымъ полярнымъ кругомъ. Сегодня самый жаркій день, какой мы наблюдали; на воздухѣ, въ тѣни 22° С, а въ водѣ 12° С.

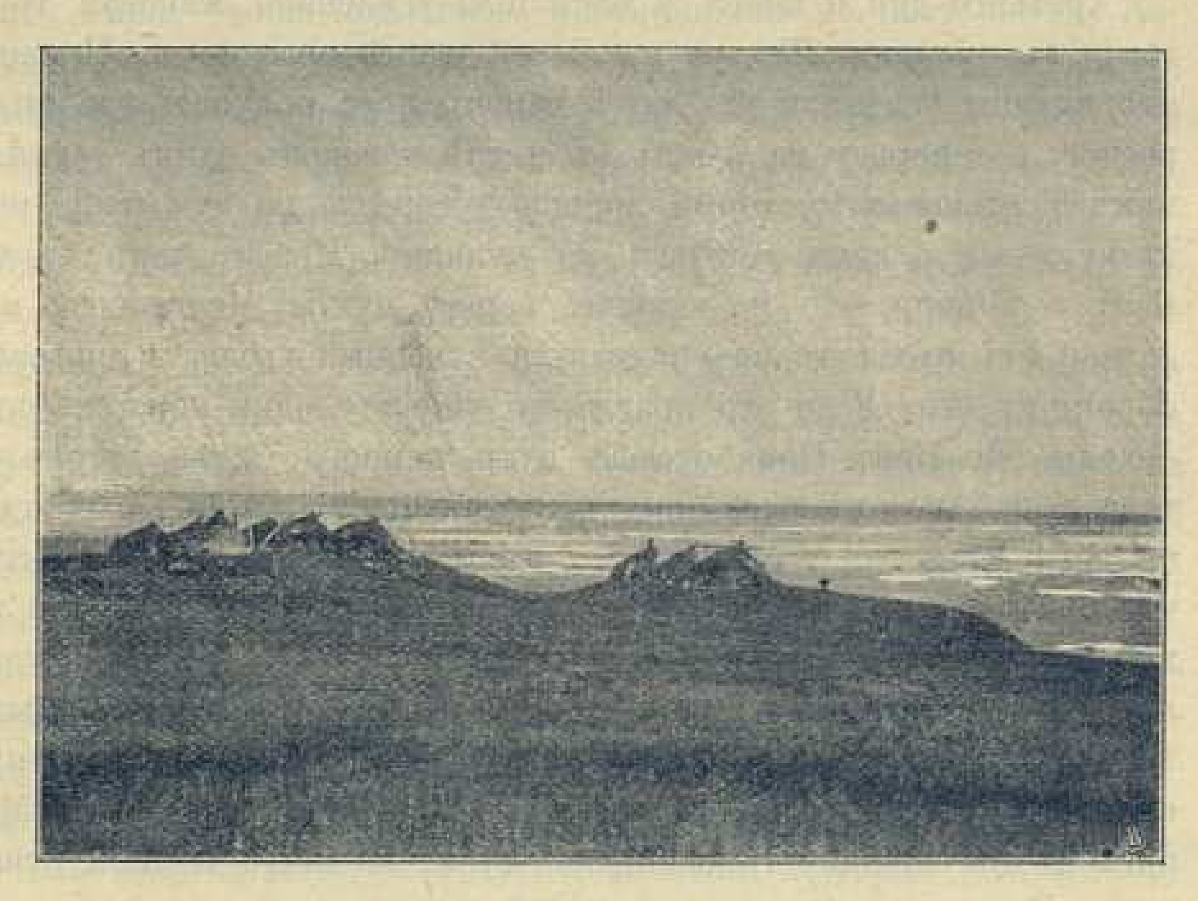
Третьяго дня и вчера у насъ шла усиленная мѣновая торговля съ чукчами. Теперь на нашей улицѣ праздникъ. Прежде американцы успѣвали изъ подъ нашего носа покупать все интересное, а теперь у насъ есть въ числѣ казаковъ одинъ — урядникъ Третьяковъ, который хорошо говоритъ по чукотски, поэтому и мы можемъ говорить съ чукчами. Черезъ него чукчи намъ сообщили, что на южномъ берегу бухты Мечигменъ, недалеко отъ входа въ нее, находится каменный уголь, и привезли обращикъ его. Если это правда, то уже это одно можетъ дать доходы. До Кэпъ Нома отсюда пути немного болѣе сутокъ, а тамъ тонна угля цѣнится никакъ не меньше 25 доллар., а иногда, къ зимѣ цѣна эта увеличивается вдвое, втрое. Чукчи говорятъ, что пластъ выходитъ близко къ морю; если это такъ, то это не хуже золота. А золота здѣсь не оказалось, хотя по мѣрѣ удаленія въ глубь бухты, породы рѣзко мѣняются и можетъ быть тамъ дальше и есть золото. Мягковъ сегодня просился отпустить его съ маленькой легкой партіей, пройти изъ бухты Мечигменъ въ вершину Колючинской губы, но Карл. Иванов. отказалъ. Рикардъ и Стернъ съ другой стороны уже говорятъ, что пора бы было идти въ К. Номъ за Робертсомъ.

26 іюля. Вчера вечеромъ высадили Мягкова съ партіей нѣсколько западнѣе мыса Новосильцева, а сами пошли въ Сенявинскій проливъ къ рѣкѣ Маричъ, чтобы налиться прѣсной водой. Ужасное неудобство не имѣть на суднѣ опрѣснителя, хорошо еще, что на нашемъ берегу много удобныхъ мѣстъ для наливанія водой. У берега, гдѣ высадили Мягкова, еще очень много толстаго льду. Карл. Иванов. осматривалъ берегъ и нашелъ, что породы не дурны.

Сегодня утромъ мы пришли къ рѣчкѣ Маричъ, но водой не

запаслись, такъ какъ вѣтромъ загнало въ лагуну много соленой воды. Чтобы не потратить времени, мы отправились въ бухту Коньямъ и высадили тамъ еще партію рабочихъ подъ начальствомъ Петрова.

День былъ прекрасный. Въ воздухѣ пахнетъ травой, цвѣтами, пестрымъ ковромъ покрывающими берегъ. Снѣгъ на горахъ стаялъ и онѣ пестрѣютъ яркозелеными пятнами молодой травы. Въ тундрѣ щебечутъ птицы. Природа проснулась послѣ долгаго десятимѣсячнаго сна, подъ холоднымъ бѣлымъ покры-

Селеніе Ендогай на мысѣ Новосильцева.

валомъ, и привѣтливо улыбается солнцу, разбудившему ее своими горячими поцѣлуями. Самъ какъ-то оживаешь и стараешься полной грудью вдохнуть въ себя, какъ можно больше воздуха. На берегу прозрачнаго, какъ хрусталь, весело журчащаго между камнями, ручья, поставили маленькую, чистенькую палатку.

Съ какимъ бы удовольствіемъ я остался здѣсь въ этой палаткѣ, вмѣсто того, чтобы ворочаться на опротивѣвшій „Самоа", но тамъ меня ждетъ Лемашевскій, которому я вчера сдѣлалъ послѣдній разрѣзъ почти отъ плеча до локтя, больше уже негдѣ

и рѣзать, а ему все не лучше, появилась рожистая краснота на лѣвой сторонѣ груди.

Изъ Каньямъ-бей мы снова пошли къ Маричъ и въ этотъ разъ запаслись водою. Къ намъ съ визитомъ пришли чукчи и одинъ изъ нихъ, старый знакомый, которому я далъ полосканье для рта, теперь искренно жалъ мнѣ руку, съ радостью показывая здоровые уже языкъ и десны. Какъ немного нужно, чтобы расположить къ себѣ человѣка, и какъ обидно, что чукчи совершенно лишены этой самой необходимой помощи. О нихъ какъ

Гранитныя скалы на вершинѣ мыса Новосильцева.

будто совершенно забыли за дальностью разстоянія. Ничто не привлекаетъ въ этотъ поистинѣ медвѣжій уголъ. Хоть бы золото нашлось. Тогда сюда прибыла бы масса народу, и чукчи получили бы примѣръ болѣе культурной жизни, да и нѣкоторыя матеріальныя выгоды. Будь примѣръ и чукча, конечно, перемѣнился бы, вѣдь поняли же чукчи въ сел. Ендогай, что значитъ чистоплотность и стали мыть лица, какъ я выше упоминалъ. Они къ тому же очень довѣрчиво относятся къ совѣтамъ болѣе

культурныхъ людей, многіе обращались ко мнѣ и врачу судна „Якутъ" Г—ву за совѣтомъ, и мы давали имъ лекарства съ грустнымъ чувствомъ, что всѣ наши средства являются лишь слабыми палліативами и что мы безсильны передъ такими могучими врагами, какъ суровая природа и полнѣйшая некультурность. Того, что мы видѣли до сихъ поръ, достаточно, чтобы сказать, что условія ихъ жизни совершенно антисанитарныя. Копоть отъ освѣщенія ихъ юртъ порождаетъ массу глазныхъ болѣзней, большинство страдаетъ хроническимъ воспаленіемъ вѣкъ и соединительной оболочки глаза, не рѣдкость и бѣльма. Обычай спать безъ одежды на полу вповалку, тѣсно прижавшись другъ къ другу, способствуетъ передачѣ накожныхъ болѣзней а такъ какъ при ихъ нечистоплотности и негигіеничности костюма, кожныя болѣзни являются самыми обыкновенными, то очевидно они и передаются съ поразительной легкостью. То же можно сказать и о сифилисѣ. Хотя ко мнѣ никто не обращался съ этой болѣзнью, но, по слухамъ, она очень распространена здѣсь и, кромѣ того, я нашелъ на кладбищѣ въ бухтѣ Провидѣнія два черепа, на которыхъ видны глубокіе, весьма характерные слѣды сифилиса.

Изъ дѣтскихъ болѣзней есть основаніе предполагать здѣсь корь. Рѣзкія перемѣны температуры, душная, наполненная копотью и различными міазмами атмосфера спальни, и переходъ къ страшнымъ, суровымъ морозамъ съ сильными вѣтрами снаружи вызываютъ повальные бронхиты и пневмоніи, что я видѣлъ въ бухтѣ Провидѣнія, гдѣ всѣ безъ исключенія кашляли и болѣли. Наконецъ, пища ихъ плоха, запасовъ большихъ они сдѣлать не въ силахъ, и хронически, ежегодно къ веснѣ, они испытываютъ голодовку; поэтому не мудрено, что у нихъ встрѣчаются различныя разстройства пищеварительныхъ органовъ и цынга. Странно, что русскіе почти не посѣщаютъ Чукотскаго полуострова, хотя бы даже съ коммерческими цѣлями; вѣдь считаютъ же американцы выгоднымъ заходить сюда для мѣновой торговли. Съ другой стороны, не мѣшало бы и правительству обратить вниманіе сюда, и посылать суда для охраны береговъ хотя бы отъ эксплуататорской торговли иностранцевъ. А то какъ будто всѣ забыли объ этомъ отдаленномъ уголкѣ нашей Россіи и никому до него нѣтъ дѣла. Совсѣмъ другое отношеніе мы видимъ

на противоположномъ намъ американскомъ побережьѣ. Тамъ съ самаго начала навигаціи и до конца крейсируютъ таможенные крейсера, охраняя свои берега. Почему бы и Россіи не завести такія суда?

Отъ рѣчки Маричъ мы пошли по проливу къ мысу Чаплина и по дорогѣ встрѣтили небольшую американскую шхуну „Анонконда". Разспросивъ ее, мы узнали, что она идетъ изъ К. Нома для мѣновой торговли съ чукчами. Вотъ и подтвержденіе того, что я сказалъ.

Отъ мыса Чаплина мы взяли курсъ на К. Номъ.

30 іюля. Все наше пребываніе въ Номѣ было сплошнымъ тяжелымъ кошмаромъ. Едва мы бросили якорь, какъ явились Уайтъ и Стернъ съ Рикардомъ и пригласили Кар. Иван. въ каюту капитана. Съ первыхъ же словъ Уайтъ началъ излагать кондиціи, на которыхъ Робертсъ соглашался ѣхать. Во первыхъ, онъ предлагаетъ ѣхать въ Ледовитый Океанъ, такъ какъ онъ знаетъ, что золото тамъ есть. Во вторыхъ, онъ самъ желаетъ распоряжаться американцами и китайцами. Наконецъ, онъ требуетъ, чтобы по окончаніи розысковъ въ Ледовитомъ Океанѣ, его доставили въ Номъ и точно назначили день возвращенія.

На два первыхъ условія К. Ив. согласился, но отъ третьяго наотрѣзъ отказался, и прекрасно сдѣлалъ, такъ какъ дальнѣйшія событія показали, что въ Номъ лучше не пріѣзжать. Эти событія — скандалы, которые ежедневно дѣлалъ нашъ капитанъ Jahnsen. Въ первый же день онъ привезъ на „Samoa" какую то весьма подозрительную даму и они вмѣстѣ обѣдали въ каютъ-компаніи; вечеромъ, отвезя ее на берегъ, онъ вернулся совершенно пьяный и сталъ кричать на весь пароходъ, что онъ не собака, чтобы работать по праздникамъ, что онъ не желаетъ продолжать экспедиціи и остается въ Номѣ; пусть ищутъ другого командира.

Разбудилъ меня и Алфр. Марковича, опять гналъ съ мостика вахтеннаго казака и долго еще не могъ успокоиться. На другой день онъ покорился и повелъ судно нѣсколько южнѣе Нома; возвращаясь обратно въ Номъ онъ страшно торопился на свиданіе и едва не разбился. Я сидѣлъ въ своей каютѣ, вдругъ чувствую, какъ сразу дали стопъ машинѣ. Выбѣгаю на палубу — оказывается мы полнымъ ходомъ неслись на берегъ и свернули,

когда до него оставалось только нѣсколько саженъ. Еще минута, и мы бы разбились. Вечеромъ онъ опять привезъ на пароходъ свою даму, и она оставалась здѣсь всю ночь, а утромъ, накормивъ и напоивъ, онъ торжественно доставилъ ее на пароходъ идущій въ С.-Франциско. Вообще, онъ ничѣмъ не стѣсняется. Жители Нома смѣются надъ нами, такъ какъ вокругъ „Samoa" всегда плаваетъ масса бутылокъ. Словомъ, онъ превратилъ нашъ пароходъ въ какой то неприличный кабакъ.

Но это еще не все. Сегодня онъ отправился на берегъ въ таможню и заявилъ, что на „Samoa" находятся вооруженные ружьями и револьверами русскіе матросы и казаки, попавшіе на судно безъ его вѣдома и желанія. Вернулся онъ въ сопровожденіи таможеннаго чиновника, который заявилъ К. Ив., что по американскимъ законамъ въ ихъ водахъ иностранцы не могутъ быть вооруженными, и что на основаніи заявленія капитана о нежеланіи имѣть на суднѣ вооруженныхъ иностранцевъ, онъ проситъ выдать ему все оружіе. К. Ив. замѣтилъ ему, что солдаты даны русскимъ правительствомъ для защиты интересовъ концессіи и потому оружіе имъ нужно, а судно зафрахтовано для экспедиціи на русскихъ берегахъ, слѣдовательно русскіе на немъ могутъ имѣть оружіе. Тогда капитанъ просто отказался идти, и предложилъ К. Ив. искать другого командира, которому онъ сдалъ бы судно.

— Пусть капитанъ изложитъ свой отказъ письменно — сказалъ К. Ив.

— Этого я не желаю — отвѣтилъ Jahnsen.

— Въ такомъ случаѣ, я прошу таможеннаго чиновника, быть свидѣтелемъ вашего отказа.

— Но я отказываюсь, только въ томъ случаѣ, если вы не довольны мной. Тогда я бросаю оба якоря и жду, кого пришлетъ мой хозяинъ Ганефе.

Видя, что Jahnsen пьянъ и желая кончить разговоръ, чиновникъ сказалъ ему:

— Пока вы въ американскихъ водахъ, вы можете взять у русскихъ оружіе, или при мнѣ поручить кому нибудь это.

— А вотъ докторъ можетъ взять это на себя, я ему довѣряю,—говоритъ Jahnsen.

— Ну, вотъ и отлично, — заключилъ чиновникъ, и, отведя въ сторону Алфр. Марковича, шепнулъ ему.

— Я вижу, что капитанъ пьянъ, и совѣтую вамъ уходить скорѣе отсюда, чтобы онъ не сдѣлалъ еще какого нибудь скандала.

Вечеромъ всѣ собрались и мы снялись съ якоря. Тутъ то и вышелъ финалъ. Я только что кончилъ перевязку Лемашевскому, и онъ заснулъ, вдругъ слышу, нашъ „Samoa“ свиститъ изо всей мочи. Бѣгу на мостикъ и прошу капитана не свистать такъ, чтобы не будить больного, К. Ив. проситъ тоже, выбѣгаютъ Уайтъ и Стернъ, но капитанъ продолжаетъ неистово свистѣть каждому пароходу.

— Я здѣсь на мостикѣ хозяинъ! Я знаю, что дѣлаю,—кричитъ онъ.

К. Ив. зеленый отъ злости, вбѣгаетъ на мостикъ.

— Перестаньте же, наконецъ, свистѣть.

— Убирайтесь отсюда, я здѣсь хозяинъ,—отвѣчалъ капитанъ.

— Goddam, с...ъ с...ъ, слушай же, наконецъ, что тебѣ говорятъ — кричитъ внѣ себя К. Ив.

— Я здѣсь хозяинъ, что хочу, то и дѣлаю.

— Стопъ! Отдать якорь! — реветъ капитанъ.

Въ это время мы съ разбѣга чуть чуть не врѣзались въ корму другого судна и свернули, пройдя саженяхъ въ двухъ отъ его борта.

Команда высыпала вся наверхъ, но приказанiе капитана исполнено не было, якорь не бросили. Уайтъ и Стернъ увели капитана въ каюту, успокоили его, а на мостикѣ остался бѣдный Рейнеръ, которому приходится работать и за себя и за капитана, причемъ онъ получаетъ жалованья всего 90 долларовъ въ мѣсяцъ. Если сравнить съ тѣмъ жалованьемъ, какое получаютъ наши американцы, просто обидно становится за него; напримѣръ, Дауленъ получаетъ тысячу долларовъ въ мѣсяцъ, Ляндфильдъ— 500 доллар., плотникъ Скрентонъ и Пикаръ по 250 доллар. и даже мальчишка Скрентонъ получалъ по 100 долларовъ въ мѣсяцъ.

Наконецъ то мы ушли изъ Нома и идемъ теперь въ Кэпъ-Іоркъ, посмотрѣть прiиски. Настроенiе у всѣхъ самое тяжелое. Работа до сихъ поръ не спорится; отношенiя съ американцами натянуты до нельзя, капитанъ, Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, и въ концѣ концевъ болѣзнь Лемашевскаго, которому все еще не лучше.

Температура высокая, нервенъ и капризенъ сталъ ужасно—чѣмъ все это кончится?

5 августа. Обстоятельства поправляются, Лемашевскому стало лучше, опухоль уменьшается, температура падаетъ. Снова является надежда, что онъ останется живъ, и это доставляетъ намъ большое утѣшеніе въ нашемъ непріятномъ положеніи. За эти дни мы много поплавали. Отъ К. Нома прошли къ Кэпъ - Іорку, и оттуда перешли черезъ Берингѳвъ проливъ въ бухту Св. Лаврен-

Селеніе у устья рѣчки Нуньмо въ заливѣ Св. Лаврентія.

тія. Благодаря туману, мы цѣлую ночь не могли войти въ бухту и только утромъ 1 августа прошли въ глубь бухты къ стоянкѣ Ляндфильда, чтобъ снять партію. Золота Ляндфильдъ здѣсь не нашелъ, хотя его отвѣтъ имѣетъ мало цѣны. Они работаютъ ужъ черезъ чуръ поверхностно, не глубже 5 футовъ, да и то кажется занимались больше набивкой чучелъ оленя. Снявъ партію, мы пошли къ мысу Новосильцева за Мягковымъ. Въ этотъ день Робертсъ, промывая песокъ съ того мѣста, гдѣ былъ остав-

ленъ Мягковъ, нашелъ въ немъ двѣ золотинки. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы американцы пришли въ азартъ. Въ каюту К. Ив. прибѣжалъ Стернъ; его лицо, всегда такое благообразное, стало жаднымъ, онъ задыхался и, какъ горохомъ, сыпалъ словами.

— Золото, золото, mr. Б., Робертсъ нашелъ золото!

— Гдѣ онъ нашелъ его?

— Въ пескѣ, гдѣ остался mr. Мягковъ.

Побѣжали на палубу, а тамъ уже собрались всѣ американцы и разсматриваютъ въ лупу песокъ въ блюдечкѣ.

— Вотъ оно, вотъ оно — золото. Робертсъ только песокъ увидѣлъ и говоритъ: тутъ есть золото, а онъ не ошибется.

Въ пескѣ дѣйствительно видны двѣ маленькія золотинки.

— Скорѣе туда, къ Мягкову, — торопятъ американцы.

И мы пошли полнымъ ходомъ по бухтѣ; но едва вышли изъ нея, какъ нашъ „Samoa“ начало швырять, какъ мячикъ. Вокругъ туманъ, вѣтеръ крѣпнетъ. Подъ вечеръ подошли къ стоянкѣ Мягкова. На палубу вышелъ капитанъ.

— Вѣтеръ крѣпкій и волненіе большое, на шлюпкѣ ѣхать опасно, подождемъ до завтра — говоритъ онъ.

И почти вслѣдъ за его словами мы видимъ, какъ отъ берега отдѣляется шлюпка и, ныряя въ волнахъ, то совершенно исчезая, то взлетая на вершину волны и какъ будто совсѣмъ отъ нея отдѣляясь, направляется къ намъ.

Черезъ полчаса Мягковъ, загорѣлый, покраснѣвшій отъ вѣтра, входитъ на полубу.

— Золота нѣтъ—слышится его голосъ.—Американцы не вѣрятъ и рѣшаютъ всѣ отправиться на берегъ.

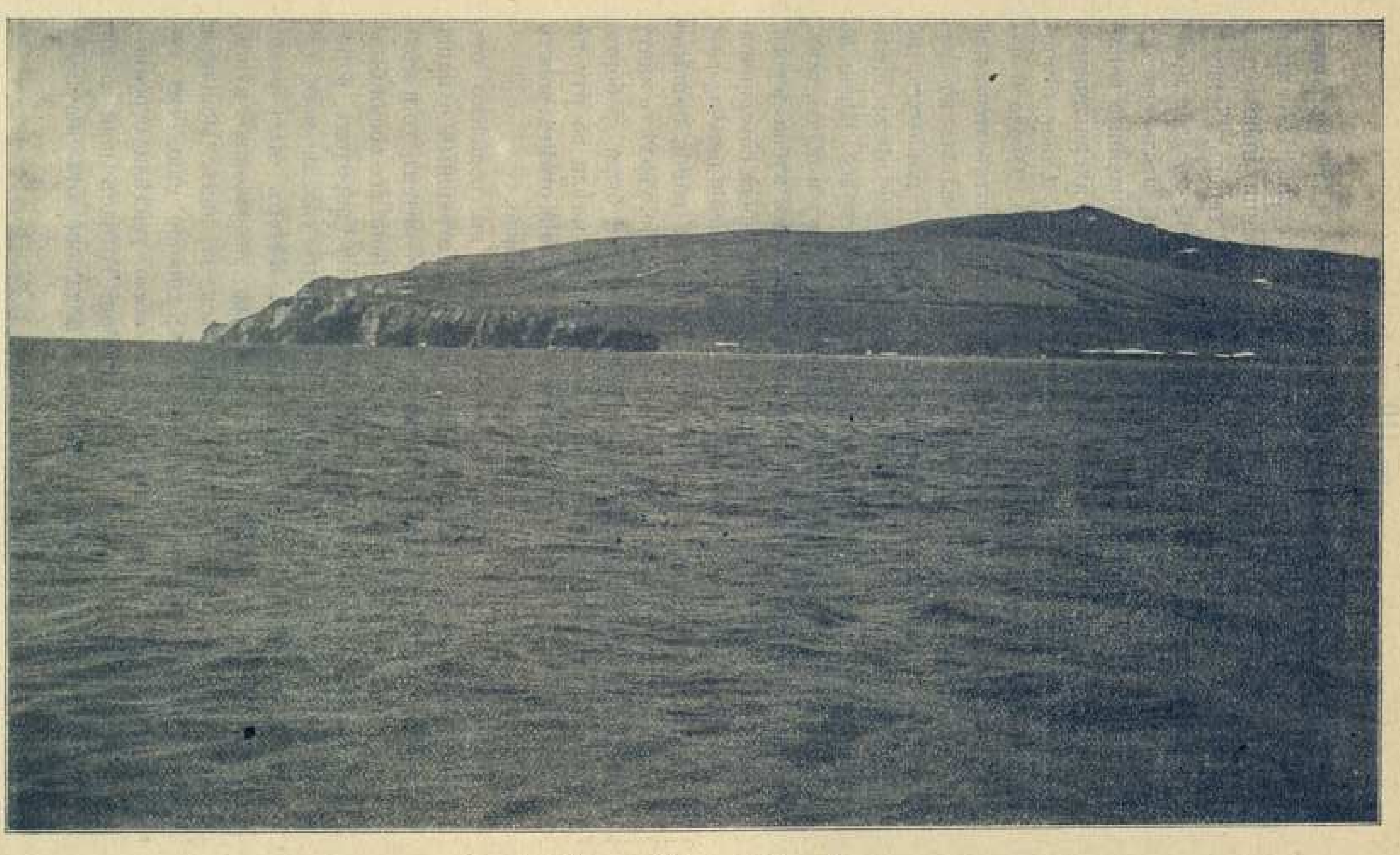
На другой день всѣ поѣхали и даже буръ съ собой захватили, пресловутый и знаменитый буръ Робертса, о которомъ такъ много они говорили. Послѣ обѣда отправились на берегъ и мы, немного поколесили въ туманѣ, и подъѣхали къ русскому флагу, одиноко развѣвавшемуся на берегу.

Оказывается, золота американцы не нашли, а буръ, гордость Робертса, оказался настолько негоднымъ для работы, что съ досады его бросили на берегу; а вѣдь за него заплатили 400 долларъ. Осмотрѣвъ еще бичъ, мы вернулись на пароходъ, и, переговоривъ, рѣшили дѣйствовать такъ: на этомъ мѣстѣ оставить

Николая съ полупартіей, а Мягковъ съ другой половиной садится на судно, и мы идемъ на сѣверъ. Море совершенно очистилось, не видно уже ни одной льдинки.

Снявши Мягкова съ рабочими и дополнивъ запасъ Николая, мы взяли якорь и перешли къ мысу Литке. Утромъ стоялъ густой туманъ, закрывавшій отъ глазъ все окружающее. Разсчитавъ, что берегъ долженъ быть отъ насъ на западѣ, мы на двухъ шлюпкахъ отправились на изслѣдованіе. Когда мы отошли отъ парохода и очутились среди густого тумана, молочно бѣлымъ покрываломъ опутавшаго лодку и оставившаго намъ кругозоръ въ нѣсколько саженъ, мнѣ показалось, что мы болѣе, чѣмъ когда либо, отрѣзаны отъ міра. Если компасъ совретъ, мы можемъ вмѣсто берега уйти въ море и будемъ тамъ носиться, кто знаетъ, сколько времени. А если поднимется штормъ, выдержимъ ли мы. Тѣмъ болѣе, что мы противъ всякихъ правилъ не взяли ни воды, ни хлѣба; такъ и случилось: отъ качки и неровной гребли компасъ сталъ вертѣться кругомъ. Хорошо, что мы вспомнили, что у насъ въ карманахъ маленькія ручныя бусоли; они намъ помогли, и черезъ нѣсколько времени впереди насъ послышался глухой шумъ прибоя, а затѣмъ показались огромныя, мрачныя прибрежныя скалы, отвѣсно падающія въ море. Массы птицъ съ рѣзкими криками срывались съ нихъ, испуганные нашими голосами и кружились надъ головами. Мы повернули на сѣверъ и скоро пошли подъ скалами. Версты черезъ двѣ, скалы окончились и мы пристали къ пологому берегу, въ устьѣ небольшой рѣчки. Весь берегъ былъ покрытъ розовыми пятнами гранатнаго песка, но при промывкѣ золота не оказалось, а глубоко забивать шурфы мы не могли, такъ какъ не имѣли съ собой даже простой помпы. Поднявшійся вѣтеръ разогналъ туманъ, вышло солнце и передъ нашими глазами открылась дивная картина. Суровое зеленоватое море гонитъ свои холодныя волны на могучія прямыя скалы, и дробясь у ихъ подножья бѣлой пѣной брызжетъ вверхъ, а дальше за мысомъ Литке видна спокойная небольшая бухточка, окруженная пологими зелеными горами. У скалъ стадами летаютъ топорки, бакланы, утки, всевозможныя чайки.

На слѣдующій день (4 авг.) мы перешли немного сѣвернѣе, подъ мысъ Дежнева (мысъ Восточный) и двѣ партіи, русская и американская отправились на развѣдки. Туманно и холодно,

Мысъ Дежнева (Восточный) съ сѣвера.

дуетъ свѣжій вѣтеръ и волненіе усиливается. Около полудня капитанъ, не говоря ни слова, взялъ якорь и перешелъ на милю къ сѣверу. Было уже около 3-хъ часовъ, а наши пріискатели еще не возвратились, да и какъ они найдутъ теперь „Samoa“, если онъ перемѣнилъ мѣсто, а туманъ такой, что въ десяти саженяхъ ничего не видно. Попросилъ капитана давать свистки сиреной; начали раздаваться одинъ за другимъ отчаянные вопли сирены. Часа въ четыре показалась шлюпка съ американцами, пришедшими на свистокъ, а нашихъ все нѣтъ. Стали безпокоиться, не заблудились ли, это такъ не трудно. Около 6 часовъ показалась, наконецъ, шлюпка со стороны, противоположной берегу. Такъ дѣйствительно и вышло, они заблудились; возвращаясь съ берега, они взяли обратный курсъ на пароходъ, но его не нашли, конечно. Ѣхали часа два, а его все нѣтъ; стали уставать. Что же оставалось дѣлать? Въ туманѣ все равно не найдешь судно, приходилось ворочаться на берегъ и ждать тамъ, пока прояснится, ждать безъ куска хлѣба, безъ куска дерева, чтобы хоть согрѣть воду. А здѣсь на берегахъ дерева совершенно не выкидываетъ. Завидно смотрѣть на американскій берегъ, весь заваленный плавуномъ. Совсѣмъ было пріуныли наши, поплыли обратно, но вотъ дунулъ вѣтеръ и вдалекѣ К. Ив. увидѣлъ мачту судна. Поспѣшно взяли курсъ и черезъ полчаса были у борта, измученные, голодные, такъ какъ съ утра не имѣли во рту ни маковаго зернышка. За то они принесли хорошій отвѣтъ: золото встрѣчается въ каждой лоткѣ, хотя очень мелкое.

Ночью мы обходили мысъ Дежнева. Шли мы недалеко отъ берега, закутаннаго туманомъ. Вѣтеръ былъ страшный и нашъ несчастный „Самоа“ качался немилосердно. Капитанъ то и дѣло останавливалъ пароходъ и бросалъ лотъ. Глубина все время была около 30 саженъ. Во время этихъ остановокъ, пароходъ ворочало вѣтромъ, относило, и капитанъ наконецъ уже не могъ сообразить, въ какомъ мѣстѣ мы находимся. Вѣтеръ былъ очень силенъ, оставаться на якорѣ въ морѣ было невозможно, нужно было зайти за мысъ Дежнева и укрыться за нимъ. Пошли и чуть было не врѣзались въ самый мысъ; хорошо еще, что туманъ разорвался, и мы прямо передъ собою увидѣли огромные отвѣсы мыса и услышали шумъ прибоя. Тотчасъ дали задній ходъ и стали обходить мысъ, держась подальше отъ него. Къ

утру волненіе усилилось и нашъ вельботъ, висѣвшій на шлюпбалкахъ, смыло волной; пришлось въ темнотѣ искать его, а теперь ночи уже стали темнѣе, но, не смотря на волненіе, нашли и снова подняли на палубу, пропавшими же оказались только четыре весла. Весь обходъ продолжался четырнадцать часовъ. Но когда, сегодня утромъ, туманъ разсѣялся, то оказалось, что мы прошли миль на десять сѣвернѣе, и должны были возвращаться. Бросили якорь мы противъ селенія Уэлленъ, расположеннаго подъ самымъ мысомъ Дежнева съ сѣверной его стороны. Селеніе это состоитъ изъ нѣсколькихъ юртъ. Чукчи имѣютъ видъ здоровый, крѣпкій, и очевидно живутъ болѣе или менѣе достаточно; это видно по объему ихъ юртъ и товарамъ, которые они привезли намъ на судно; чукчи здѣсь совершенно не имѣютъ признаковъ монгольскаго племени. Они высоки, плотны, глаза прорѣзаны прямо, скулы совсѣмъ не выдаются, носъ продолговатый, хотя и съ низкой переносицей; кожа лица загорѣлая, темная, но кожа тѣла бѣлая, почти какъ у европейца. Волосы носятъ такъ же, какъ и другіе чукчи, живущіе южнѣе. Нѣкоторые говорятъ по англійски, но плохо, и никто по русски. Только одинъ привѣтствовалъ насъ, говоря: „здорово". Американцы очевидно не рѣдко посѣщаютъ ихъ, такъ какъ у нихъ имѣются и вельботы и ружья Винчестеръ въ достаточномъ количествѣ.

Весь день у насъ на суднѣ толпились чукчи, обмѣнивая свои товары. Я не торгуясь давалъ имъ столько, сколько они запрашивали; купилъ пять шкуръ песцовъ за 6 кирпичей чаю, и четыре большихъ моржовыхъ клыка за 4 кирпича; собственно говоря, это страшно дешево, и немудрено, что американскіе китобои не упускаютъ случая вести мѣновую торговлю съ чукчами. Любопытнѣе всего мы купили большую шкуру бѣлаго медвѣдя. Чукча просилъ за нее ружье Винчестеръ 44 калибра, мы дали ему ружье, чахолъ, патронташъ коробку патроновъ, но чукча не взялъ этого, говоря, что ружье слишкомъ легко и мало, а ему нужно длинное, тяжелое ружье. Долго онъ торговался, мы даже на берегъ успѣли съѣхать, наконецъ согласился отдать шкуру за 30 кирпичей чаю, т. е. почти вдвое дешевле, чѣмъ мы ему предлагали. Вообще въ ихъ торговлѣ нѣтъ никакой правильной оцѣнки; берутъ они то, что имъ нужно въ

Селеніе Пуукань на мысѣ Дежнева.

данное время и часто гораздо меньше по стоимости, чѣмъ имъ предлагаютъ. Иногда ихъ требованія очень курьезны. У одного изъ нашихъ матросовъ, они отрѣзали почти всѣ пуговицы съ его бушлата, надававъ ему разныхъ шкурокъ, ремней и разной разности. Тутъ же мы накупили цѣлую коллекцію мелкихъ фигурокъ изъ моржовой кости, весьма искусно вырѣзанныхъ ножемъ. Фигурки изображали разныхъ животныхъ: оленей, собакъ, лисицъ, тюленей, головы моржей, птицъ, даже цѣлыя упряжки собакъ съ нортами, и все это за какихъ нибудь два, три кирпича чаю, горсть бисеру, плохенькіе ножи и тому подобные малоцѣнные предметы. Американцы наши торговали широко. Не смотря на то, что мы имъ часто говорили о запрещеніи вымѣнивать на спиртъ, они очень ловко и незамѣтно это производили, уводя чукчей къ себѣ въ каюты, или уходя на берегъ и вымѣнивая товары въ юртахъ. Наша спутница замѣтила, какъ Уайтъ угощалъ на берегу чукчей виски, а Рейнеръ привезъ что то похожее на бутылки въ маленькомъ сакъ-вояжѣ. Младшій помощникъ даже лучше ухитрился. Я ему какъ то далъ резиновый мѣшокъ для горячей воды, употребляемый вмѣсто согрѣвающаго компресса, а онъ имъ воспользовался потомъ для перевозки въ немъ на берегъ виски.

Пробовали искать золота; забили шурфъ футовъ 6 глубины, но ни золота, ни шлиховъ, не оказалось.

6 августа. Сегодня мы подвинулись на нѣсколько миль къ сѣверу и стали въ устьѣ большой лагуны, намѣреваясь запастись прѣсной водой. Карлъ Иван. и Мягковъ уѣхали на берегъ для развѣдокъ еще съ утра, а въ полдень веселой компаніей тронулись на берегъ и американцы. Черезъ нѣсколько времени съ берега послышалась страшная пальба — это они работали. Собственно, они почти всегда такъ работаютъ; къ полудню собираются, берутъ съ собой обильный запасъ вина, пива, закусокъ и ружья. На берегу прежде всего охотятся, а потомъ уже принимаются за изслѣдованіе, но глубже трехъ, четырехъ футовъ они не идутъ и возвращаются обратно.

Запастись водой не удалось. Вѣтеръ поднялся сильный и капитанъ, взявшійся управлять катеромъ, въ устьѣ лагуны посадилъ его на мель; большого труда стоило сняться съ мели. Въ самой лагунѣ наши чуть не опрокинулись и едва, едва выби-

Развѣдка на берегу къ югу отъ мыса Дежнева.

лись. Къ вечеру снялись съ якоря и пошли дальше къ сѣверу Воды прѣсной на суднѣ уже почти не было, а та, что была уже испортилась. Надо было идти прямо въ Колючинскую губу, гдѣ есть рѣчки.

Идя около берега, капитанъ замѣтилъ воду, падающую со скалы, и остановили судно.

— Вотъ гдѣ мы можемъ запастись водой,—обрадовался онъ.

Вода съ высокой скалы падала въ море и съ перваго же взгляда, видно было, что взять ее не возможно. Я высказалъ свое мнѣніе, но капитанъ отвѣтилъ.

— Я шестнадцать лѣтъ хожу по берегамъ Калифорніи и очень часто беру воду изъ водопадовъ.

Я остался при своемъ мнѣніи и даже подержалъ пари на полдоллара съ помощникомъ, что воды они не возьмутъ. Послѣ ужина рѣшили осмотрѣть мѣсто; поѣхали почти всѣ; вода съ высоты саженей 10, съ силой падала на каменную плиту, около которой была только небольшая полоса песку. И высадиться то было трудно въ бурунахъ, а они еще хотѣли взять воду, не взирая на страшную силу, съ которой она падала. Но капитанъ заупрямился.

— Я сказалъ, что возьму, и возьму. Завтра утромъ сколотимъ желобъ, подставимъ его подъ струю, и нальемъ шлюпки.

Пришлось уступить и мы остались ночевать на якорѣ. Ночи стали уже темныя, длинныя, кругомъ стоитъ туманъ, по палубѣ барабанитъ дождикъ. Температура воды уже только 34^0 F.

11 августа. Стоимъ мы въ Колючинской губѣ и ждемъ хорошей погоды, чтобы можно было выбраться отсюда и уйти къ югу. Два послѣдніе дня дулъ сильный NW и не было возможности даже спустить шлюпку. Сегодня вечеромъ вѣтеръ утихъ и Мягковъ, чтобы не терять времени, въ полночь отправился на катерѣ на берегъ.

Я остановился въ дневникѣ на томъ, какъ мы стояли у берега, думая брать воду. Конечно, какъ и надо было ожидать, это оказалось невозможнымъ. Въ семь часовъ утра вѣтеръ усилился, а капитанъ, проигравшій наканунѣ до полночи въ карты, поднялся только въ девять часовъ. Стали готовить лотки для пріема воды, сдѣлали, уложили и отправились; черезъ четверть часа вернулись обратно.

— Ну что же, много взяли?—спрашиваемъ.

— Невозможно, буруны сильные, подойти нельзя—отвѣчаетъ помощникъ.

— Слава Богу, теперь у насъ много воды и какой прекрасной!—обращается къ капитану Мягковъ, выходя на палубу.

Капитанъ заворчалъ что то и ушелъ на мостикъ. Взяли якорь и пошли на сѣверъ, потерявъ, благодаря упрямству капитана, около 18 часовъ. Къ вечеру мы обходили мысъ Сердце-Камень. Онъ имѣетъ весьма характерную физіономію: вся его вершина какъ щетиной покрыта отдѣльными камнями, издали кажущимися какъ будто башенками.

За Сердце-Камнемъ мы попали въ густой туманъ, изъ за котораго не нашли входа въ Колючинскую губу и принуждены были провести ночь на якорѣ въ открытомъ морѣ; а вѣтеръ все крѣпчалъ, качка стала очень сильной. На другой день туманъ сталъ рѣдѣть и мы пошли ближе къ берегу, но не скоро еще попали въ бухту. Оказывается, что входъ въ нее совершенно не похожъ на то, что показано на картахъ. На всѣхъ картахъ входъ показанъ шириною въ нѣсколько десятковъ миль, на самомъ же дѣлѣ входъ имѣетъ всего мили двѣ, три въ ширину. Хорошо еще, что мы не рискнули идти ночью, и не было шторма, а очень не мудрено было вылетѣть на берегъ и разбиться.

И странное дѣло, на всѣхъ картахъ этотъ входъ одинаково показанъ очень широкимъ. А вѣдь столѣтіе тому назадъ, здѣсь была русская экспедиція подъ начальствомъ капитана Биллингса, и въ ея описаніи, составленномъ капитаномъ Сарычевымъ, говорится на стр. 30-й: „Устье Колючинской губы имѣетъ ширины 4 мили" (изъ записокъ сержанта Гилева). Очевидно, это свѣдѣніе было положительно всѣми оставлено безъ вниманія, а въ руководство были приняты позднѣйшія свѣдѣнія. Норденшильдъ зимовавшій въ этихъ мѣстахъ изслѣдовалъ Колючинскую губу зимой, когда она была покрыта льдомъ и снѣгомъ, и, очевидно, не замѣтилъ двухъ длинныхъ кошекъ, идущихъ съ запада и съ востока, и съужающихъ входъ въ бухту. Кошки, на самомъ дѣлѣ, очень низкія, и ихъ немудрено не замѣтить зимой. Они покрыты тощей растительностью, и массой мелкихъ озеръ прѣсной воды, которой мы и запаслись. Вече-

Мысъ Сердце-камень въ Сѣв. Ледовитомъ Океанѣ.

ромъ съѣхали на берегъ поохотиться и набили изъ четырехъ ружей около двухъ сотъ куликовъ. Ихъ здѣсь такая масса, что просто некогда ружья зарядить, и они совсѣмъ не напуганы. Изъ четырехъ породъ куликовъ здѣсь есть одна очень интересная: куликъ—колпикъ; съ носомъ расплющеннымъ въ маленькую овальную лопаточку. Берега кошки покрыты массой выкидного лѣса, мѣстами лежатъ цѣлыя кучи огромныхъ стволовъ. Въ этомъ отношеніи берегъ Ледовитаго океана гораздо счастливѣе берега Берингова моря и пролива, гдѣ море не выкидываетъ ни щепки. На кошкахъ виднѣются слѣды прежнихъ жилищъ чукчей, но новыхъ селеній нигдѣ не видно. Золота на кошкѣ не нашли, хотя Ляндфильду посчастливилось найти три золотинки, которыя онъ и показывалъ въ лоткѣ. Мерзлота здѣсь начинается четверти на двѣ подъ поверхностью. На другой день воду уже нельзя было брать; вѣтеръ подулъ сильный съ сѣверо-запада, температура сразу низко упала. Волны расходились и въ бухтѣ. Нашъ „Самоа“ качается съ боку на бокъ, какъ въ открытомъ морѣ. Картина стала угрюмой; мутнозеленыя волны шумятъ у борта, безъ перерыва, какъ будто ворчатъ, что вѣтеръ ихъ поднялъ; небо все закутано облаками, вокругъ стѣной сталъ пепельно-сѣрый туманъ; вѣтеръ обдаетъ палубу холоднымъ дождемъ, яростно свистя и шипя теребитъ снасти, сердито хлопаетъ дверями, стучится въ окна. Если выйдешь на палубу, онъ сейчасъ же забирается подъ пальто, старается сорвать шапку.

Сегодня вѣтеръ съ утра сталъ осыпать насъ снѣгомъ—это первый снѣгъ. Къ вечеру, когда вѣтеръ стихъ и туманъ поднялся, мы увидѣли, что горы уже покрыты снѣгомъ. Надо собираться и уходить отсюда, потому что температура все падаетъ, вѣтеръ дуетъ сѣверо-западный и можетъ скоро принести льды, которые всегда толпятся у земли Врангеля. Норденшильдъ остался зимовать здѣсь потому, что не замѣтилъ, какъ принесло вѣтромъ льды и отрѣзало ему путь къ Берингову проливу.

Мы провели время здѣсь все таки не даромъ. Мягковъ снялъ входъ въ бухту и ближайшіе берега, сдѣлалъ промѣры и вообще исправилъ карту, такъ что теперь можно безопасно входить въ бухту. Бухта для стоянки очень хороша; она широка, а въ длину и конца ея не видно; форватеръ глубиною 15 саж. и больше, идетъ по западному берегу, саженяхъ въ двухстахъ отъ

Чукотская байдара и палатка.

кошки, къ восточному же становится мельче. Бухта окружена невысокими горами съ закругленными вершинами, на юго-западѣ виднѣются болѣе высокія горы.

19 августа. Стоимъ въ маломъ проливѣ Сенявина, запасаемся свѣжимъ мясомъ, водой и чистимъ машину. Изъ Колючинской губы мы вышли 11-го, только что улегся вѣтеръ. Подходя къ Сердце-Камню, мы увидѣли въ морѣ стада моржей въ нѣсколько десятковъ головъ; издали еще были видны ихъ огромные клыки, доходящіе иногда до 14 вершковъ длины. Это былъ первый и единственный случай, что мы видѣли моржей. У Сердце-Камня постояли недолго, пока Карлъ Иван. осматривалъ берегъ; еще остановка была на слѣдующій день у селенія Нуукань, расположеннаго на самомъ мысѣ Дежнева, на небольшой площадкѣ среди скалъ. Тотчасъ же насъ окружила цѣлая флотилія шлюпокъ, нагруженныхъ шкурами. Торговля пошла страшная, накупили массу шкуръ; удивительно дешево иногда можно покупать шкуры. Мнѣ удалось купить шкуру бѣлаго медвѣдя за 10 кирпичей чая, 8 фунтовъ сахару и охотничій ножъ. Шкура была прекрасная, длины отъ хвоста до головы 4 аршина съ чѣмъ то, и съ густой желтоватой шерстью; такую же шкуру Лемашевскій, теперь выздоравливающій къ нашему общему удовольствію, вымѣнялъ за 18 кирпичей чаю. Хорошо выдѣланная оленья шкура стоитъ обыкновенно 1 кирпичъ чаю, столько же стоитъ шкура лисы или песца. Вообще, дешевизна страшная, и американцы пользуются ею въ широкомъ размѣрѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ пуская въ ходъ виски, за которую здѣсь все можно купить. Не мѣшало бы сюда заглядывать русскимъ, это было бы выгодно и для нихъ и для чукчей.

Окончивъ торговлю, мы направились къ югу, къ плоскому берегу, который находится подъ мысомъ Дежнева, гдѣ нашими было найдено золото. Наканунѣ Карлъ Иван. далъ приказаніе Пикару выйти на этотъ берегъ съ партіей китайцевъ, и Альфр. Марков. приготовилъ все необходимое для снаряженія партіи еще наканунѣ. Когда же мы подошли къ назначенному мѣсту, Пикаръ говоритъ.

— Мистеръ Робертсъ запретилъ мнѣ высаживаться на берегъ.

— Тогда пусть Пикаръ напишетъ мнѣ, что Робертсъ запрещаетъ ему повиноваться мнѣ, — говоритъ Карлъ Ивановичъ.

Пикаръ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся.

— Робертсъ запретилъ мнѣ давать что нибудь письменно.

— Тогда вы повторите это устно при свидѣтеляхъ.

— Хорошо, я согласенъ.—И онъ повторилъ.

Итакъ, американцы прямо уже отказываются работать, отказываются повиноваться Карлу Иван. Ну, что-жъ дѣлать? Силой работать не заставишь, а времени тратить нельзя, его мало уже остается, надо какъ можно скорѣй работать.

Чукчи плывутъ за судномъ.

Карлъ Иван. приказалъ готовиться на работу всѣмъ русскимъ и всѣмъ китайцамъ.

Черезъ нѣсколько времени въ каюту Карла Иван. является китайскій босъ, т. е. подрядчикъ ихъ артели и говоритъ ему.

— Мы нанимались на работу у мистера Робертса, и разъ мистеръ Робертсъ прекратилъ работы, то прекращаемъ и мы, потому что хозяиномъ считаемъ его.

Такимъ образомъ и американцы и китайцы работать отказались, а у насъ остается только трое русскихъ рабочихъ.

Тогда Карлъ Иван. посылаетъ на работу казаковъ и русскихъ матросовъ, и они безъ ропота, съ видимымъ удовольствіемъ ѣдутъ на берегъ. Вообще надо отдать справедливость, наши русскіе рабочіе и солдаты не только отличаются прекрасной дисциплиной, но даже прямо интересомъ къ работѣ, желаніемъ работать. Жаль, что не всѣ рабочіе у насъ; двѣ партіи Николая и Петрова еще не сняты, а если бы они были тогда съ нами, мы не особенно бы огорчились отказомъ китайцевъ и американцевъ, все равно никуда негодныхъ, какъ работники. Мы всѣ съѣхали на берегъ. Поставили рокеръ, забили шурфъ и работа началась. При шурфѣ остался Карлъ Иван., а мы съ Мягковымъ отправились осматривать сосѣднія рѣчки, онъ къ югу, я къ сѣверу по берегу. Породы въ рѣчкахъ оказалась оказались очень хорошими. Все дно рѣчекъ состояло изъ кварца, слюдяного сланца и гнейса, и разъ золото есть на самомъ берегу при устьѣ этихъ рѣчекъ, то надо думать, что его еще больше въ верховьяхъ ихъ.

Не обращая вниманія на забастовку большей половины экспедиціи, русскіе продолжали работать на этомъ мѣстѣ два дня, пока ясно не убѣдились, что золото здѣсь дѣйствительно есть, и взяли для промывки въ Петербургѣ нѣсколько пудовъ песковъ.

Робертсу и компаніи надоѣло сидѣть на одномъ мѣстѣ, и они заявили, что требуютъ отвезти ихъ въ К. Номъ и высадить, такъ какъ экспедицію считаютъ оконченной. Карлъ Ив. отвѣтилъ имъ, что онъ въ Кэпъ Номъ не пойдетъ; во первыхъ, потому, что надо еще идти снимать партію Николая и Петрова, нельзя же ихъ бросать на берегу, а во вторыхъ, времени осталось мало, осмотрѣть же надо еще весь южный берегъ полуострова отъ бухты Провидѣнія до рѣки Анадыря, поэтому нельзя тратить время на поѣздку въ Номъ. Американцы говорили, что это посягательство на ихъ свободу, и что они требуютъ у капитана, какъ ихъ согражданина, немедленно доставить ихъ на американскій берегъ.

Карлъ Иван. отвѣтилъ на это, что, какъ члены экспедиціи, они должны подчиняться ея начальнику, и посягательства на

ихъ свободу онъ не видитъ никакого, а капитанъ въ силу контракта также долженъ ему подчиняться.

Тогда американцы умолкли.

Отъ мыса Дежнева мы пришли къ партіи Николая, оставленной подъ мысомъ Новосильцева и сняли ее. Партія работала усердно, забивала шурфы въ 26 четвертей глубины, но золота не нашла. Отсюда мы прошли въ бухту Коньямъ-бсй за партіей Петрова, которая сидѣла на берегу уже около трехъ недѣль.

Золота они также не нашли, хотя втроемъ за это время забили до 30 шурфовъ и нѣкоторые изъ нихъ до 22 четвертей глубины.

Теперь мы собрались всѣ и можно было идти на развѣдки южнаго берега. Оставалось запастись водой, оленями, и почистить машину, которая уже мѣсяцъ была не чищена. Чтобы не потерять ни одного дня, мы перешли въ малый проливъ Сенявина и стали около острова Шурлука, противъ входа въ третью, неописанную еще бухту.

Рабочіе были раздѣлены на три партіи и посланы на берегъ, китайцы также наконецъ уступили и нѣсколько человѣкъ вышли на работу.

Американцы твердо стоятъ на своемъ. Имъ впрочемъ не дурно живется. Пьютъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, для развлеченія ѣздятъ на берегъ поохотиться, погулять, торгуютъ съ чукчами, пользуясь нашимъ отсутствіемъ, и накупили уже нѣсколько ящиковъ шкуръ. Сегодня ѣздили въ селеніе на островѣ Шурлукѣ и Дауленъ промѣнялъ свои ружья, которыя ему были выданы для экспедиціи, на шкуры.

Они очень любезны, заходятъ ко мнѣ въ каюту, разговариваютъ. Особенно Уайтъ. Онъ все время дѣлится со мной своими восторгами отъ окружающей насъ картины.

— Это превосходно, это поразительно красиво, точно въ Швейцаріи! — восклицаетъ онъ.

Вокругъ дѣйствительно очень хорошо, и нѣсколько напоминаетъ швейцарскія озера, хотя, конечно, не въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ.

Теперь у насъ машина вычищена, вода запасена, мясо куплено. Въ 9 часовъ вечера мы снялись съ якоря и потихоньку идемъ проливомъ, чтобы завтра утромъ быть въ бухтѣ Провидѣнія.

ГЛАВА VII.

Нашъ арестъ въ Номѣ.

Мы становимся пиратами — Судъ.

20 августа. Насъ насильно везутъ въ К. Номъ. Вчера мы всѣ спокойно разошлись по каютамъ и заснули, въ надеждѣ проснуться въ бухтѣ Провидѣнія. Просыпаюсь сегодня утромъ и чувствую, что пароходъ идетъ на всѣхъ парахъ. Что это значитъ? Вѣдь, судя по времени, мы должны уже стоять въ бухтѣ. Бросаюсь къ компасу — оказывается идемъ на востокъ. Куда же это? Конечно, въ К. Номъ. Выскакиваю на палубу, вокругъ вода, берега не видно. Такъ и есть, насъ везутъ въ Номъ.

Спускаясь въ каютъ-компанію, встрѣчаю Мягкова.

— Ты знаешь,—говоритъ онъ,—что мы идемъ въ Номъ?

— Знаю, я по компасу увидѣлъ это.

— Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое! Вѣдь это насиліе! Я послѣ этого руки имъ подавать не буду.

Въ это время входитъ Рикаръ.

— Good morning Mr. Miegkoff!

Мягковъ поворачивается къ нему спиной, Рикаръ уходитъ изъ столовой.

Проглотивъ чашку кофе, выхожу на палубу и встрѣчаю Альфреда Марковича.

— Знаете вы, что мы идемъ въ К. Номъ?

— Не можетъ быть?!—изумился онъ и даже глаза протеръ себѣ.

— Я вамъ вѣрно говорю.

— Что же это значитъ?

— А вотъ потомъ увидимъ.

Подходитъ Карлъ Ивановичъ.

— Послѣ перевязки заходите ко мнѣ въ каюту всѣ, и мы обсудимъ наше положеніе.

Собрались всѣ. Мягковъ изъ себя выходитъ.

— Позвольте, Карлъ Ивановичъ, мы силой заставимъ ихъ повернуть, вѣдь сила на нашей сторонѣ, у насъ много ружей и людей.

— Нѣтъ, это невозможно. Они могутъ не испугаться угрозы, и выйдетъ кровопролитіе. Я не сомнѣваюсь, что мы возьмемъ верхъ, но прольется много крови и за это въ отвѣтѣ будемъ мы. Мы должны будемъ завладѣть судномъ, и повѣрьте, что тогда мы будемъ кругомъ виноваты и никто за насъ не заступится. Лучше вытерпѣть сейчасъ обиду и дипломатически окончить это дѣло. Разъ мы правы, то нѣтъ сомнѣнія, мы можемъ съ честью выйти изъ этого непріятнаго положенія.

Альфредъ Марковичъ пошелъ на верхъ пригласить для объясненій капитана, который стоялъ на мостикѣ, окруженный всей оравой американцевъ. Они, оказывается, всю ночь провели тутъ. Капитанъ отвѣтилъ, что не пойдетъ и обернулся къ нему спиной.

Тогда Карлъ Ивановичъ посылаетъ къ нему съ пимьмомъ казака—Jahnsen письма не принимаетъ и отсылаетъ его обратно. Въ каюту является Ляндфильдъ.

— Капитанъ желаетъ говорить съ вами, Карлъ Ивановичъ, у себя въ каютѣ! — говоритъ онъ.

— Я желаю отъ него оффиціальнаго отвѣта черезъ помощника, — отвѣчаетъ Карлъ Ивановичъ. Черезъ нѣсколько минутъ является старшій помощникъ и говоритъ:

— Капитанъ желаетъ говорить съ Богдановичемъ въ своей каютѣ, въ присутствіи Алфр. Марковича и еще одного русскаго свидѣтеля, при чемъ онъ будетъ имѣть также одного свидѣтеля.

— Нѣтъ,—говоритъ Карлъ Ивановичъ, это мнѣ не удобно,— пусть онъ придетъ сюда.

Рейнеръ снова возвращается.

— Капитанъ говоритъ, что отнынѣ не считаетъ васъ начальникомъ экспедиціи, а только пассажиромъ и поэтому, если вы желаете, онъ будетъ говорить съ вами въ его каютѣ.

Дѣлать нечего, сѣли писать актъ о насильственномъ увозѣ насъ съ русскихъ береговъ, — и только что успѣли кончить, являются въ каюту Уайтъ и Рикаръ. На обоихъ лица нѣтъ, Уайтъ прямо дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Чему я обязанъ вашимъ визитомъ? — спрашиваетъ ихъ Карлъ Ивановичъ.

— Мы пришли отъ имени капитана.

— Въ такомъ случаѣ намъ нечего съ вами говорить, капитанъ со мной говорить отказался.

— Если такъ, мы пришли къ вамъ поговорить отъ своего имени.

— Тогда дѣло другое. Садитесь.

— Капитанъ говоритъ, что онъ ѣдетъ въ Номъ, чтобы тамъ американскія власти объяснили ему, кто такой Богдановичъ и какъ онъ долженъ къ нему относиться.

— Во первыхъ, капитанъ знаетъ, что по контракту я хозяинъ судна на время аренды, во вторыхъ, я ему вчера письменно заявилъ, что я русскій чиновникъ, командированный правительствомъ и начальникъ экспедиціи, на что я имѣю оффиціальные документы. Теперь же я считаю себя арестованнымъ и въ этомъ положеніи въ объясненія вступать не могу.

Они удалились, но скоро опять вернулись.

— Капитанъ и мы просимъ, чтобы вы дали слово, что русскіе не сдѣлаютъ никакого насилія. Мы знаемъ русскую дисциплину и вѣримъ въ ваше слово.

— Разъ меня не признаютъ больше начальникомъ, такъ я и не могу отдавать приказанія. Кромѣ того, если бы кто нибудь изъ васъ задѣлъ русскаго, я не могу его лишать возможности вступаться за свои права.

— Все таки капитанъ, какъ хозяинъ судна, проситъ васъ принять мѣры — говоритъ Уайтъ весь бѣлый, какъ снѣгъ, и трясется.

— Я считаю себя плѣнникомъ, и потому никакихъ мѣръ принять не могу. Пусть капитанъ самъ даетъ приказанія, а я отдаю себя въ защиту американскихъ законовъ.

Такъ, ничего не добившись, они и ушли.

Теперь, во избѣжаніе недоразумѣній, я взялъ у рабочихъ ружья и положилъ къ себѣ въ каюту, гдѣ мы и сидимъ, потягивая пиво. Пароходъ идетъ на всѣхъ парахъ, такъ что весь корпусъ дрожитъ. Американцы не покидаютъ мостика, они всѣ вооружены револьверами, младшій помощникъ даже его на поясѣ въ кабурѣ носитъ. Ну, вотъ теперь мы плѣнники. Очевидно, конецъ экспедиціи и начало всякихъ обидъ и огорченій. А сколько мы ихъ вынесли за это время.

21 августа. Кэпъ Номъ. Сижу у себя въ каютѣ и любуюсь на блестящій штыкъ часового—мы попали въ плѣнъ. Это, собственно говоря, недурно для начала 20 столѣтія. Сидимъ мы въ качествѣ захваченныхъ пиратовъ; вотъ ужъ никакъ не ожидалъ попасть въ такое положеніе и получить такой громкій титулъ. Нашъ арестъ произошелъ такимъ образомъ.

Вчера вечеромъ въ 7 часовъ, мы пришли въ Номъ и бросили якорь. Пріѣхалъ докторъ, обошелъ пароходъ и уѣхалъ. Слѣдомъ за нимъ уѣхалъ на берегъ Рейнеръ, черезъ нѣкоторое время онъ вернулся, взялъ какія то бумаги и опять отправился. На пароходъ къ намъ никто не являлся, и никто съ него не сходилъ. Всю ночь американцы не спали, на палубѣ были разставлены часовые матросы, а джентльмэны сидѣли въ капитанской каютѣ. Они и здѣсь еще трусили.

Сегодня утромъ опять ждали кого нибудь изъ таможенныхъ чиновниковъ, но напрасно, и не дождавшись, послѣ обѣда пошли къ стоявшему на рейдѣ правительственному гидрографическому судну; капитанъ торжественно отправился туда, но его приняли на палубѣ, внизъ не пригласили. Онъ показывалъ какую то бумагу, но очевидно ничего не добился, такъ какъ вернулся ни съ чѣмъ на „Самоа“, а гидрографическое судно повернулось и ушло.

Тогда онъ направилъ „Самоа“ къ американскому лагерю, находящемуся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нома, а самъ на шлюпкѣ съ Робертсомъ отправился на берегъ. Я легъ отдохнуть и, проснувшись, выглядываю въ окошко. Смотрю, къ борту причаливаетъ шлюпка съ десятью солдатами и офицеромъ; солдаты выходятъ на палубу, заряжаютъ ружья и примыкаютъ штыки. Недурно для начала.

За ними съ капитаномъ причаливаетъ старенькій сѣдой офи-

церъ въ рыжей брезентовой курткѣ, проходитъ въ каюту капитана и приглашаетъ туда Карла Ивановича и Алфр. Марк. Офицеръ — здѣшній воинскій начальникъ, майоръ.

— Зачѣмъ на „Самоа“ находятся вооруженные русскіе солдаты?—спрашиваетъ онъ Карлъ Ивановича.

— Солдаты даны намъ русскимъ правительствомъ для охраны интересовъ русской экспедиціи, а сюда насъ всѣхъ привезли насильно, — отвѣчаетъ Карлъ Ивановичъ.

— Почему же вы, капитанъ, безъ разрѣшенія Богдановича ушли съ русскаго берега?

— Мнѣ письменно сообщили Робертсъ, Ляндфильдъ, Пикаръ и Скрентонъ, что они боятся за свою безопасность и требуютъ немедленно же отвезти ихъ въ Номъ. Одинъ изъ русскихъ рабочихъ, говорящій по англійски, сообщалъ, что русскіе хотятъ завладѣть судномъ уйдя къ Анадырю, а американцевъ выбросить на берегъ. Поэтому я немедленно же пришелъ сюда.

— Я долженъ доставить солдатъ на русское военное судно „Якутъ“, которое скоро придетъ въ Indian Point и потому прошу приказать капитану везти меня обратно — говоритъ Карлъ Ивановичъ.

— Дѣйствительно, солдатъ нужно доставить, — согласился майоръ.

Капитанъ наотрѣзъ отказался.

— Я пойду только въ томъ случаѣ, если мнѣ дадутъ 8 человѣкъ солдатъ для охраны или меня будетъ провожать военное судно.

— Я бы могъ рѣшить это дѣло самъ, но я предпочитаю посовѣтоваться съ гражданскими властями — закончилъ майоръ и уѣхалъ.

Къ вечеру подошло военное судно, съ него сошли два офицера, понюхали и ушли, сказавъ, что завтра вернутся. Судно ушло.

Американцы спустили катеръ и отправились на немъ въ городъ, а мы остались подъ карауломъ. Положеніе непривычное: куда ни оглянись, видишь вездѣ штыки.

Вечеромъ Мягковъ пошелъ въ людское помѣщеніе, отобралъ у всѣхъ нашихъ патроны, и съ мѣшкомъ въ рукахъ возвращается на ютъ; вдругъ передъ его глазами что-то блестнуло, и

въ грудь ему уперся штыкъ. Часовой крикнулъ, выскочили солдаты и окружили Мягкова.

— Что это значитъ? Карлъ Ивановичъ, пойдите сюда!— закричалъ Мягковъ.

Всѣ вышли на палубу. Дѣло объяснилось и Мягкова пропустили. Оказалось, майоръ отдалъ приказанiе на ночь прекратить сообщенiе между ютомъ и бакомъ, и кромѣ того запретилъ намъ спускаться въ каютъ-кампанiю по палубной, а непремѣнно по внутренней лѣстницѣ. Такимъ образомъ, мы лишены свободы гулять на своемъ суднѣ, и это дѣлается въ странѣ свободы. Достаточно какимъ нибудь проходимцамъ, какъ Ляндфильдъ или Скрентонъ, сказать слово и цѣлыхъ тридцать иностранцевъ задерживаютъ и ставятъ подъ караулъ.

22 августа. Сегодня Карлъ Ивановичъ послалъ майору письмо, въ которомъ проситъ разъяснить, для чего собственно поставлены къ намъ на судно солдаты и когда ихъ снимутъ.

Тотъ отвѣтилъ, что солдаты стоятъ для соблюденiя порядка, и что русскiе не должны себя считать арестованными, такъ какъ намъ предоставляется полная свобода, когда угодно сходить на берегъ, и что онъ даже приглашаетъ насъ къ нему на чай въ лагерь.

За любезное приглашенiе его поблагодарили, но никакъ не могли согласиться, что мы совершенно свободны. Вечеромъ нельзя гулять, нельзя говорить съ рабочими, днемъ все время по пароходу разгуливаютъ солдаты съ ружьями, даже въ уборную ходятъ съ ружьемъ. Сидятъ въ каютъ-кампанiи, пьютъ пиво, вино, ѣдятъ, и тутъ же на полу спятъ. Вечеромъ прiѣхала жена нашего молодого офицера и поселилась также у насъ на пароходѣ, но ее тотчасъ же укачало, хотя и волненiя-то не было никакого.

— Ну, не хотѣла бы я плавать на вашемъ суднѣ, — говорила она.

Дѣйствительно, удовольствiе во всѣхъ отношенiяхъ ниже средняго.

Получили газету. Появилась статья и о насъ.

— „30 русскихъ свирѣпыхъ казаковъ взяты въ плѣнъ семью храбрыми американцами", таково было заглавiе напечатанное крупными буквами.

„Русскiе казаки, говорилось въ этой статьѣ, въ количествѣ

30 человѣкъ, во главѣ съ Дуденедичемъ (такъ переврали его фамилію), хотѣли завести судно „Самоа" въ глубь Сибири и тамъ перебить американцевъ или бросить ихъ на пустынномъ берегу, и завладѣть судномъ.

Американцы, подслушавши заговоръ, стали ждать удобнаго случая и такой представился.

Однажды ночью, когда русскіе всѣ спали, американцы заняли всѣ лучшіе стратегическіе пункты, вооружились револьверами и повернули судно къ Ному. Русскіе, проснувшись на другой день и замѣтивши измѣненія курса, пришли въ ярость. Но семь вооруженныхъ храбрыхъ американцевъ съумѣли водворить порядокъ среди тридцати казаковъ и принудили ихъ повиноваться. А теперь судно „Самоа" находится подъ арестомъ и ожидается судъ надъ казаками".

Такимъ образомъ мы стали пиратами, взятыми въ плѣнъ. Дѣйствія же американцевъ страшно восхваляются. Все это привело къ тому, что матросы „Самоа" почувствовали себя полными хозяевами: полетѣли въ воду ящики, бочата, папуши черкасскаго табаку, чучела птицъ, набитыя мною. Просто, сердце кровью обливается, глядя на это. Капитанъ преспокойно распоряжается катеромъ, онъ успѣлъ уже разбить форштевень и ободрать борта.

На вопросъ Карла Ивановича, какое онъ имѣетъ право распоряжаться чужой собственностью, онъ отвѣтилъ, что катеръ записанъ въ инвентарь судна и потому онъ считаетъ его судовой собственностью. Майоръ отказался разбирать это дѣло. Такимъ образомъ имущество наше уже разграбляется, никто не хочетъ войти въ наше положеніе и насъ же еще держатъ подъ арестомъ.

25 августа. Три дня пробыли у насъ на суднѣ солдаты. Наконецъ пришелъ „Mining", военное судно. Майоръ отправился вмѣстѣ съ Jahnsen'омъ къ капитану „Mining'a", и они трое рѣшили это дѣло. Къ нашему несчастію, капитанъ „Mining'a", хорошій знакомый Jahnsen'a и тоже масонъ. Рѣшеніе ихъ майоръ передалъ Карлу Ивановичу. Оно было таково:

Капитанъ Jahnsen отвезетъ матросовъ, казаковъ и рабочихъ къ „Якуту" на нашъ берегъ, затѣмъ вернется обратно въ Номъ, и взявъ насъ пойдетъ въ С.-Франциско.

Такимъ рѣшеніемъ, конечно, нельзя было удовольствоваться,

и Карлъ Ивановичъ рѣшилъ передать дѣло таможенному начальству.

Вчера сняли съ „Самоа" солдатъ, а судно передвинули въ коммерческій рейдъ, и поставили на якорь между двумя военными судами.

Оглянешься направо—пушки смотрятъ прямо на тебя, налѣво—тоже пушки. Очень пріятно, прогуливаясь по палубѣ, чувствовать, что находишься подъ такой надежной охраной.

Сегодня утромъ Альфредъ Марковичъ отправился въ Номъ съ заявленіемъ Карла Ивановича таможенному начальству. Тамъ его принялъ начальникъ таможни полковникъ Эвенсъ и помощникъ его капитанъ Джарвезъ, старый морякъ, бывшій прежде командиромъ крейсера „Беръ". Когда Альфредъ Марковичъ объяснилъ въ чемъ дѣло, они очень заинтересовались этимъ и были возмущены поведеніемъ военнаго начальства. Джарвезъ пріѣхалъ къ намъ на „Самоа" и говорилъ съ Карломъ Ивановичемъ, затѣмъ они втроемъ уѣхали къ Эвенсу.

Ночью, около 12 часовъ, мы наблюдали сѣверное сіяніе. Вахтенный казакъ прибѣжалъ ко мнѣ и говоритъ:

— Зарево видно надъ городомъ.

Вышелъ я на палубу. Надъ городомъ, на сѣверѣ, видѣнъ былъ голубоватый фосфорическій свѣтъ; свѣтъ становился ярче и ярче. Образовалась цѣлая дуга, захватившая четверть окружности горизонта, отъ нея кверху пошли лучи; затѣмъ внизу стала образовываться еще дуга, и въ такомъ видѣ явленіе продолжалось около часа. Свѣтъ былъ довольно сильный, голубоватый, слегка мигающій, какъ бы дымящійся, какъ въ темнотѣ свѣтится мокрая фосфорная спичка. Подъ конецъ на дугахъ образовались перерывы и свѣтъ сталъ исчезать.

27 августа. Страшный штормъ. Барометръ все падаетъ. Небо заволокло туманомъ, сѣрой занавѣской, закрывшимъ отъ насъ городъ; море кипитъ и съ глухимъ шумомъ гонитъ огромные валы съ бѣлыми гребнями. Качаетъ насъ сильно, да и другимъ судамъ достается не меньше нашего. Вотъ передъ нами протащило вѣтромъ какой-то бѣлый пароходъ, похожій на ноевъ ковчегъ. Якорь у него не забралъ и его дрейфовало, поворачивая то бокомъ, то носомъ къ волнѣ. А теперь вотъ еще одинъ дрейфуетъ. Вѣтеръ все крѣпнетъ и крѣпнетъ. Этотъ неумол-

кающій свистъ и ревъ бури, этотъ туманъ, сырость, качка, все это приводитъ въ страшное уныніе, ничего не хочется дѣлать.

Вотъ уже недѣлю мы стоимъ у Нома.

Вчера Карлъ Ивановичъ и Альфредъ Марковичъ утромъ уѣхали на берегъ и вернулись въ шестомъ часу вечера.

Было засѣданіе, гдѣ кромѣ нихъ присутствовалъ Робертсъ со своимъ адвокатомъ, Jahnsen, Рикаръ и Ляндфильдъ. Кто могъ ожидать, что Рикаръ, котораго, единственнаго изъ всей компаніи, мы считали болѣе порядочнымъ человѣкомъ, теперь подучивалъ адвоката. Адвокатъ вначалѣ собранія такъ сбивалъ капитана своими разспросами, что тотъ наговорилъ всякой ерунды настолько, что Эвансъ и Джарвезъ хотѣли было уже дать резолюцію.

Въ это-то время адвокатъ и говоритъ:

— Это дѣло выходитъ изъ вашей компетенціи, и рѣшать вы его не имѣете права.

Тѣ окончательно растерялись, да и было отъ чего. Очевидно было всѣмъ, что Jahnsen мерзавецъ и сдѣлалъ гадость, но наказать его и заставить исполнять свои обязанности они не могутъ. А чего ужъ онъ не вралъ только; про меня сказалъ, что я ему на мостикѣ угрожалъ топоромъ; про Николая, что тотъ хотѣлъ зарубить Скрентона; что Робертсъ заявлялъ ему, если онъ не повернетъ судно, то выйдутъ непріятности, тогда онъ, Робертсъ, возьметъ власть въ свои руки и убьетъ Богдановича. Это все было записано въ протоколъ.

Вообще много кое чего наговорилъ; такъ вчера и не разобрали, оставили до нынѣшняго дня, а нынче какъ разъ штормъ и ѣхать на берегъ невозможно.

Вчера я прочиталъ въ газетѣ, что 25-го было засѣданіе на „Mining'ѣ“, гдѣ были всѣ американцы и ни одного русскаго. На этомъ засѣданіи было рѣшено, что Jahnsen правъ. Не дурное засѣданіе: спрашиваютъ только одну сторону и рѣшаютъ въ ея пользу.

Эвенсъ и Джарвезъ вчера признали это засѣданіе не законнымъ и рѣшеніе отмѣнили. Жаль, что сегодня штормъ, а то бы дѣло навѣрное подвинулось впередъ.

Забылъ сказать, что къ намъ пріѣзжалъ нѣкто Подгурскій, или графъ Подгурскій, какъ его здѣсь величаютъ. Сначала онъ

въ письмѣ предлагалъ свои услуги, затѣмъ самъ пріѣзжалъ, долго говорилъ съ нами, возмущался поведеніемъ нашихъ американцевъ и, наконецъ, закончилъ такъ:

— А знаете, все-таки лучше, Карлъ Ивановичъ, если вы помиритесь съ американцами и не будете начинать дѣла. Я увѣренъ, что вамъ же будетъ плохо. Однимъ словомъ, мнѣ показалось, что онъ посланъ Робертсомъ и компаніей для переговоровъ съ Карломъ Ивановичемъ.

Не дурны здѣсь цѣны: Альфредъ Марковичъ заплатилъ за шлюпку отъ берега на пароходъ и обратно 11 долларовъ т. е. 22 рубля за какой нибудь часъ работы.

Нравы здѣсь тоже не дурны: разсказываютъ слѣдующій случай; къ одному джентльмену ночью залѣзъ другой; спящій проснулся.

Тогда незванный гость вынимаетъ револьверъ и говоритъ хозяину.

— Не безпокойтесь, джентльменъ, лежите смирно, я васъ не трону.

Тому оставалось лежать, пока гость не забралъ часы, деньги и удалился.

Обокраденный всталъ, подошелъ къ окну и замѣтилъ, что воръ вошелъ въ одинъ изъ кабачковъ. Тогда онъ сунулъ револьверъ въ карманъ, вошелъ въ этотъ кабакъ, увидѣлъ у стойки вора и, приставивъ ему къ головѣ револьверъ, сказалъ такъ же любезно:

— Не безпокойтесь, джентльменъ, стойте смирно и подождите, пока придетъ полиція.

Полиція пришла, грабитель былъ арестованъ въ 5 час. утра. Засѣданіе суда было въ этотъ же вечеръ и въ девять часовъ ему вынесли вердиктъ: каторжныя работы на 10 лѣтъ.

Вотъ какіе здѣсь нравы и обычаи.

29 августа. Наконецъ-то мы освобождены отъ плѣна; не мало пришлось вытерпѣть разныхъ непріятностей. Теперь, конечно, экспедиція сорвана, и мы жаждемъ только скорѣе пересѣсть на „Якутъ". Сегодня утромъ, наконецъ, рѣшили, какъ съ нами быть.

Всѣхъ нашихъ компаньоновъ американцевъ высадили на берегъ, а къ намъ сѣлъ для наблюденія за порядкомъ старикъ

полковникъ Эвенсъ. Жаль, что не Джарвезъ, тотъ былъ и умнѣе и энергичнѣе, а этотъ хотя и воспитанный, вѣжливый, но уже разслабленный, изъ ума выживающій старикашка. Онъ уже сдѣлалъ было одну нетактичность. Передъ самымъ нашимъ отходомъ, Джарвезъ видитъ его съ двумя дамами.

— Куда это вы собрались, полковникъ? — спрашиваетъ онъ.

— Да вотъ хочу сдѣлать удовольствіе дамамъ, прокатиться на берегъ Сибири.

Большого труда стоило Джарвезу объяснить, что въ такомъ положеніи крайне неудобно ему ѣхать съ дамими. Вышли мы въ 6 час. вечера. Капитанъ сейчасъ же сталъ фамильяренъ съ Эвенсомъ, и они уже пьютъ въ его каютѣ шампанское. Эвенсъ раскланивается и по дѣтски улыбается, и, какъ говоритъ Карлъ Ивановичъ, все свое вниманіе направляетъ на то, какъ бы у него не выпала изо рта челюсть.

Капитанъ Jahnsen, какъ и слѣдовало ожидать, сегодня утромъ явился къ Карлу Ивановичу, покаялся, ругалъ американцевъ за то, что они его подвели, а затѣмъ отказались отъ него, говорилъ, что Богдановичъ самый порядочный человѣкъ, самый умный и деликатный во всей Америкѣ, и если ему скажутъ идти въ Анадырь или въ заливъ Креста, онъ пойдетъ, куда угодно, только бы не считали контрактъ нарушеннымъ. Меня онъ тоже расхваливалъ Эвенсу. Къ вечеру уже совсѣмъ намасонился.

За нами вдали слѣдуетъ дымокъ. Издали можно разсмотрѣть въ бинокль, что идетъ военное судно. Все таки не оставили безъ провожатыхъ.

ГЛАВА VIII.

Освобожденіе изъ плѣна.

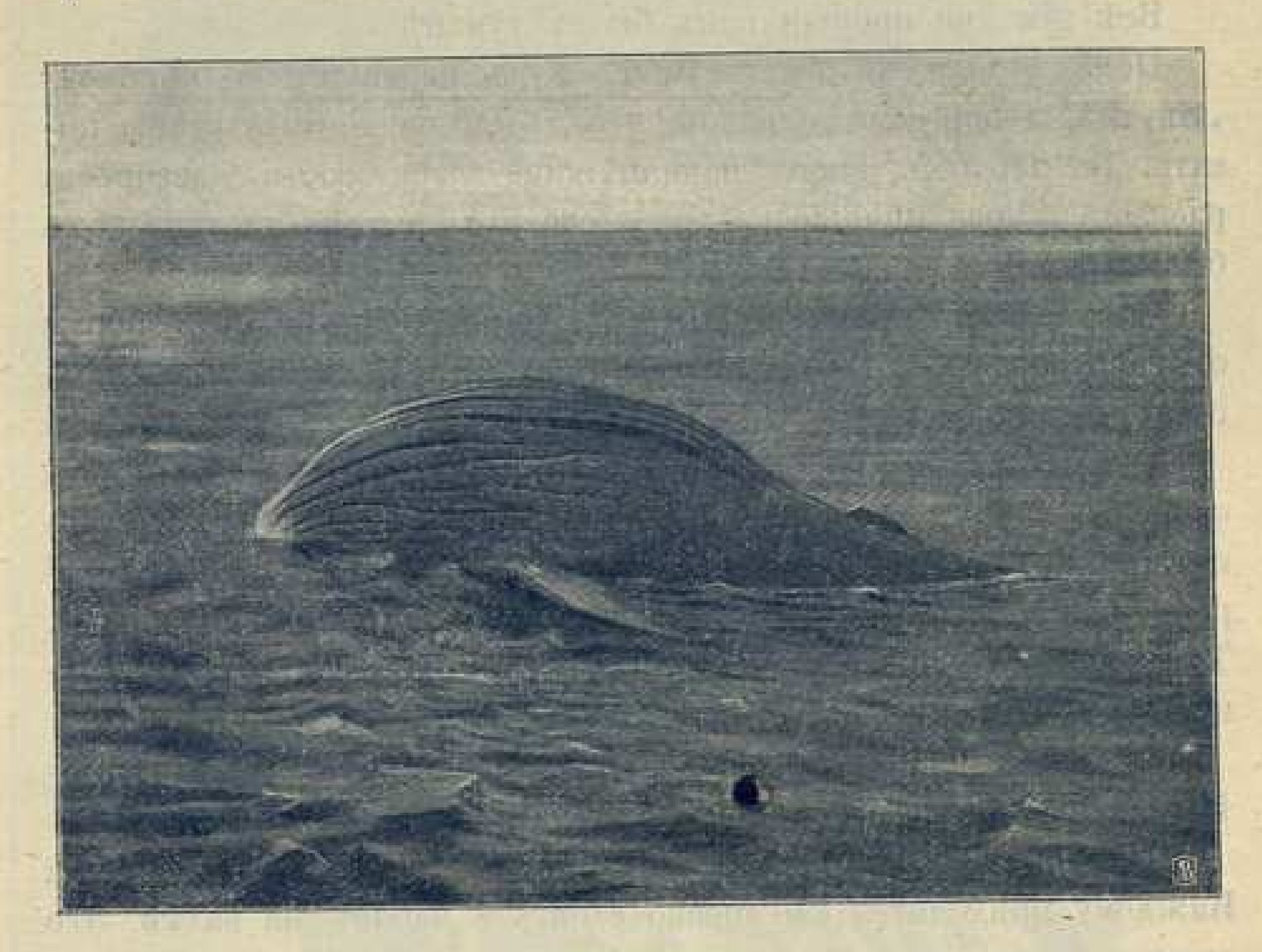
Возвращеніе къ русскимъ берегамъ. — Конецъ экспедиціи. — На военномъ транспортѣ «Якутѣ». — Петропавловскъ на Камчаткѣ.

31 августа. Вотъ мы и у себя въ Россіи, хотя и ничего нѣтъ похожаго на нашу Европейскую Россію. Дико и пустынно кругомъ, но эта мертвая тишина, эти голыя скалы, какъ-то милѣе

того шума, который висит надъ Номомъ, шума толпы разныхъ проходимцевъ, бродягъ, жуликовъ, искателей легкой наживы.

Вчера къ вечеру мы пришли въ Indian Point, сошли на берегъ, купили кое что. Подарили Эвенсу куклянку изъ птичьихъ шкурокъ и моржовые клыки, онъ радовался какъ дитя. Я ему далъ нѣсколько фотографій Чукотскаго полуострова и онъ аккуратно сложилъ ихъ и сказалъ, что отвезетъ своей дочкѣ.

Сегодня мы стоимъ въ бухтѣ Пловеръ. Проснулись поздно, прибѣжалъ Мягковъ.

Мертвый китъ.

— Хочешь ѣхать на Оленную рѣку?

— Конечно хочу, потому что послѣ десятидневнаго ареста на суднѣ, у меня и ноги какъ будто закаменѣли. Кромѣ того и скука страшная, дѣла никакого нѣтъ. Коллекціи свои, которыя сохранились отъ разграбленія, я уже запаковалъ, уложилъ и аптеку. Лемашевскій уже почти здоровъ, на рукѣ остаются только три небольшія ранки.

Я одѣлся, взялъ ружье и сѣлъ на катеръ. Какъ пріятно

было видѣть, что съ нами не было ни одного американца. Сѣлъ только Эвенсъ, но онъ такъ мило просилъ позволенія свезти его на берегъ, чтобы набрать сибирскихъ цвѣточковъ для своей дочки, и такъ дѣтски радовался всему, что производилъ только хорошее впечатлѣніе. Цѣлый день мы пробродили по долинѣ Оленной рѣки и только поздно вечеромъ, уставшіе вернулись на пароходъ.

30 августа. Мы плывемъ по Берингову морю на „Якутѣ" и приближаемся уже къ Петропавловску.

Всѣ эти дни прошли какъ бы въ туманѣ.

Пока стояли въ бухтѣ Эмма, куда перешли по прибытіи „Якута", и пересаживались на него, было не до того, чтобы писать. Во первыхъ, снова начали наше дѣло, снова разспросы, расказы, снова пришлось, такъ сказать, рыться въ грязномъ бѣльѣ, а потомъ перевозка вещей.

Какъ только пришелъ „Якутъ", Карлъ Ивановичъ въ формѣ отправился на него и оффиціально заявилъ Н—му о происшедшихъ непріятностяхъ.

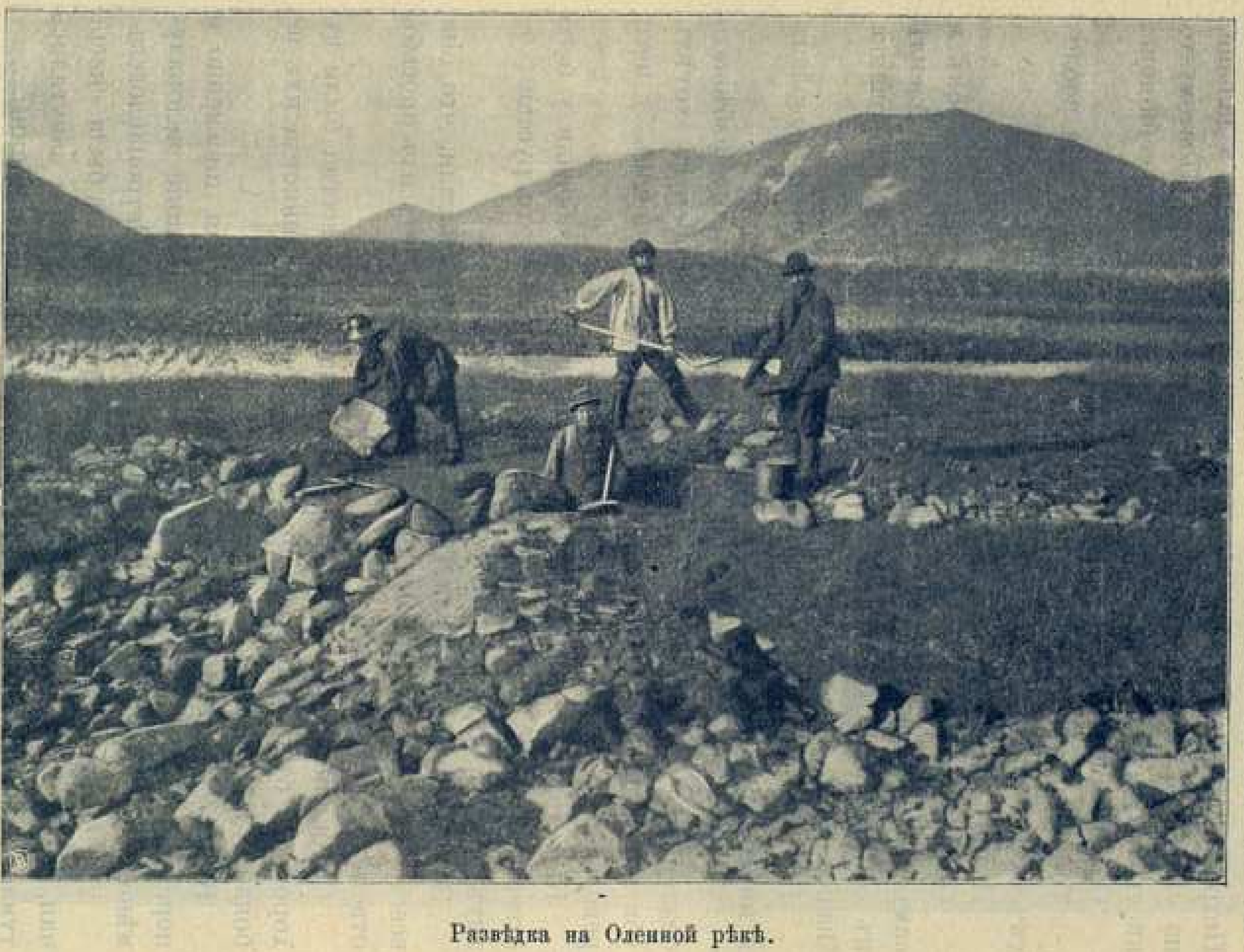
Тотъ былъ возмущенъ и напуганъ, и больше кажется второе; офицеры также. И раньше имъ было непріятно идти изъ Петропавловска на Чукотскій полуостровъ, а узнавъ, что имъ еще разъ надо сдѣлать такую прогулку, они страшно бранились. Тутъ уже еще приходится разбирать столкновенія и непріятности.

Во первыхъ, они и не особенные охотники до дальнихъ поѣздокъ, да и не легко онѣ имъ достаются.

На „Якутѣ", напримѣръ, только три вахтенныхъ офицера. Каждому приходится ежедневно стоять 8 часовъ на вахтѣ. Это очень утомительно.

А представьте себѣ, если бы пришлось арестовать какое нибудь хищническое судно. Чтобы они стали дѣлать? Надо ставить свою команду и офицеровъ, а офицеровъ нѣтъ. Не можетъ же одинъ или даже двое вести судно. У насъ на „Самоа" было трое, такъ какъ самъ капитанъ днемъ стоялъ на вахтѣ, и то они страшно уставали, поэтому нашему судну вовсе не разсчетъ ловить хищниковъ.

Что они съ нимъ могутъ сдѣлать, развѣ взять бумаги? А оно уйдетъ, и затѣмъ, гдѣ нибудь въ дальнемъ иностранномъ порту,

Развѣдка на Оленьей рѣкѣ.

перекрасится, перемѣнитъ названіе, и опять пойдетъ, куда угодно. Однимъ словомъ, охраны нашихъ береговъ и русскихъ интересовъ на сѣверѣ фактически не существуетъ. Посылаютъ до Петропавловска одинъ маленькій военный транспортъ, а дальше, на сѣверъ заглядываютъ разъ въ нѣсколько лѣтъ. Поэтому-то иностранцы чувствуютъ въ нашихъ сѣверныхъ берегахъ себя дома.

Сравните съ Соединенными Штатами.

Тамъ и военныя суда, и таможенныя геодезическія и зоологическія. Вотъ это охрана.

И такъ Н—ій принялся за разборъ нашего дѣла.

Онъ составилъ коммиссію изъ двухъ старшихъ офицеровъ и самъ былъ предсѣдателемъ. На другой же день, онъ пригласилъ къ себѣ Jahnsen'а и въ качествѣ свидѣтеля допроса полковника Эвенса.

Jahnsen показалъ, что русскими онъ всегда былъ доволенъ и ничего дурного отъ нихъ не видалъ.

Уѣхалъ онъ въ Номъ по необходимости, чтобы избѣжать безпорядковъ на суднѣ. Дѣло въ томъ, что Робертсъ хотѣлъ убить Богдановича, и онъ, Jahnsen, два раза отнималъ у него револьверъ.

Кромѣ того, команда и члены экспедиціи потребовали у него отвести ихъ въ Номъ, такъ какъ прослышали, что русскіе хотятъ завести ихъ въ глубь страны и тамъ убить.

Затѣмъ вызваны были Рейнеръ и Хине, и показали, что они всегда были довольны русскими и что капитанъ безъ ихъ просьбъ отвелъ судно въ Номъ.

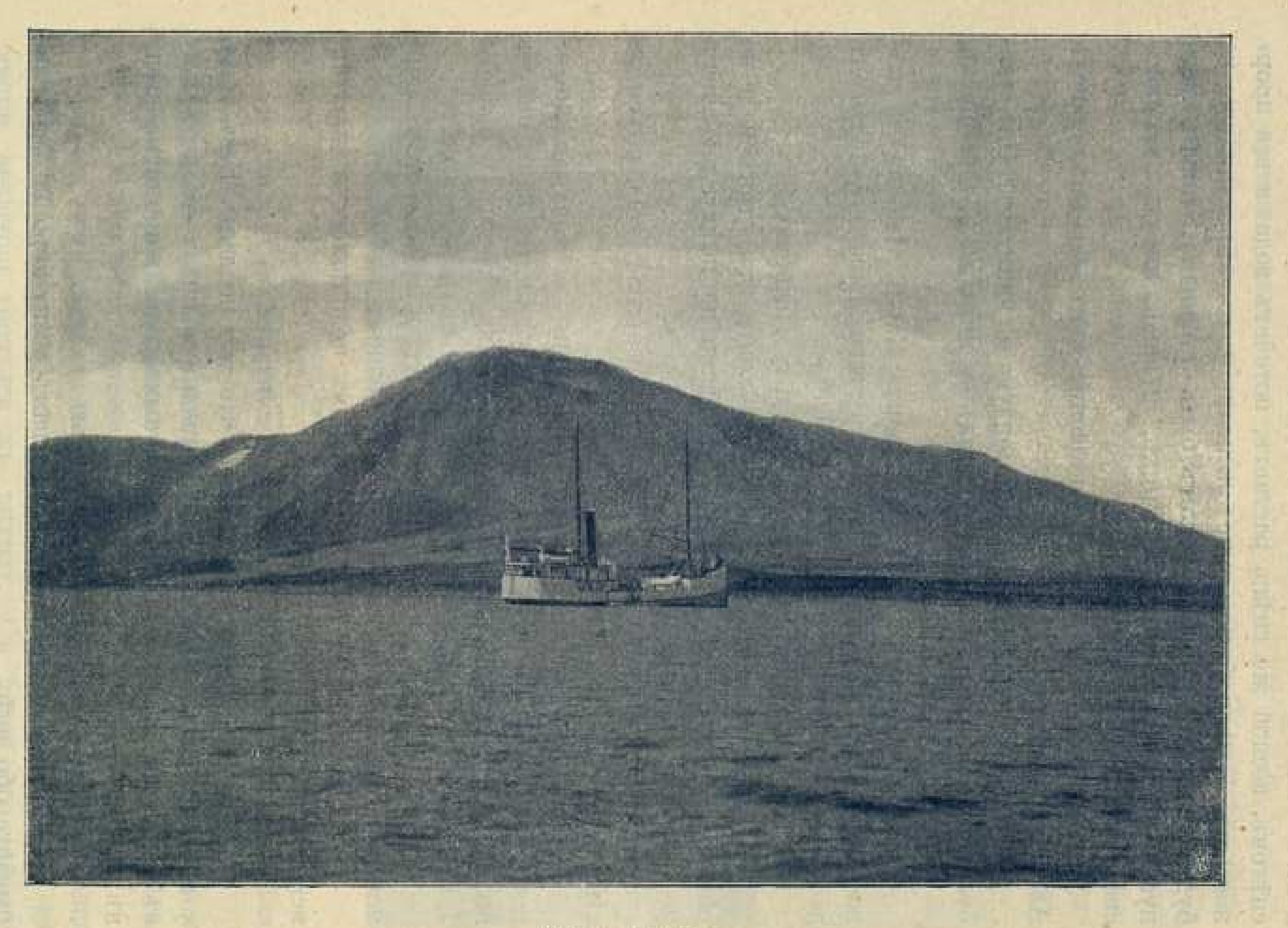
Спрошенные матросы „Samoa" показали, что всегда были въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскими рабочими и никогда ихъ не боялись.

Коммиссія рѣшила снять здѣсь всѣ показанія письменно и передать по начальству, а насъ всѣхъ, во избѣжаніе недоразумѣній, перевести на „Якутъ", для доставки въ Петропавловскъ.

26-го сентября мы пересѣли на „Якутъ". Погода была скверная, лилъ дождь, дулъ очень свѣжій вѣтеръ, горы закутались туманомъ. Въ ночь былъ морозъ и образовались закраины.

Передъ обѣдомъ вернулись съ берега рабочіе, строившіе намъ баракъ, въ который и сложили всѣ ненужные уже инструменты.

Жалко видѣть, какъ бросаются вещи стоившія, огромныхъ

Судно «Самоа»

денегъ. Повалитъ снѣгъ, завоетъ буря, и занесетъ этотъ баракъ снѣгомъ, весной же снѣгъ растаетъ, потечетъ вода и все проржавѣетъ. Если и будетъ еще экспедиція, то эти вещи уже не будутъ годны. Впрочемъ, можетъ быть команда „Samoa", вернувшись въ Номъ, скажетъ о нихъ, и какая нибудь американская шкуна заберетъ ихъ.

Я собиралъ свои послѣднія вещи, какъ ко мнѣ вошелъ Альфр. Марковичъ.

— Знаете, еще какую штуку придумалъ капитанъ? Онъ требуетъ, чтобы Карлъ Ивановичъ ѣхалъ съ нимъ въ С.-Франциско.

— Это зачѣмъ еще?

— Онъ говоритъ, что по контракту Карлъ Ивановичъ долженъ снабдить пароходъ провизіей и углемъ, поэтому пусть онъ даетъ денегъ, или остается на „Самоа".

— Ну, и что же ему отвѣтилъ Карлъ Ивановичъ?

— Сами, говоритъ, вы нарушили контрактъ, такъ и я не обязанъ его исполнять. Ни самъ съ вами не поѣду, ни денегъ не дамъ.

— А капитанъ ворчитъ, „поѣду, говоритъ, жаловаться на „Якутъ".

— Эвенсъ плачетъ, видитъ, что штормъ начинается: „потонемъ мы, говоритъ, съ этимъ пьяницей, удержите какъ нибудь его хоть до завтра. „Жалко мнѣ старика, да развѣ пьянаго Jahnsen'а кто уговоритъ? Онъ ужъ пары велѣлъ разводить".

Иду я по палубѣ, навстрѣчу капитанъ, и еле на ногахъ держится. Схватываетъ меня за руку и говоритъ:

— Я васъ всегда считалъ хорошимъ человѣкомъ и джентльменомъ.

— А Робертса и Уайта за кого считаете?

— Теперь, говоритъ, я узналъ, что это подлецы. Безъ нихъ у насъ все было бы хорошо. Теперь я ихъ ни за что не возьму въ Номѣ на судно, а наберу платныхъ пассажировъ и поѣду въ С.-Франциско.

— Это хорошо было бы — говорю.

— Прощайте, докторъ, желаю вамъ всего хорошаго. Не забывайте обо мнѣ.

За нимъ подходитъ Рейнеръ

— Прощайте, Рейнеръ.

Жметъ онъ мнѣ руку, а у самого нижняя губа дрожитъ, и глаза мутными стали.

— Не думайте, докторъ, обо мнѣ плохо. — Я человѣкъ подневольный и долженъ былъ подчиняться капитану. А я всегда считалъ васъ за хорошихъ людей и уважалъ. За это каждый день я терпѣлъ насмѣшки отъ партіи Робертса. Я не могъ поговорить съ вами, чтобы не видѣть потомъ ихъ косыхъ взглядовъ. Прощайте!—и онъ смущенно, какъ-то сгорбившись, ушелъ.

Камчатскіе казаки на «Самоа».

Жалко мнѣ было этого единственнаго симпатичнаго изъ всѣхъ нихъ человѣка.

Приказали подать шлюпку, положили послѣдній багажъ и отправились съ Мягковымъ на „Якутъ". Вѣтеръ все крѣпчалъ, въ бухтѣ поднялось волненіе и грести уже было трудно.

Черезъ часъ пріѣхали и остальные. Вслѣдъ за этимъ раздался протяжный, жалобный свистокъ „Самоа", и онъ, снявшись съ якоря, медленно тронулся къ выходу. Съ борта его неслись крики, американцы махали шляпами, платками, наши рабочіе отвѣчали имъ тѣмъ же. Да и отчего имъ было не отвѣчать?

Они не спорили, не ссорились съ матросами „Самоа“, два послѣдніе дня даже вмѣстѣ пили и напились, конечно вдребезги. Наши русскіе подрались, какъ полагается, между собой, но на утро опять дружно выпивали.

Немного страшно становится за „Самоа“. Баласту мало, а въ открытомъ морѣ страшный штормъ.

26 августа мы вышли изъ Бухты Эмма и скоро берега Чукотскаго полуострова скрылись изъ глазъ. Какъ-то грустно стало. Есть что-то привлекательное въ этой тишинѣ, дикости.

Плаваніе наше было скучное, все время волненіе было довольно сильное. Занятій никакихъ, пробовалъ заниматься фотографіей, но помѣщеніе для нея такое низкое и душное, что при качкѣ совсѣмъ не мыслимо сидѣть, да и старшимъ офицерамъ это почему-то не нравится. Хорошо еще, что есть книги, лежу и читаю цѣлые дни. По вечерамъ играемъ въ домино; по очереди ходимъ завтракать и обѣдать къ командиру.

Такъ и проходятъ день за днемъ. Вахтенные офицеры всегда усталые; разговоры не вяжутся.

Странно видѣть, какъ много предразсудковъ у нашихъ офицеровъ. Напримѣръ, свистѣть нельзя, потому что погода портится,—есть такая примѣта, царапать ногтями по столу то же нельзя, по этой же причинѣ. А спросить, когда мы придемъ въ Петропавловскъ, это уже прямо преступленіе, всѣ сейчасъ же нахмурятся.

— Это зависитъ отъ того, какая будетъ погода.

— Ну, положимъ, что и погода и вѣтеръ будутъ благопріятны.

— Ахъ, перестаньте пожалуйста, тутъ такая масса побочныхъ обстоятельствъ.

Видишь, что трусятъ отвѣтить, и не спрашиваешь. Разговоры ведутъ исключительно о судовой жизни, разговоры самые не интересные, или мѣняются воспоминаніями изъ своей жизни.

Вообще скучно и монотонно. Такъ какъ офицеры сами по себѣ добрые и сильные люди, то себя всетаки чувствуешь гораздо легче, чѣмъ на „Самоа“.

31 августа. Петропавловскъ на Камчаткѣ.

Утромъ мы увидали очертанія камчатскихъ береговъ, выглянувшихъ изъ тумана. Прямо передъ нами возвышалась покрытая

снѣгомъ Поворотная сопка, лѣвѣе поднимался правильный бѣлый конусъ Вилючинской сопки. Чѣмъ ближе мы подходили къ Аванчинской губѣ, тѣмъ туманъ становился все рѣже, и наконецъ остался сѣрой стѣной сзади насъ, а надъ нами на ясномъ голубомъ небѣ заблестѣло солнце и освѣтило чудную панораму.

Обширная бухта, въ которой могли бы помѣститься суда всего міра, окружена кольцами высокихъ горъ, покрытыхъ яркой зеленью лѣса и желтѣющей травой, а сзади этихъ горъ гигантскіе конусообразные вулканы, сверкая бѣлымъ снѣжнымъ одѣяньемъ, вытянулись во весь ростъ и смотрятъ съ голубого неба на залитую яркими лучами солнца изумрудную воду бухты и привѣтливую зелень лѣсовъ.

На суднѣ всѣ какъ будто ожили, проснулись отъ тяжелаго сна. Какъ хорошо все здѣсь въ сравненіи съ мертвой холодной природой чукотскаго полуострова. Сколько здѣсь жизни!

Послѣ обѣда мы вошли въ Петропавловскую бухту и бросили якорь около Сигнальнаго мыса. Сейчасъ же пріѣхали къ намъ помощникъ начальника округа, учитель, смотритель маяка и привезли газеты. Всѣ съ жадностью схватили по номеру. Сколько новаго было тамъ!

Война съ Китаемъ въ разгарѣ, вотъ уже и ея жертвы: убито нѣсколько товарищей нашихъ офицеровъ, между фамиліями убитыхъ встрѣчаю моего земляка полковника Антюкова. Какъ грустно становится отъ этихъ извѣстій.

Война еще въ началѣ и сколько уже жертвъ, а что будетъ дальше. Возстаніе захватываетъ весь Китай, и соединеннымъ силамъ придется драться не съ одними войсками, а съ населеніемъ Китая. Это уже народная война. Въ южной Африкѣ до сихъ поръ идетъ такая война, и огромная англійская армія не можетъ справиться съ горстью буровъ, рѣшившихъ положить жизнь за свою свободу. На Филлипинахъ американцы до сихъ поръ не могутъ все привести въ порядокъ. — Что же будетъ, если сотни милліоновъ китайцевъ будутъ такъ же горячо и страстно отстаивать свою свободу. И если поднимается нѣкоторое озлобленіе противъ китайцевъ за ихъ звѣрства, то съ другой стороны не можешь не признать, что всякій въ правѣ защищать свой домъ отъ непрошенныхъ гостей.

Карлъ Ивановичъ съ женой съѣхалъ на берегъ, а мы были

приглашены нашими милыми хозяевами-офицерами, остаться до прихода какого-нибудь судна на „Якутѣ“, такъ какъ квартиру найти въ Петропавловскѣ почти невозможно. Вечеромъ въ каютъ-кампаніи велся самый оживленный разговоръ; подъ вліяніемъ новыхъ, острыхъ впечатлѣній, скука прошла, опять нашлось о чемъ поговорить.

15 сентября. Татарскій проливъ.

Идемъ въ виду береговъ Сахалина къ сѣверу, направляясь въ постъ Александровскій, на нѣмецкомъ коммерческомъ суднѣ „Peyang“.

Въ Петропавловскѣ намъ пришлось пробыть въ ожиданіи парохода цѣлыхъ одиннадцать дней.

Самъ Петропавловскъ не представляетъ большого интереса. Это вѣрнѣе деревня, чѣмъ городъ, и деревня то не изъ богатыхъ. Расположенъ онъ на сѣверной сторонѣ Авачинской губы въ глубинѣ небольшой бухточки, отдѣленной отъ губы высокимъ мысомъ, называемымъ Никольской горой, за которой онъ совершенно спрятался. Въ немъ всего нѣсколько десятковъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ и двѣ церкви, зимняя и лѣтняя. Улицы не мощеныя, по бокамъ ихъ проложены тротуары изъ досокъ. На улицахъ никогда не видно движенія, не слышно ни пѣсенъ, ни музыки; какъ то удивительно тихо и спокойно. Наши рабочіе этому страшно обрадовались. На другой же день они отправились на берегъ и тутъ начался пиръ горой. Къ вечеру уже вездѣ по улицамъ, на травѣ, лежали и ползали упившіеся пріискатели. Они располагались прямо на улицѣ, ставили передъ собой бутылку водки и пили, попивъ, пѣли и опять пили, пока не засыпали на мѣстѣ.

Ночью по Петропавловску стало нельзя ходить. Освѣщенія здѣсь нѣтъ никакого и поэтому, идя по улицѣ, то и дѣло наступаешь или на спящихъ коровъ, или на спящихъ пріискателей. Ихъ никто не трогалъ, никто на нихъ не обращалъ вниманія; имъ такъ понравилось эта тишина, что они поставили на берегу двѣ палатки и зажили, какъ на дачѣ. Насколько тиха и патріархально проста здѣсь жизнь, достаточно показываютъ слѣдующіе факты.

На Никольской горѣ находится пороховой погребъ. Это еще остатокъ прежняго величія Петропавловска, когда онъ еще былъ

военнымъ портомъ. У погреба, въ которомъ едва ли хранится, что нибудь, стоитъ часовой казакъ безъ всякаго оружія. Я былъ свидѣтелемъ такого разговора. Къ казаку идетъ баба.

— Иванъ, иди обѣдать!

Казакъ топчется на мѣстѣ: и ѣсть ему очень хочется и смѣниться не съ кѣмъ. Вдругъ замѣчаетъ идущаго по берегу другого казака.

— Григорьицъ! а Григо-орь-и-ицъ! — кричитъ онъ.

— Цево тебѣ? — откликается тотъ (они не произносятъ шипящихъ).

— Иди, постой за меня, я обѣдать пойду.

— У меня щи остынутъ, — отвѣчаетъ тотъ и проходитъ.

— И у меня щи остынутъ! — заключаетъ часовой и отправляется обѣдать.

Послѣ обѣда я видѣлъ, какъ онъ сладко отдыхалъ на солнышкѣ передъ пороховымъ погребомъ, а рядомъ сидѣла баба и что то шила.

Еще картинка. Иду я мимо дома, гдѣ помѣщается полицейское правленіе и холодная, и живетъ помощникъ окружного начальника, и вижу, какъ часовой казакъ, на этотъ разъ въ формѣ и даже съ шашкой, прозвонилъ въ колоколъ 12 часовъ и пошелъ потихоньку домой обѣдать. Самъ онъ маленькій, какой то тихій, застѣнчивый, и такъ къ нему нейдетъ его большая казачья шашка.

Мы поздоровались и разговорились.

— Ишь, какая у тебя здоровая шашка! — говорю я, — покажи ка мнѣ.

Онъ протягиваетъ мнѣ ее вмѣстѣ съ ножнами.

— А ты вынь ее!

— Да она сто-то не вынимаетца! — удивленно и нѣсколько смущенно отвѣтилъ воинъ. Тогда мы вдвоемъ взялись тянуть ее, я за рукоятку, онъ за ножны, но такъ и не могли вынуть. Очевидно много, много лѣтъ не приходило въ голову вынимать ее.

Наконецъ, еще случай. Одинъ изъ пріискателей напился, нашумѣлъ и подрался съ товарищами. Ну, ужъ это было слишкомъ и его посадили въ холодную.

Сидитъ Федоръ за рѣшеткой и съ завистью смотритъ, какъ по зеленому лугу на корачкахъ ползаютъ его товарищи, не раз-

ставаясь съ бутылками водки. А у двери стоитъ казакъ часовой и съ добродушнымъ любопытствомъ смотритъ на эту картину.

Одному изъ пріискателей съ неимовѣрными усиліями удается добраться до окна.

— Федоръ! а Федоръ!

— Чего? — мрачно отзывается заключенный.

— Ты что, братъ, сидишь?

— Ну, сижу!

И на нѣсколько минутъ наступаетъ неловкое молчаніе.

— А ты уйди! — неожиданно рѣшаетъ пришедшій.

Молчитъ Федоръ, и смотритъ. Смотритъ на залитый солнцемъ зеленый лугъ съ валяющимися на немъ вперемежку коровами и пріискателями, смотритъ на горлышко бутылки, кокетливо и задорно выпячивающейся изъ кармана товарища и не выдерживаетъ: берется за рѣшетку и начинаетъ ее ломать. Ржавая рѣшетка, за которой можетъ быть уже много лѣтъ никто не сидѣлъ, не выдерживаетъ и арестантъ вылѣзаетъ на волю.

Часовой стоитъ и спокойно наблюдаетъ.

— Ну, вотъ и ушелъ! — И Федоръ тутъ же опускается на траву.

— Хочешь, братъ, выпить? — протягиваетъ ему бутылку товарищъ.

Федоръ закидываетъ назадъ голову, закрываетъ глаза и тянетъ изъ горлышка.

Черезъ нѣсколько минутъ бутылка выпита, и бѣглый арестантъ съ товарищемъ спокойно засыпаютъ подъ окномъ тюрьмы, а казакъ все такъ же спокойно и добродушно смотритъ на нихъ.

Выходитъ помощникъ начальника округа.

— Это что? — спрашиваетъ онъ видя сломанную рѣшетку.— А гдѣ арестантъ?

— А вотъ онъ! — спокойно показываетъ казакъ на спящаго.

— Тьфу! — и махнувъ рукой помощникъ уходитъ къ себѣ.

И какіе симпатичные добрые эти „камцатскіе казацки", какъ они называютъ себя. Насколько я могъ узнать ихъ въ экспедиціи, это очень честные, исполнительные, и спокойные люди. Но воинственности въ нихъ нѣтъ никакой и никто бы не сказалъ, что это потомки героевъ. Всѣ представляютъ собою помѣсь

русскихъ съ камчадалами. Они небольшого роста, некрасиво и плохо сложены, но не смотря на то, у меня осталось о нихъ хорошее воспоминаніе.

Хотя и очень малъ и плохъ Петропавловскъ, но въ немъ есть интересные памятники.

Памятники мореплавателямъ Берингу и Лаперуза. На низкой песчаной косѣ въ бухтѣ стоитъ памятникъ побѣды въ войну 54 года, подъ Никольской горой находится братская могила воиновъ, а на противоположной сторонѣ Авачинской губы памятникъ англійскому адмиралу.

Время крымской компаніи было славнымъ временемъ въ жизни Петропавловска.

Если въ Крыму русскіе понесли страшный уронъ, то въ Петропавловскѣ они взяли верхъ надъ союзниками.

Англо-французскій флотъ прошелъ въ Авачинскую губу и приготовился брать Петропавловскъ. Въ это время въ Петропавловской бухтѣ находились три русскихъ военныхъ судна. Узнавъ о приближеніи непріятельскаго флота, русскіе приготовились къ защитѣ. На низкой песчаной косѣ, разрѣзающей поперекъ Петропавловскую бухту, они поставили пушки, а свои суда въ хвостѣ этой косы загрузили камнемъ настолько, что видна была только палуба.

Когда флотъ союзниковъ пошелъ къ Петропавловску и показался изъ за Сигнальнаго мыса (такъ называется оконечность Никольской горы), то былъ встрѣченъ страшнымъ огнемъ. Онъ отступилъ и сталъ за Никольской горой. Тогда русскіе на скоро возвели батарею на Никольской горѣ, въ сѣдловинѣ, которая находится какъ разъ посрединѣ ея, и другую на западѣ отъ Петропавловска, гдѣ большая лагуна втекаетъ въ море и берегъ удобенъ для высадки. Первая батарея была замаскирована срубленными зелеными вѣтками. Союзники направили свое вниманіе на эту сѣдловину. Высадили десантъ и послали его въ гору. Но когда они были почти уже на горѣ, зеленая маска съ пушекъ упала, и союзниковъ встрѣтилъ градъ картечи. Уронъ былъ большой и они отступили. Тогда они рѣшили брать городъ съ запада, но при высадкѣ у устья лагуны, снова были встрѣчены страшнымъ огнемъ. Видя, что съ открытаго мѣста города имъ не взять, они высадились подъ Никольской горой и тихо

забрались на нее. Надо сказать, что Никольская гора представляетъ пологій, покрытый густымъ лѣсомъ скатъ къ городу и совершенно отвѣсный обрывъ въ нѣсколько десятковъ саженъ вышины къ морю. Союзники вошли уже на вершину горы, и открыли огонь по Петропавловску, причемъ было убито 18 жителей, но въ это время они не замѣтили, какъ русскіе по лѣсу подобрались вплотную къ нимъ. По данному рожкомъ сигналу русскіе бросились на враговъ, находившихся у обрыва, смяли ихъ и сбросили внизъ. Это было дѣло нѣсколькихъ минутъ и въ этой страшной стычкѣ погибло 700 человѣкъ союзной арміи. Послѣ этого адмиралъ соединеннаго флота отвелъ суда на другую сторону Авачинской губы и тамъ застрѣлился, не вынесши позора пораженія. Флотъ же ушелъ въ море, и Петропавловскъ былъ оставленъ въ цѣлости.

Павшіе въ сраженіи, были похоронены у подножья Никольской горы, надъ ними поставлены три креста и деревянная часовенка, гдѣ ежегодно служится панихида. Время нашего пребыванія въ Петропавловскѣ прошло какъ то незамѣтно, безъ особыхъ впечатлѣній.

На другой день по приходѣ, на „Якутѣ", былъ парадный обѣдъ въ честь именинниковъ, которыхъ на суднѣ было трое. Для этого на кормѣ судна надъ палубой былъ растянутъ тентъ, весь украшенный изнутри разными національными флагами. Подъ нимъ на палубѣ былъ сервированъ обѣдъ. Пріѣхали гости и пошелъ пиръ горой, что даже не забыли фонографа. Командиръ, большой любитель пѣнія и музыки, предложилъ послужать фонографъ. Фонографъ съигралъ нѣсколько пьесъ и что то сталъ хрипѣть. Одинъ изъ офицеровъ даже предложилъ было налить въ трубу фонографа вина.

Однимъ словомъ, такъ разошлись, что праздновали цѣлыхъ три дня.

4-го сентября была панихида по погибшему на войнѣ офицеру Деденеву. Въ церкви собрались команда и офицеры „Якута" и нѣсколько человѣкъ горожанъ.

Служилъ старенькій протопопъ. Онъ ужъ едва ходитъ, говоритъ тихо, тихо и все забываетъ. Напримѣръ, онъ забылъ, какъ зовутъ Наслѣдника и перечислилъ пять, шесть именъ,

прежде чѣмъ дошелъ до него. Онъ путалъ и службу, но когда ему замѣчали это, онъ отвѣчалъ:

— Богъ знаетъ, что службу я знаю.

И въ этомъ отвѣтѣ было столько трогательной увѣренности.

Чтобы хоть какъ нибудь разнообразить скучное время, мы предпринимали прогулки, или по Никольской горѣ, гдѣ и отдыхали въ тѣни деревьевъ, или по берегу стрѣлять въ цѣль. Одинъ разъ отправились въ деревню Сѣроглазку, верстъ за 5 отъ Петропавловска, выбрали мѣстечко подъ деревомъ, велѣли принести самоваръ, молока, творогу и начался пиръ горой. Наизвѣстно почему всѣ пришли въ какое то дикое настроеніе, впали въ дѣтство. Играли въ чехарду, докторъ даже въ присядку пустился, а потомъ прострѣлилъ пулей свою фуражку.

8 сентября „Якутъ“ перешелъ въ Тарью, такъ называется бухта, на противоположной сторонѣ Авачинской губы.

Сейчасъ же съѣхали на землю. Захватили съ собой палатку и поставили ее на берегу недалеко отъ озера, а сами разбрелись въ разныя стороны на охоту. Охота была довольно удачная: я убилъ пять штукъ утокъ, но страшно измучился, такъ какъ здѣсь ужасно трудно ходить. Трава растетъ выше человѣка, такъ что приходится перекликаться, чтобы не разойтись, и притомъ такая густая, что ноги путаются.

Вечеромъ всѣ собрались въ палатку, развели передъ ней костеръ и стали варить щи, а пока они варились, мы пили вино и пѣли. Рядомъ съ нами матросы также поставили себѣ палатку и оттуда слышалось пѣніе. Всѣ чувствовали себя легко, свободно и даже ночевать остались на берегу. На другой день мы должны были уже ѣхать въ Петропавловскъ. Позавтракали послѣдній разъ у командира, выпили даже шампанскаго, и распростились со своими любезными хозяевами.

Когда мы отходили отъ борта, офицеры вышли на палубу, а команда собралась на бакѣ и намъ въ догонку неслись дружныя пожеланія счастливаго пути.

10-го пришли въ Петропавловскъ шкуна „Котикъ“ и пароходъ Восточно Китайской жел. дороги „Мукденъ“. Теперь намъ предстояло выбирать, на какомъ суднѣ идти. „Мукденъ“ отправлялся только черезъ двѣнадцать дней прямо во Владивостокъ, а угольщикъ фирмы Кунстъ и Альбертсъ, пароходъ „Peyang“,

кончилъ выгружать уголь и выходитъ 11-го, но не во Владивостокъ, а въ Александровскъ на Сахалинѣ. Намъ съ Мягковымъ очень захотѣлось побывать на Сахалинѣ, и мы рѣшили дѣйствовать такъ: мы съ нимъ забираемъ рабочихъ и идемъ на „Пеянгѣ“ въ постъ Александровскій, а Карл. Ив. съ женой, Альфр. Марков. и Николай остаются ждать „Мукдена“ и на немъ идутъ во Владивостокъ. Переговорили съ капитаномъ „Peyang'а“ и онъ согласился взять насъ.

Въ Петропавловскѣ изъ нашихъ рабочихъ двое рѣшили остаться. Одинъ изъ пріискателей хотѣлъ попробовать пожить здѣсь, а другой нашъ, Василій Бѣляевъ, совершенно увлекся природой Камчатки и окончательно рѣшилъ остаться здѣсь навсегда. Онъ уже купилъ около Тарьи, на ключахъ небольшой домикъ и теперь обзаводится хозяйствомъ. Такъ и не доѣхалъ до своей костромской губерніи, какъ хотѣлъ раньше. Хорошо, если не начнетъ онъ здѣсь пить, онъ къ этому имѣетъ большую склонность. А то, пожалуй, при здѣшней скукѣ совсѣмъ сопьется. Надо сказать, что скука въ Петропавловскѣ страшная. Больше полгода онъ бываетъ совершенно отрѣзанъ отъ міра; телеграфнаго сообщенія не существуетъ, почтовое существуетъ только. пока пароходы ходятъ, а зимою нѣтъ никакого сообщенія. Населеніе уходитъ въ свои скорлупки и какъ бы предается спячкѣ. Съ наступленіемъ весны начинаютъ волноваться, скоро ли придетъ первое судно и какія новости оно принесетъ. Съ каждымъ днемъ волненіе растетъ, жители ежеминутно смотрятъ, не покажется ли во входѣ въ губу знакомый дымокъ.

День прихода перваго парохода—это самый большой праздникъ въ году. Лишь только издали замѣтятъ пароходъ, въ городѣ поднимается шумъ, бѣготня. Ученье въ школѣ прекращается, лавки запираются; всѣ спѣшатъ почище одѣться и бѣгутъ къ берегу. Только пароходъ броситъ якорь въ бухтѣ, какъ весь уже наполняется петропавловцами. Разговоры идутъ до самаго вечера. Не только первый пароходъ радостно встрѣчаютъ жители; каждое судно привозитъ что нибудь новое, интересное.

Съ какой радостью встрѣчаютъ петропавловцы первое судно, съ такой же грустью провожаютъ послѣднее. Вотъ оно ушло, и снова Петропавловскъ отрѣзанъ отъ міра, снова на долгіе мѣсяцы обреченъ на одинокую тоскливую жизнь.

Послѣдній вечеръ мы провели у учителя. Онъ провелъ здѣсь съ своей семьей уже нѣсколько лѣтъ и можетъ разсказать много интереснаго.

Онъ отзывался о Камчаткѣ, какъ о странѣ богатой. Самъ онъ по ней не путешествовалъ, но ему разсказывалъ д-ръ Тишовъ, который прекрасно изучилъ Камчатку. Тишовъ цѣлыхъ шесть лѣтъ ежегодно совершаетъ прогулки по полуострову; нынѣшній же годъ онъ даже оставилъ мѣсто окружнаго врача, чтобы быть свободнымъ и ушелъ въ горы. Онъ путешествуетъ совершенно безъ денегъ, приспособился и къ климату и къ образу жизни инородцевъ, среди которыхъ онъ проводитъ цѣлые мѣсяцы, питаясь сушеной рыбой, живя въ юртѣ точно такъ же, какъ инородцы. Свѣдѣній у него собрано много и онъ хочетъ впослѣдствіи написать фундаментальное сочиненіе. Учитель показывалъ намъ кусокъ кварца съ вкрапленнымъ въ него золотомъ, очень богатаго содержанія, который ему далъ Тишовъ. Онъ говоритъ, что кромѣ золота на Камчаткѣ много желѣза, мѣди. Есть гранаты, аметисты, а на охотскомъ побережьѣ въ морѣ есть даже жемчугъ. Лѣсу много, и въ немъ много еще звѣря. Рѣки и море изобилуютъ рыбой. Раньше и на это какъ то сквозь пальцы смотрѣли, но теперь уже образуются рыбные промысла. Ловятъ массу сельдей и лососевыхъ, кэту, чавычу и др. Вообще, не будь Камчатка такъ далека, и такъ на зимніе мѣсяцы отрѣзана отъ материка, она привлекла бы тысячи народа и ожила. Поздно вечеромъ мы вернулись прямо на „Peyang". Идя берегомъ, я любовался на фосфоресценцію моря; весь песокъ берега, когда вода сбыла, фосфорецировалъ. За каждымъ нашимъ шагомъ сзади насъ оставался яркій свѣтъ. Если взять песокъ и растереть его между ладонями, то ладони начинаютъ свѣтиться, какъ будто натертые фосфоромъ. На берегу же я нашелъ маленькаго рачка, немного болѣе сантиметра длиною, который ползалъ у меня по рукѣ и ярко свѣтилъ. Я посадилъ его въ стаканъ и онъ два дня продолжалъ свѣтить. Еще у мыса Дежнева я, какъ то гуляя по берегу, замѣтилъ, что море выбросило массу мелкихъ рачковъ и еще какихъ то тонкихъ и прозрачныхъ червяковъ. Я собралъ ихъ въ стаканъ и отвезъ на пароходъ. Вхожу вечеромъ въ каюту и вижу, что у меня весь стаканъ свѣтится яркимъ фосфорическимъ свѣтомъ. Въ индій-

скомъ океанѣ я пробовалъ поймать свѣтящееся животное въ ваннѣ, но оно оказалось почти невидимымъ для невооруженнаго глаза.

11 сентября. Утромъ вернулся „Якутъ", мы съѣздили на него съ прощальнымъ визитомъ, затѣмъ офицеры отдали намъ визитъ, на прощанье выпили по стакану вина и въ 11 часовъ утра вышли изъ Петропавловска. Насъ уговаривали не выходить передъ новолуніемъ, да еще во время равноденствія, но нашъ капитанъ нѣмецъ, очень храбрый, и говоритъ, что такое хорошее судно, какъ „Пейянгъ" выдержитъ какую угодно бурю. Дѣйствительно, какъ только мы вышли, начался сильный вѣтеръ, качка, все подернулось туманомъ. Къ вечеру Мягкова и нашихъ новыхъ спутниковъ, товарища прокурора Бунге и агента фирмы Кунста и Альбертса закачало и мы ужинали вдвоемъ съ капитаномъ. Ночью вышелъ курьезъ, китаецъ—бой налилъ въ умывальную чашку воды и оставилъ; ночью очень сильно качнуло и вся вода вылилась на голову Мягкову, спавшему на нижней койкѣ у умывальника. Онъ спросонокъ вскочилъ, какъ сумасшедшій, такъ неожиданна была эта ванна. День за днемъ у насъ проходятъ тихо, скучновато. И качаетъ то сильно, да и спутники наши цѣлые вечера пасьянсы раскладываютъ. Вчера вечеромъ былъ страшный штормъ, качка была такая, что на самомъ дѣлѣ трудно было на ногахъ устоять. Наконецъ то завтра мы будемъ на землѣ и можно будетъ послать домой первую телеграмму о возвращеніи.

ГЛАВА IX.

Сахалинъ.

Александровскій и Корсаковскій посты.—Тюрьмы, работы, администрація и т. д.

16 Сентября. Утромъ мы подошли къ посту Александровскому. Дуетъ страшный вѣтеръ и гонитъ на берегъ огромныя сѣрозеленыя волны, срывая ихъ бѣлые гребни, и несетъ по воздуху холодную соленую водяную пыль. Все подернуто пепельной

туманной дымкой; холодно и непривѣтливо смотрятъ сквозь нея суровые берега страшнаго Сахалина. Пароходъ сдѣлалъ большой кругъ и, недойдя около мили до берега, бросилъ якорь. Бухты здѣсь никакой нѣтъ и потому стоянка для судовъ весьма плохая; когда разыгрывается штормъ, а здѣсь они бываютъ часто, то пароходы обыкновенно уходятъ въ бухту де-Кастри, которая находится на материкѣ противъ Александровскаго поста. Нашъ капитанъ тоже подозрительно поглядывалъ вокругъ и намекалъ, что пожалуй сегодня не придется высадиться на берегъ, но потомъ рѣшился спустить насъ и далъ свистокъ, требуя парового катера. Волненіе было очень сильное и казалось, что выйти на море въ катерѣ теперь невозможно. Съ парохода видно было, какъ волны ударялись о небольшую пристань и взлетали выше домиковъ, стоящихъ на ней. Мы пришли было въ уныніе; но вотъ черезъ полчаса изъ за пристани показался дымокъ и, немного спустя, небольшая черная точка отдѣлилась отъ берега и двинулась къ намъ, то и дѣло исчезая за волнами.

Казалось, вотъ ужъ она больше не покажется, но она опять взлетала на гребень волны и, все увеличиваясь, приближалась къ намъ. Наконецъ катеръ у борта, но пристать нѣтъ возможности, и прислуга катера держитъ его на баграхъ, упираясь въ пароходъ, чтобы не удариться. Трудно было грузить на катеръ багажъ и еще труднѣе сходить намъ. Багажъ привязывали на канатъ и спускали внизъ, тамъ онъ болтался пока, улучивъ удобный моментъ, его не схватывали. Съ катера уже кричали: „скорѣе, скорѣе, а то трудно держаться“. Наконецъ багажъ выгруженъ, уложенъ внутрь катера, надо было пересаживаться и намъ. Какое сложное гимнастическое упражненіе пришлось намъ продѣлать прежде, чѣмъ мы попали на катеръ! Бросили сверху штормъ-трапъ. Надо было спуститься по нему и уцѣпившись висѣть надъ волной, стараясь не стукнуться о бортъ парохода и, выжидать удобный случай, когда качнетъ такъ, что очутишься надъ катеромъ, тогда пускаешь руки и летишь внизъ, а тамъ тебя подхватываютъ и ставятъ на палубу. Все это мы благополучно продѣлали, крикнули нашему капитану „Glückliche Reise“ и отошли отъ парохода. „Держитесь, господа, крѣпче“— посовѣтовали намъ, да и было почему. Тотчасъ же мы нырнули куда то внизъ, затѣмъ сзади на насъ налетѣла волна и окатила

насъ съ ногъ до головы. И вотъ мы заныряли на подобіе утокъ. „А вѣдь не совсѣмъ удобно ходить на такомъ катерѣ въ этакую погоду", обратились мы къ одному изъ матросовъ.

— Это еще ничего, мы на катерѣ доходили и до Николаевска, а вотъ одинъ разъ поднялась буря и носила насъ въ туманѣ двое сутокъ. Стужа была страшная, обледенѣли всѣ, и выбросило насъ наконецъ на берегъ, оказалось недалеко отсюда. Еще счастливо вышло: и люди остались цѣлы и катеръ не разбило, а тогда вотъ плохо было.

И подивились мы этимъ смѣлымъ мореходамъ, пускающимся въ бурный Татарскій проливъ на такомъ утломъ суденышкѣ. А эти смѣлые моряки, оказывается, всѣ каторжные или поселенцы изъ каторжныхъ. Благополучно доставили они насъ на пристань, и мы попросили ихъ вернуться на пароходъ за нашими рабочими, обѣщавъ имъ за это 10 рублей. Они весело повернули катеръ и опять исчезли за волнами, а мы въ сторожкѣ на пристани усѣлись, подъ шумъ разбивающихся волнъ, пить чай. Первая новость, которую мы здѣсь услышали, была не особенно пріятна для насъ, а именно, что квартиры въ общественномъ клубѣ всѣ заняты пріѣхавшими сюда членами военнаго и окружнаго судовъ. Но не прошло и нѣсколько минутъ, какъ по телефону намъ передали, что квартира намъ найдена и лошади сейчасъ же будутъ присланы. Эту любезность оказалъ намъ нашъ спутникъ, товарищъ прокурора фонъ-Бунге.

Скоро подъѣхалъ экипажъ и мы съ Геннадьичемъ поѣхали. Квартиру намъ отвели у одного поселенца, столяра Плессакъ. Это была просторная, чистенькая комнатка съ прекрасной мебелью изъ наплыва. (Издѣлія изъ наплыва—спеціальность Сахалина). Нашъ хозяинъ отличный столяръ, онъ имѣетъ здѣсь мастерскую и работаетъ превосходную мебель, которую сбываетъ во Владивостокъ и Николаевскъ. Эта мебель цѣнится очень высоко, Плессакъ составилъ себѣ небольшое состояніе, и живетъ очень недурно. Только что мы пріѣхали, намъ подали чай съ молокомъ, домашнимъ хлѣбомъ, колбасу и мы съ удовольствіемъ начали закусывать. Въ это время къ намъ заѣхалъ Бунге посмотрѣть, хорошо ли мы устроились. Мы немедленно же отдали ему визитъ, а также и начальнику округа Семевскому, но того не застали дома. Надо было гдѣ нибудь

пообѣдать. Хозяева указали намъ на общественное собраніе. Собраніе это — небольшой клубъ служащихъ въ Александровскомъ посту; тутъ имѣется порядочная кухня, библіотека, билліардъ, буфетъ. При домѣ небольшой садикъ, но въ хорошую погоду тутъ можно погулять; по вечерамъ сюда собираются служащіе военные и статскіе и коротаютъ скучное время. По праздникамъ здѣсь играетъ оркестръ военной музыки и устраивается даже фейерверкъ. Какъ съ новыми людьми, съ нами сейчасъ же познакомились и мы въ компаніи провели весь вечеръ.

17 сентября. Утромъ были въ Сахалинскомъ музеѣ. Впечатлѣніе грустное! матеріалу много и въ достаточномъ порядкѣ, но помѣщеніе очень тѣсное, Я видѣлся съ завѣдующимъ музеемъ докторомъ Погаевскимъ; онъ, очевидно, очень интересуется музеемъ, но говоритъ, что просто руки опускаются, видя всю невозможность сдѣлать что нибудь порядочное въ такомъ помѣмѣщеніи. А, вѣдь, кажется, и лѣсъ здѣсь есть и рабочихъ рукъ даровыхъ, сколько угодно. Но, говорятъ, здѣсь какъ разъ плотничьи работы страшно дороги. Возвращаясь изъ музея, мы встрѣтили здѣшняго горнаго инженера К. и обѣдали у него Онъ пріѣхалъ сюда съ своей молоденькой женой, сейчасъ же послѣ свадьбы и, конечно, чувствуетъ себя здѣсь дико. Съ него мы взяли обѣщаніе показать намъ угольныя шахты.

Вечеромъ опять были въ клубѣ и ужинали. Тутъ уже мы были посвящены въ нѣкоторыя интимности сахалинской жизни; конечно, это вышло послѣ нѣкотораго возліянія и это были сплетни, хотя сплетни походили на обвиненія, да какъ выяснилось дальше, тутъ было цѣлое судебное дѣло, но такое грязное, что тяжело было слушать. Съ крайне тяжелымъ чувствомъ вернулись мы домой.

18 сентября. Постъ Александровскій. Вчера намъ сказали, что деньги держать дома не годится, опасно, а съ нами было нѣсколько тысячъ, и потому сегодня утромъ мы отнесли ихъ въ казначейство. На самомъ дѣлѣ нравы здѣсь довольно дикіе; при насъ уже было три убійства.

Жена, добровольно пріѣхавшая изъ Россіи къ своему мужу поселенцу, завела себѣ любовника, и съ этимъ любовникомъ вдвоемъ они покончили мужа и зарыли его на дворѣ въ сараѣ. Начальникъ тюрьмы Патринъ хорошо уже изучилъ пріемы са-

халинцевъ и тотчасъ же накрылъ ихъ. Войдя въ домъ, онъ у входа замѣтилъ заступъ, къ которому пристало немного свѣжей земли. Тотчасъ же осмотрѣлъ подробно весь дворъ и, зайдя въ сарай, увидѣлъ, что полъ его взрытъ и только что утоптанъ; онъ велѣлъ разрыть и тутъ оказался трупъ убитаго, завернутый въ половикъ. Затѣмъ въ одной изъ падей около самаго города были найдены убитыми два сторожа. Вообще, здѣсь убійство человѣка, повидимому, потеряло свое страшное значеніе, свой ужасъ. Рѣдко проходитъ день, чтобы не было убійства. Убиваютъ за двугривенный, за крѣпкій пиджакъ, а то просто, Богъ знаетъ почему. Очевидно, жизнь потеряла всякое значеніе; это собственно и не мудрено. Представьте себѣ человѣка, присужденнаго къ пожизненной каторгѣ; живетъ онъ въ грязной тюрьмѣ годъ, два, терпитъ побои, розги, живетъ въ обществѣ, подобныхъ ему несчастныхъ и озлобленныхъ людей, сознавая, что ему уже отсюда выхода нѣтъ, немудрено, что ему хочется свободно вздохнуть, его тянетъ уйти изъ тюрьмы и онъ бѣжитъ, бѣжитъ, зная, что, если часовой замѣтитъ его, ему не избѣжать пули; бѣжитъ, зная, что за нимъ будутъ охотиться здѣсь гиляки, стража, зная, что много бѣглецовъ гибнетъ въ суровомъ Татарскомъ проливѣ, а дальше горы и лѣса Сибири съ ихъ дикими звѣрями, морозомъ и голодомъ. На все это рѣшается человѣкъ и если онъ не останавливается передъ тысячью опасностей, если онъ не цѣнитъ свою жизнь, другими словами, если ему свобода дороже жизни, то развѣ онъ остановится, если поперегъ его дороги станетъ человѣкъ, развѣ онъ пожалѣетъ его. Бѣглыхъ ловятъ, порютъ плетьми, заковываютъ въ кандалы, увеличиваютъ сроки каторги, а они все продолжаютъ бѣжать. Окрестности Александровска полны бѣглыми и они то производятъ убійства.

Сегодня около двухъ часовъ былъ у правителя канцеляріи губернатора М. Это случилось по поводу устраиваемаго здѣсь благотворительнаго концерта, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ, кто сколько нибудь можетъ быть полезнымъ. Тамъ встрѣтилъ членовъ военнаго окружного суда. Военный судъ пріѣхалъ сюда по дѣлу объ убійствѣ пятью бѣглыми каторжными троихъ конвойныхъ солдатъ. Убійцы пойманы и сидятъ въ одиночномъ заключеніи. Ихъ ждетъ, какъ говорятъ, смертная казнь черезъ

повѣшенье. На насъ одно слово казнь наводитъ ужасъ, а здѣсь такъ къ этому привыкли, что концертъ дается въ той же самой залѣ суда, гдѣ приговариваютъ къ смертной казни, и исполнители выходятъ на ту же эстраду, откуда раздается ужасный приговоръ.

Поразительная привычка!

Еще разъ пришлось услышать о здѣшнихъ кражахъ. Воровство и кражи здѣсь въ страшныхъ размѣрахъ; кладовыя обитателей ежегодно очищаются, а иногда по нѣскольку разъ. Но бываетъ и кое что болѣе дерзкое. Недавно въ одну изъ лавокъ, почти въ центрѣ города, вошли нѣсколько людей, вооруженныхъ револьверами, и потребовали денегъ; затѣмъ они обшарили лавку и взяли то, что было поцѣннѣе. Это было среди бѣлаго дня. Когда извѣщенные кѣмъ то солдаты, взявъ ружья, побѣжали къ этой лавкѣ, грабители какъ сквозь землю провалились. Очевидно, поселенцы помогаютъ имъ въ этомъ. Обманы здѣсь поразительные; какъ то зимой одинъ изъ чиновниковъ купилъ барана, которые здѣсь рѣдки, и принесъ домой; каково же было его удивленіе, когда этотъ баранъ оказался ничѣмъ инымъ, какъ собакой, къ которой была приморожена баранья голова. Нашъ Мягковъ уже попался на удочку.

Является какой то субъектъ и предлагаетъ сдѣлать чемоданъ изъ тюленьей шкуры; уговорились за 14 рублей. Тотъ снялъ мѣрку и попросилъ денегъ на покупку матерьяла. Геннадьичъ далъ ему половину, т. е. 7 рублей и попросилъ сдѣлать скорѣе. Тотъ клялся и божился, что немедленно же сядетъ за работу и что въ этомъ можно быть спокойнымъ. Вечеромъ онъ явился ко мнѣ уже сильно выпивши со шкурой нерпы и, показывая ее, спрашивалъ, хороша ли она. Я похвалилъ шкуру, велѣлъ ему идти скорѣе домой и приняться за работу. Онъ вдругъ говоритъ:

— Дайте мнѣ еще рубля два.

— Это зачѣмъ? спрашиваю.

— Да у меня не хватило на матерьялъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, иди и шей, а денегъ ты получилъ достаточно.

Онъ свернулъ шкуру и вышелъ. Долго потомъ я еще видѣлъ, какъ онъ ходилъ мимо крыльца и разстилалъ по тротуару

эту шкуру. Оказывается, онъ съумѣлъ убѣдить нашего старшаго рабочаго Петрова, и тотъ далъ ему два рубля. Конечно онъ загулялъ, а Геннадьичъ никакого чемодана не получилъ.

Сегодня мы были у доктора Волкенштейна, психіатра здѣшней больницы и познакомились съ его женой, несчастной женщиной, просидѣвшей 14 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, а затѣмъ присланной сюда на поселеніе. Просто удивляешься, какъ много можетъ вынести человѣкъ!

Кромѣ нея здѣсь еще двое политическихъ: Хроновскій и Манучаровъ. Первый теперь уже свободнаго состоянія, но на материкъ не уѣхалъ, а служитъ здѣсь въ качествѣ школьнаго учителя и кромѣ того пишетъ въ одной изъ владивостокскихъ газетъ о Сахалинѣ. Другой—еще поселенецъ, онъ служитъ здѣсь редакторомъ ежедневнаго здѣшняго органа—телеграммы россійскаго агентства. Вообще, здѣсь интеллигентные люди очень цѣнятся и интеллигентныхъ каторжныхъ и поселенцевъ не заставляютъ исполнять черныя работы, а даютъ имъ мелкія канцелярскія и другія должности, гдѣ они могутъ принести больше пользы. Вечеромъ были опять у инженера К. и вдоволь наслушались о сахалинской жизни. Вся жизнь каторжника, его отношенія къ администраціи и обратно, это какой то circulus vitiosus.

20 сентября. Вчера въ залѣ суда состоялся концертъ, на которомъ игралось, пѣлось и говорилось. И странное впечатлѣніе производилъ этотъ концертъ; наканунѣ здѣсь засѣдалъ судъ, завтра то же будутъ раздаваться приговоры: „тому столько то плетей, а тѣмъ смертная казнь", а теперь залъ полонъ народомъ. Тутъ и администрація, инженеры, чиновники, тутъ же каторжники и поселенцы; всѣ стали равны, всѣ стали просто публикой и сидятъ рядомъ на стульяхъ. Исполнители то же совершенно различны по положенію: правитель канцеляріи декламируетъ подъ аккомпаниментъ жены каторжнаго, помощникъ начальника тюрьмы играетъ на балалайкѣ подъ аккомпаниментъ правителя канцеляріи, играетъ на віолончели защитникъ военнаго суда, поетъ случайно попавшій сюда туристъ, гудитъ оркестръ, собранный изъ солдатъ и поселенцевъ.

Однимъ словомъ, различные элементы соединились на поприщѣ искусства. Необыкновенна обстановка, необыкновенны и исполни-

тели и публика. Странно, какъ то жутко даже, а все таки пріятно сознаніе, что хоть что нибудь можетъ соединить эти полюсы, хоть на нѣсколько минутъ исчезла разница положеній, нѣтъ ни несчастныхъ каторжныхъ и ссыльныхъ, грознаго суда, строгой администраціи, а есть только публика и исполнители.

Послѣ концерта часть публики и исполнители отправились ужинать въ клубъ; никому не хотѣлось выходить изъ настроенія, навѣяннаго пѣніемъ и музыкой и поэтому рѣшили продолжать. Послали за гитарами, и запѣли хоромъ цыганскія пѣсни. Пѣли не стройно, но весело и отъ души; мы съ Геннадьичемъ тоже подпѣвали, запѣвали и даже дуэтъ исполняли. Одинъ изъ чиновниковъ сидѣлъ и внимательно слушалъ насъ, потомъ подходитъ къ товарищу прокурора Семенову и таинственно шепчетъ ему на ухо:

— Такъ то это такъ, хорошо поютъ эти пріѣзжіе, а всетаки недурно бы у нихъ паспорта посмотрѣть, всяко вѣдь бываетъ.

Тотъ не удержался и расхохотался, вся компанія, узнавъ въ чемъ дѣло, присоединилась къ нему и вечеръ закончился такимъ образомъ весело.

Сегодня утромъ къ намъ заѣхалъ д-ръ Волкенштейнъ и мы отправились осматривать тюрьму. Надо сказать, что наканунѣ мы получили позволеніе на это.

Когда мы подходили къ тюрьмѣ, насъ увидалъ помощникъ начальника тюрьмы Ф. и вышелъ, чтобы проводить насъ.

Прежде всего мы отправились въ такъ называемую кандальную тюрьму. Эта тюрьма для испытуемыхъ и для тѣхъ, которые часто бѣгаютъ и, такъ сказать, не исправляются. Эта тюрьма представляетъ собою довольно большую площадь, огороженную высокимъ частоколомъ, сѣрымъ отъ старости и мѣстами покосившимся, за которымъ ничего не видно. Въ нее ведутъ изъ переулка ворота, у которыхъ стоитъ часовой. Съ тяжелымъ чувствомъ подошли мы къ воротамъ, за которыми, мы знали, находится масса людей, лишенныхъ всѣхъ правъ на человѣческій образъ жизни. Даже жутко стало. Вотъ со скрипомъ отворились ворота и мы вошли на большой широкій дворъ. Вдоль стѣнъ, немного отступя отъ нихъ, построены корпуса для каторжныхъ, низкіе и довольно ветхіе.

По просторному двору взадъ и впередъ прохаживались каторжные въ самыхъ разнообразныхъ, иногда очень отрепанныхъ костюмахъ, съ головами на половину обритыми, тамъ и сямъ слышался звонъ и лязгъ кандаловъ. Надзиратель, при нашемъ появленіи, во все горло крикнулъ „смирно“ и заключенные сняли шапки. И всѣ эти люди, безъ шапокъ стоявшіе передъ нами, были до крайности жалки. Были они раньше людьми, у многихъ былъ домъ, семья, а теперь ничего этого нѣтъ, нѣтъ свободы, на ногахъ звенятъ цѣпи, голова позорно на половину обрита, каждый надзиратель, часто тоже изъ ссыльныхъ, можетъ обругать, ударить, начальство можетъ выпороть, какъ сидорову козу, и это они должны терпѣть, а въ будущемъ — безпросвѣтная тьма. Выдержитъ онъ каторгу, переведутъ на поселеніе, кончится и этотъ срокъ и станетъ крестьяниномъ изъ ссыльныхъ. И это пятно остается на всю жизнь, и если бы онъ совершенно исправился нравственно, полноправнымъ онъ быть уже не можетъ.

Пошли мы по корпусамъ. Зданія всѣ старыя, тѣсныя, народу много. Въ одномъ изъ отдѣленій, гдѣ сидятъ такъ называемые промотчики *), набито 25 человѣкъ, а помѣщеніе годится человѣкъ на 12, не больше. Можно представить себѣ, какая духота здѣсь зимой! Теперь двери открыты и то воздухъ тяжелый. Отсюда мы спустились въ карцера, гдѣ находятся убійцы конвойныхъ солдатъ, о которыхъ было уже сказано. Они сознаютъ, что ихъ ждетъ казнь, это видно по тому совершенно убитому виду, который имѣлъ одинъ изъ нихъ, вызванный изъ карцера. Говорилъ онъ вяло, тихо, дрожащимъ голосомъ. А другіе соучастники лежали на своихъ нарахъ, въ темныхъ карцерахъ, освѣщенныхъ однимъ маленькимъ окошечкомъ съ рѣшеткой, выходящимъ въ корридоръ. Они лежали лицомъ внизъ и очевидно не спали, такъ какъ кругомъ раздавался топотъ и говоръ караульныхъ. Ужасно было видѣть ихъ и думать, что черезъ нѣсколько дней они закачаются на висилицѣ. А въ довершеніе ужаса Ф. съ насмѣшкой указываетъ на нихъ и громко говоритъ: „а вотъ кандидаты“. Меня какъ ножемъ рѣзнули эти слова, и я поспѣшилъ выйти изъ карцера.

---

*) Промотчиками называются каторжане, проигрывающіе казенную одежду въ карты, кости, вообще проматывающіе ее.

Пошли мы въ другой баракъ и вызвали такъ называемыхъ тачечныхъ. Это преступники нѣсколько разъ бѣгавшіе и убивавшіе. Ихъ приковываютъ къ тачкѣ на длинной цѣпи, идущей къ поясу, и такимъ образомъ, куда бы они ни шли, они должны тащить за собой тачку. Ложась спать, они кладутъ тачку подъ нары. Кромѣ того на нихъ надѣваются ножные кандалы. И такъ съ тачкой они проводятъ нѣсколько лѣтъ. Вывели намъ одного старика, лѣтъ 56, и странно было на него смотрѣть. Неужели дня него мало кандаловъ? За то другой, который недавно освобожденъ отъ тачки, производитъ сильное впечатлѣніе. Это рослый коренастый мужчина среднихъ лѣтъ съ отталкивающимъ лицомъ; волосы и борода его рыжіе, нижняя челюсть сильно развита и лобъ запрокинутъ назадъ; маленькіе, сѣрые глаза холодно и не дружелюбно смотрятъ на васъ. Такъ и видно, что будь съ нимъ одинъ на одинъ, онъ не задумался бы перехватить горло. Фамилія его Широколобовъ; онъ былъ прикованъ къ тачкѣ девять лѣтъ. Много разъ бѣгалъ и признается, говорятъ, въ тридцати убійствахъ, а можетъ быть и болѣе. Отвратительно было смотрѣть на него и мы пошли по двору. Тутъ къ намъ подошелъ одинъ изъ каторжныхъ, снялъ шапку и жалобно обратился къ Волкенштейну: „Баринъ, возьмите меня въ деревню, скучно мнѣ здѣсь!“

„А что же ты въ деревнѣ то будешь дѣлать?“

„Пахать, боронить буду, возьмите, Христа ради, баринъ, къ себѣ!“—со слезами въ голосѣ говорилъ онъ.

„Хорошо, хорошо, голубчикъ, я поговорю“—и Волкенштейнъ прошелъ дальше.

„Да это психически больной!“—говорю я.

„Да, здѣсь ихъ довольно много къ сожалѣнію. — Вотъ пойдемте, посмотримъ“.

Пришли въ корпусъ. Въ небольшой комнатѣ на нарахъ сидятъ человѣкъ восемь. Это отдѣленіе спокойныхъ, буйные же помѣщаются въ психіатрической больницѣ. Грустно, тяжело видѣть этихъ несчастныхъ; они уже не отдаютъ себѣ отчета въ своемъ положеніи, а ихъ все еще держатъ здѣсь. А можетъ быть они и при совершеніи преступленія были несовсѣмъ въ нормальномъ состояніи. Тогда еще грустнѣе!

По двору ходило много каторжныхъ.

„Это почему же они не работаютъ, а ходятъ здѣсь изъ угла въ уголъ?"—спросилъ я.

„Многіе изъ нихъ, видите ли, отказываются отъ работы, а другіе почему либо освобождены отъ нея. Вообще, у насъ не особенно утруждаютъ работой"—отвѣтилъ Ф.

Тоже самое накакунѣ мнѣ сказалъ и правитель канцеляріи господинъ М.

„Собственно говоря, здѣсь развѣ есть каторга? Работой здѣсь не утруждаютъ, а больныхъ, хотя пустяками, всегда освобождаютъ отъ работы".

Съ другой стороны я слышалъ другое мнѣніе:

„Здѣсь многіе отбились отъ рукъ, и начальство ничего съ ними сдѣлать не можетъ другого, какъ держать въ кандальной безъ работы, а за то другимъ приходится очень много работать; вообще, равномѣрности въ работѣ здѣсь нѣтъ".

Изъ кандальной тюрьмы мы прошли въ кандальный лазаретъ. Это было низкое, довольно темноватое зданіе, но всетаки лучше, чѣмъ корпуса. Больные на нашъ вопросъ, каково имъ здѣсь, и часто ли ихъ посѣщаетъ докторъ, отвѣтили, что посѣщаетъ каждый день и вообще выражались о немъ съ уваженіемъ.

Отсюда мы пошли къ выходу изъ кандальной и по дорогѣ заглянули на то мѣсто, гдѣ производится повѣшеніе. Мѣсто для этого выбрано у входа между заборомъ и однимъ изъ бараковъ, передъ самыми его окнами.

„Зачѣмъ же это выбрали такое мѣсто,—говорю я,—вѣдь изъ оконъ сюда видно, а видъ смертной казни, мнѣ кажется, не способствуетъ моральному исправленію".

„Такъ ужъ заведено, а чтобы меньше было видно, мы производимъ казни на разсвѣтѣ, когда каторга еще спитъ. Висилицу строятъ ночью, а послѣ казни сейчасъ ее ломаютъ",—отвѣтилъ Ф.

Кончивъ осмотръ кандальной тюрьмы, мы прошли въ такъ называемую „вольную" тюрьму. Это довольно саркастическое названіе означаетъ то, что въ этой тюрмѣ помѣщаются окончившіе срокъ испытанія, и пользуются относительной свободой.

Они могутъ работать на волѣ и должны только являться къ утренней и вечерней перекличкѣ. Тутъ уже нѣтъ звона цѣпей, да и пусто теперь, всѣ на работѣ. Обойдя нѣкоторые бараки, надо сказать, вообще очень дрянные, мы прошли въ богадѣльню.

Зрѣлище, которое мы тамъ увидѣли, было страшно тяжелое. Между довольно еще молодыми лицами, встрѣчаются такія, что удивляешься, въ чемъ только душа держится. Одинъ древній старикъ привстать не могъ при нашемъ входѣ, а такъ и продолжалъ сидѣть, сгорбивши свое дряхлое высохшее тѣло. Онъ насъ уже не замѣчалъ. А вотъ по полу на колѣняхъ ползетъ человѣкъ. Этотъ несчастный въ бѣгахъ отморозилъ себѣ ноги и пришлось отнять ихъ. Тутъ встрѣчаются странные курьезы. Спрашиваю: „сколько тебѣ лѣтъ?"

„Да лѣтъ подъ шестьдесятъ будетъ".

„А сколько тебѣ осталось еще сидѣть?"

„Еще 56 лѣтъ".

Не дурно! А иногда слышишь такой отвѣтъ:

„А мнѣ пожизненная, да еще 20 лѣтъ".

Сначала просто не понимаешь, не шутятъ ли. Оказывается нѣтъ, правда. Говорятъ, былъ даже одинъ случай, когда за однимъ каторжнымъ накопилось 115 лѣтъ каторги. Обыкновенно увеличиваютъ срокъ каторги за побѣги. И случаются такія исторіи: приговорятъ человѣка къ 5 годамъ каторги, отсидитъ онъ уже нѣсколько лѣтъ и не выдержитъ—бѣжитъ. Его ловятъ, наказываютъ плетьми и прибавляютъ нѣсколько лѣтъ каторги, онъ опять бѣжитъ, его опять ловятъ и т. д. Однимъ словомъ, проходятъ десятки лѣтъ, онъ уже почти забылъ о своемъ преступленіи, за которое его прислали сюда, а продолжаетъ сидѣть въ цѣпяхъ за то, что онъ хочетъ свободы. Сколько тутъ народу, который долженъ сидѣть здѣсь до самой смерти, и какова должна быть жизнь ихъ, если у нихъ нѣтъ ни малѣйшей надежды на сколько нибудь лучшее будущее. А настоящее ужасно, отвратительно! Ничего нѣтъ удивительнаго, что люди бѣгутъ. Очень небольшая часть ихъ перебирается черезъ Татарскій проливъ и скрывается на материкѣ. Большинство ловятъ и снова заключаютъ въ тюрьму, или убиваютъ. Здѣсь существуетъ даже охота за бѣглыми. Гиляки и солдаты за каждаго бѣглаго, пойманнаго или убитаго, получаютъ по три рубля. А гиляки, эти жители лѣса, тѣмъ страшны для бѣглыхъ, что умѣютъ они ихъ выслѣживать въ лѣсу и подкрадываться совершенно неслышно, незамѣтно.

Солдаты, озлобленные на бѣглыхъ за убійства своихъ товарищей, иногда перестрѣливаютъ ихъ цѣлыми толпами. Недавно

былъ случай, когда солдаты, мстя за смерть троихъ товарищей, перебили 17 человѣкъ бѣглыхъ. Было это такъ. Толпа бѣглыхъ пришла въ гиляцкую деревню и, угрожая смертью, потребовала чтобы гиляки на лодкахъ перевезли ихъ черезъ Татарскій проливъ. Гилякамъ пришлось согласиться, но они тотчасъ же послали тайкомъ нарочнаго въ сторожевой постъ, находящійся отъ нихъ въ 60 верстахъ, а сами стали приготовлять лодки къ поѣздкѣ, оттягивая время, насколько было возможно. Наконецъ, все было готово и они вышли въ море. Каторжники удивлялись, почему ихъ не везутъ прямикомъ черезъ проливъ, а держатся около берега, но такъ какъ они не были опытными въ морскомъ дѣлѣ, то гиляки съумѣли ихъ убѣдить, что такой уже вѣтеръ и иначе плыть нельзя. Въ это время солдаты съ поста, извѣщенные гилякомъ, уже подошли къ берегу и засѣли за скалы. Когда лодки поровнялись съ засадой, по данному сигналу, гиляки бросились въ воду и поплыли къ берегу, а солдаты перебили всѣхъ каторжныхъ, стрѣляя какъ въ мишень. Это хорошая иллюстрація сахалинскихъ нравовъ.

Вернусь къ дневнику. Изъ богадѣльни мы пришли въ кухню, а затѣмъ въ камеру № 10, гдѣ производится тѣлесное наказаніе. Это отдѣленіе карцеровъ, которые выходятъ дверями въ широкій корридоръ. Въ этомъ то корридорѣ и ставится кобыла, то есть широкая скамья съ вырѣзами для рукъ и ногъ, нѣсколько наклонная, на которую кладутъ и привязываютъ наказуемаго. Насъ встрѣтилъ здѣсь палачъ, высокій, сухощавый человѣкъ, и тотчасъ же вынесъ намъ розги, плеть и ремень для привязыванія. Одинъ видъ этихъ инструментовъ приводилъ въ дрожь; трудно сказать, что лучше, розги или плеть.

Розга — это четыре деревянныхъ прута въ полпальца толщины каждый, скрученные вмѣстѣ. Такъ какъ они по большей части сучковаты, то немудрено, что ими съ перваго же удара просѣкаютъ кожу. Плеть тройная, ременная, длиною аршина въ два и довольно тяжелая. Каждый конецъ въ мизинецъ толщины. Про этотъ страшный инструментъ палачъ выразился такъ.

— „Плетью съ пяти ударовъ можно забить до смерти“.

„А ты можешь съ пяти ударовъ убить?“

„Нѣтъ. Гдѣ мнѣ! Вотъ Комлевъ умѣлъ. Еще хребетъ перешибить могу. А Комлевъ билъ рѣзко и быстро, одинъ ударъ

за другимъ, передохнуть не давалъ, ну, у того духъ и захватывало".

„А ты самъ много плетей получилъ?"—спросилъ его Волкенштейнъ.

„Да штукъ пятьсотъ получилъ, и отъ Комлева попадало".

„Ну, а часто теперь порете?"

„Нѣтъ теперь рѣже!" — вмѣшался Ф. „Теперь доктора мѣшаютъ, а то бы мы ихъ подтянули".

„А развѣ мѣшаютъ?"

„Да конечно, или совсѣмъ освобождаютъ, боленъ говорятъ, или убавляютъ число плетей."

„Ну, а ты можешь очень сильно ударить",—спрашиваемъ мы палача.

„Нѣтъ, теперь по новому положенію, много легче. Теперь локотъ не велятъ отводить отъ туловища, а раньше били съ плеча."

И онъ показалъ пріемы, какъ били раньше и какъ бьютъ теперь.

„Да и доктора, слава Богу, стали освобождать", — прибавилъ онъ.

„Ну, скажи намъ откровенно: тяжело, непріятно тебѣ пороть, или ничего?"

„Какъ же не тяжело, Ваше высокоблагородіе, то же я человѣкъ, и меня тоже пороли, такъ самъ знаю, сладко ли. А вотъ другой разъ бываетъ и обозлишься и бьешь сильно. Это— ежели кто своего товарища убьетъ или другую какую пакость сдѣлаетъ".

„Нечего жалѣть этихъ мерзавцевъ,—перебилъ его Ф., „если бы не жалѣли ихъ, такъ и пакостей они меньше бы дѣлали, а то пока мы вчера играли да пѣли, а тамъ вонъ въ той пади троихъ сторожей укокошили".

Всѣ эти убійства, казни, плети, розги, звонъ цѣпей были для насъ такъ необыкновенны и такъ ужасны, что даръ слова пропалъ и мы только смотрѣли и слушали.

И вотъ, слушая палача и г. Ф., я невольно сравнивалъ ихъ слова и къ ужасу своему замѣтилъ, что палачъ оказывается гуманнѣе помощника начальника тюрьмы, человѣка, въ вѣдѣніи котораго находится около двухъ тысячъ заключенныхъ. Какое

вліяніе можетъ онъ на нихъ имѣть? Положимъ, удивляться особенно нечему. Онъ изъ нижнихъ чиновъ, изъ солдатъ прямо въ помощники начальника тюрьмы попалъ и власть почувствовалъ, и проникся къ себѣ уваженіемъ, и видитъ въ себѣ что то особенное. Грустно, что на такія мѣста назначаютъ такихъ людей, да впрочемъ мало найдется изъ интеллигентныхъ и порядочныхъ людей, которые желали бы занять это мѣсто.

Изъ „вольной" тюрьмы мы пришли въ женскую. Это отдѣльный домикъ, съ отдѣльнымъ входомъ съ площади и при немъ маленькій дворикъ. Помѣщеніе было на 25—30 человѣкъ, болѣе чистое, чѣмъ мужская тюрьма, съ подъемными койками, но заключенныхъ было 6—8.

„Что это ихъ такъ мало здѣсь?

„А всѣ они разошлись или въ прислуги или въ сожительство, а здѣсь остались только вотъ эти".

Одна изъ нихъ была молодая женщина, лѣтъ 20 замѣчательно красивая, съ чертами лица южанки, но такимъ угрюмымъ выраженіемъ большихъ, горящихъ какимъ то огнемъ, глазъ, что я понялъ, почему ее никто не взялъ въ сожительство. Тутъ же была молодая бабенка съ годовалымъ ребенкомъ на рукахъ. Геннадьичъ подошелъ къ ней и сталъ играть съ ребенкомъ; ребенокъ протягивалъ къ нему руки и смѣялся, смѣялась и мать. Вдругъ Ф. говоритъ мнѣ тихо: „А это вотъ, съ ребенкомъ то, та, что дней 5 тому назадъ вмѣстѣ съ любовникомъ убила своего мужа".

На меня просто страхъ напалъ. Какъ же это? Только пять дней прошло, какъ она убила своего мужа, за которымъ пришла изъ Россіи сюда на Сахалинъ, отца своего ребенка, и теперь смѣется, смѣется легко и весело. Я больше не могъ выносить и поспѣшилъ уйти изъ тюрьмы.

Эта женская тюрьма дополнила горькую чашу сегодняшнихъ впечатлѣній. Это какая то ужасная несообразность. Женщина совершаетъ преступленіе и судъ приговариваетъ ее къ наказанію, ее присылаютъ на Сахалинъ; картину прибытія транспорта каторжныхъ женщинъ здѣсь описываютъ такъ: пришелъ пароходъ и женщинъ привели въ постъ Александровскій; тотчасъ же являются начальствующіе люди, чиновники и выбираютъ изъ нихъ себѣ прислугу по вкусу, за ними по чинамъ идутъ надзи-

ратели и тоже подбираютъ себѣ по вкусу сожительницъ, затѣмъ идутъ поселенцы и каторжные. Смотрины и сговоръ кончаются тутъ же. Оставшихся же женщинъ пересылаютъ въ другіе округа въ сожительство, а если они остаются, такъ сказать, за штатомъ, то ихъ помѣщаютъ въ Александровскую тюрьму. Подходящихъ и интересныхъ работъ для женщинъ здѣсь еще не придумали, и вотъ, чѣмъ умирать отъ скуки въ тюрьмѣ, женщины предпочитаютъ идти въ сожительство, все таки хоть какая нибудь да свобода. Такимъ образомъ, сила обстоятельствъ заставляетъ женщину идти въ сожительницы къ человѣку, котораго она первый разъ видитъ, котораго любить она не можетъ.

Къ чему это ведетъ? Женщина перестаетъ уважать въ себѣ человѣка и это толкаетъ ее къ разврату.

И онъ здѣсь распространенъ какъ нигдѣ; развратъ грязный, циничный. И вотъ каторга, наказаніе, цѣль котораго должна быть въ исправленіи, наоборотъ толкаетъ въ развратъ, губитъ женщину. Весь Сахалинъ зараженъ извѣстными болѣзнями *). А на дѣтяхъ какъ все это отражается: посмотрите на этихъ несчастныхъ, блѣдныхъ худосочныхъ ребятишекъ, послушайте, что они говорятъ, и у васъ волосы станутъ дыбомъ. Семилѣтній мальчишка куритъ папиросу и ругается самыми отборными словами, совершенно не стѣсняясь.

А вотъ кучка играетъ въ бѣглыхъ и солдатъ, играютъ въ воровъ, палачей, надзирателей и начальниковъ тюремъ. Неправда-ли, какія миленькія игры?

21 сентября. Сегодня около полудня мы съ Геннадьичемъ и инженер. Калистовымъ отправились осматривать угольныя копи. Къ намъ присоединился докторъ Волкенштейнъ и такимъ образомъ составился цѣлый поѣздъ на трехъ экипажахъ. Ѣхать было недалеко, всего версты полторы, тамъ мы слѣзли съ экипажей и пѣшкомъ уже пошли къ штольнямъ. Угля здѣсь, по словамъ Калистова, очень много, но онъ часто имѣетъ примѣси сланца. Вырабатывается его здѣсь немного, почти только для надобностей Александровскаго поста, хотя, собственно говоря,

---

*) Послѣ нашего посѣщенія Сахалина, четверо изъ нашихъ рабочихъ обратились ко мнѣ за совѣтомъ. Оказалось, что они заразились.

можно было бы и увеличить добычу. Владивостокъ не далеко и требованіе на уголь тамъ большое, сбыть всегда будетъ. Но дѣло разработки велось раньше очень плохо, да и сейчасъ работы идутъ, какъ будто бы для того, чтобы показать, что все-таки, дескать, работаютъ. Инженеръ Калистовъ, недавно еще сюда пріѣхавшій, началъ съ того, съ чего надо было давно начать, то есть съ основательнаго изслѣдованія и изученія распространенія угольныхъ пластовъ. Мѣстность здѣсь очень пересѣченная и пласты изломаны. Паденіе ихъ иногда очень большое, почти до 90°.

Работы безъ плана не мыслимы, и потому нельзя отнестись безъ уваженія къ работѣ Каллистова; онъ очень интересуется этимъ дѣломъ: онъ выбилъ уже массу шурфовъ и теперь составилъ себѣ картину хода угольныхъ пластовъ и вырабатываетъ планъ для добычи угля. Мы съ интересомъ провели съ нимъ нѣсколько часовъ, лазали по горамъ, заходили въ штольни, и онъ все время объяснялъ намъ, какъ ведутся работы, какіе результаты дали его изысканія. Пришли мы въ обѣденное время и потому въ штольняхъ работы не было и можно было свободно осмотрѣть ихъ. Намъ дали по свѣчѣ и мы, зажегши ихъ, углубились въ гору. Штольни представляли собою очень узкіе и низкіе корридорчики; приходилось мѣстами нагибаться, чуть не пополамъ складываться.

Тяжелое непріятное впечатлѣніе получается, когда представишь себѣ, что здѣсь въ темнотѣ, сырости, глубоко подъ землей люди проводятъ цѣлые дни. Въ нѣкоторыхъ штольняхъ было очень сыро, текло со стѣнъ и на полу стояли лужи, но воздухъ не былъ особенно тяжелъ, свѣчи горѣли ярко. Это потому, что здѣсь была устроена хорошая вентиляція.

Но въ одной изъ штоленъ, гдѣ вентиляціи не было, воздухъ былъ спертый, тяжелый, свѣчи давали только слабый свѣтъ и дышать было трудно. Въ одной изъ штоленъ были проложены рельсы и уголь вывозился въ вагончикахъ, въ другихъ же его перевозили по доскамъ на ручныхъ тачкахъ, что значительно труднѣе и не такъ удобно. Когда мы выходили изъ послѣдней штольни, къ ней подошла партія кандальныхъ съ тачками за углемъ, который они доставляли на пристань. При каждой тачкѣ было 8 человѣкъ рабочихъ, которые и тянули ее по избитой

мѣстами и грязной дорогѣ. Тутъ становилось понятно, что такое каторжная работа; это — тяжелая работа, съ громадной затратой времени, силъ, затратой совершенно безполезной, такъ какъ устрой ее разумно, и времени и силъ тратилось бы меньше, а результаты получались бы гораздо бо̀льшіе. И сами рабочіе это понимаютъ прекрасно, и потому работа не только теряетъ свой интересъ, но становится для нихъ скучной, противной.

Въ самомъ дѣлѣ, въ данномъ случаѣ тяжелую тачку съ углемъ по плохой дорогѣ тащутъ 8 рабочихъ. Разстояніе всего $1^1/_2$ версты, т. е. очень небольшое. За цѣлый день они успѣваютъ отвести на пристань только 3 тачки, и при этомъ устаютъ. А что если бы проложить отъ копей до пристани рельсы, вѣдь мѣсто совершенно ровное и техническихъ затрудненій не встрѣтилось бы, лѣсъ на шпалы подъ руками, рукъ свободныхъ сколько угодно, выпиши рельсы и строй. И вышло бы вотъ что; теперь тачку везутъ 8 человѣкъ, тогда для такой тачки, даже еще болѣе тяжелой, понадобится только двое, и свезли бы они не три раза, а разъ 6 или 7, а если бы замѣнить ручную тягу конной, дѣло бы шло еще живѣе. Освободилось бы много рукъ, которые пошли бы на увеличеніе добыванія угля; и тогда рабочій чувствовалъ бы, что онъ сознательно трудится, что онъ приноситъ существенную пользу, и трудъ пересталъ бы быть скучнымъ, противнымъ, да и доходы увеличились бы, что можно было бы обратить на улучшеніе быта рабочихъ. А что этотъ бытъ рабочаго требуетъ улучшенія, мы увидали тутъ же.

Осмотрѣвъ въ копяхъ все, что можно было осмотрѣть, мы отправились къ казармамъ, въ которыхъ помѣщаются рабочіе изъ „вольной" тюрьмы. Калистовъ предупредилъ насъ, что мы встрѣтимъ нѣчто очень плохое, но дѣйствительность оказалась болѣе, чѣмъ ужасна. Казармы эти были не что иное, какъ маленькія тѣсныя избы, до половины вросшія въ землю. Снаружи они очень плохи; стекла перебиты, стѣны покосились, крыша разваливается, но то впечатлѣніе, которое мы получили при входѣ въ эти казармы, не поддается описанію. Когда мы вошли въ одну изъ нихъ, насъ поразилъ какой-то особый кислый запахъ. Въ одномъ углу была печка, вѣрнѣе не печка, а просто куча кирпичей, на которой что то жарилось или варилось; дымъ и чадъ шли прямо въ избу; стѣны были просто поразительны, это было скорѣе рѣ-

шето, чѣмъ стѣны; бревна разошлись и между ними остались щели, мѣстами вершка въ два ширины. Увѣряю васъ, что не преувеличиваю. По срединѣ избы сплошныя нары; пола нѣтъ, а просто въ проходѣ положены на землю доски, стучащія и двигающіяся, какъ клавиши на фортепьяно. Эти избы полны народомъ. Трудно себѣ представить, что нибудь худшее. Люди изъ душныхъ, темныхъ шахтъ приходятъ домой, чтобы отдохнуть и утолить голодъ, и попадаютъ въ какую то яму, предназначенную скорѣе всего для распространенія болѣзней, а не въ избу.

— Обратили вы, господа, вниманіе на эти жилища? Представьте себѣ весь ужасъ: въ этихъ казармахъ живутъ и зимою. Какая здѣсь бываетъ температура и воздухъ?—говоритъ Калистовъ.

— Ваше Высокоблагородіе, посмотрите, какой хлѣбъ намъ отпускаютъ?—обратился къ намъ одинъ изъ рабочихъ, протягивая кусокъ ржанаго хлѣба.

Хлѣбъ былъ совсѣмъ сырой, непропеченый, липкій и вязкій, какъ замазка.

— Скажите, Ваше Высокоблагородіе, чтобы пропекали хлѣбъ, а то животы болятъ отъ сырого-то,—просили рабочіе.

Обѣщавъ поговорить объ этомъ съ кѣмъ слѣдуетъ, мы вышли изъ казармы съ страшно тяжелымъ чувствомъ. Развѣ изъ осмотра тюрьмы, работъ и этихъ казармъ не стало ясно, почему, собственно говоря, работы на Сахалинѣ ведутся изъ рукъ вонъ плохо, отчего такъ деморализованы каторжные?

Вѣдь если желаютъ, чтобъ каторга исправляла, а не окончательно портила людей, если хотятъ, чтобы эти люди были полезны, такъ надо и обращаться съ ними, какъ съ людьми, а не уничтожать въ нихъ окончательно сознаніе человѣческаго достоинства.

А если держатъ людей въ конурахъ, которыя и порядочнымъ хлѣвомъ назвать нельзя, если ихъ кормятъ впроголодь и то Богъ знаетъ чѣмъ, если на нихъ смотрятъ, какъ на звѣрей съ величайшимъ презрѣніемъ, то чего же хорошаго и ждать. Каторга портитъ человѣка.

Мнѣ случалось видѣть въ Россіи преступниковъ и на судѣ и послѣ суда, и большинство изъ нихъ или раскаивалось въ со-

совершенномъ преступленіи или были страшно потрясены приговоромъ; цинизмъ, хвастовство встрѣчаются рѣдко.

Здѣсь же хвастаются, кто больше плетей получилъ, кто чаще былъ въ бѣгахъ, кому больше пришлось вытерпѣть; весь воздухъ наполненъ словами: убійство, кража, плети, розги, тюрьма, побѣгъ, повѣшенье, и если у васъ, новичка, волосы дыбомъ встаютъ, то здѣшніе обитатели и каторжные и администрація къ этому совершенно привыкли. Чувства огрубѣли, притупились. Однажды, въ минуту откровенности г. Ф., сказалъ: „Знаете, я живу здѣсь не долго, и то чувствую, что начинаю звѣрѣть, а мой начальникъ уже совсѣмъ озвѣрѣлъ“. Это съ одной стороны, а съ другой, отношеніе къ каторжному, какъ къ существу низшему, безправному, сознаніе этого безправія, сознаніе горькое, безнадежное, убиваютъ въ немъ его лучшія духовныя силы и онъ дѣйствительно озвѣрѣваетъ.

23 сентября. Наконецъ вчера утромъ пришелъ пароходъ „Сунгари“, на которомъ мы должны ѣхать во Владивостокъ. Сдѣлавъ прощальные визиты, мы съ Геннадьичемъ и рабочими отправились на пристань. Природа насъ такъ же сурово провожала, какъ и встрѣчала; хотя вѣтеръ былъ не особенно крѣпокъ, но волненіе было сильное и мы съ трудомъ по штормъ-трапу взобрались на пароходъ, а товарища прокурора, у котораго была ампутирована одна рука, пришлось обвязать поперегъ туловища веревкой и такимъ образомъ поднять на бортъ. Пріѣхалъ насъ провожать д-ръ Волкенштейнъ и помогалъ намъ грузить багажъ. Онъ за время нашего короткаго знакомства произвелъ на насъ впечатлѣніе очень симпатичнаго и интеллигентнаго человѣка, и мы съ чувствомъ пожали ему руку, пожелавъ, какъ можно скорѣе выбраться съ этого ужаснаго острова.

Пріѣхалъ и г. Ф. и тотчасъ же поймалъ одного изъ каторжныхъ, которые грузили уголь, въ сбытѣ фальшивой монеты.

Произошло это такъ. Одинъ изъ каторжныхъ сговорился потихоньку съ китайцемъ-буфетчикомъ, и взялъ бутылку спирта за 5 рублей, при чемъ далъ тому золотой пятирублевикъ. Только потомъ китаецъ замѣтилъ, что монета что то очень легка и не совсѣмъ ясно изображеніе орла. Онъ сейчасъ обратился къ г. Ф. и тотъ быстро нашелъ виновнаго, который тутъ же и сознался.

Пріѣхали бы меня провожать д-ръ Салмановъ, старшій военный врачъ и д-ръ Булыгинъ, мой товарищъ по университету, но волненіе поднялось такое, что катеръ не рискнулъ причалить къ пароходу, къ тому же было очень темно и они вернулись назадъ.

Сегодня оказалось, что уйдемъ мы только въ 8 часовъ вечера, а потому тов. прок. Семеновъ и Геннадьичъ съѣхали на берегъ. Около полудня пріѣхали на пароходъ Салмановъ и Булыгинъ. Какъ пріятно было видѣться съ человѣкомъ, съ которымъ не видался съ самаго университета, и встрѣтился за 10,180 верстъ отъ Петербурга, какъ значится на столбѣ около почтовой конторы въ Александровскомъ посту.

Оказывается, онъ живетъ здѣсь вотъ уже два года въ Дуэ въ качествѣ военнаго врача и ему предстоитъ пробыть еще полтора года. Не могу позавидовать ему. Въ разговорахъ, въ воспоминаніяхъ прошелъ цѣлый день и пароходъ сталъ готовиться къ отходу, нашихъ туристовъ еще не было, и потому капитанъ сталъ звать ихъ свистками. Наконецъ, около 8 часовъ они возвратились и пароходъ, поднявъ якорь, направился къ Корсаковскому посту. Вечеромъ мы перезнакомились съ пассажирами. Съ нами ѣдетъ сессія Владивостокскаго окружного суда, лѣсной инспекторъ изъ Хабаровска и еще пожилая дама съ дочкой, только что вышедшей замужъ за офицера, который теперь на войнѣ въ Китаѣ. Познакомились и провели весело вечеръ, попѣли, поговорили, причемъ нашлась масса общихъ знакомыхъ, и довольные, что мы не на Сахалинѣ, а уже въ морѣ, и не видимъ всѣхъ сахалинскихъ ужасовъ, разошлись по каютамъ.

25 сентября. Корсаковскій постъ. Сегодня рано утромъ мы пришли къ Корсаковскому посту, собственно намъ было нужно пристать къ Маукѣ (рыбный промыселъ на западномъ берегу Сахалина), но изъ-за сильнаго вѣтра подойти мы не могли и пришли прямо сюда. День прекрасный, вѣтеръ утихъ, небо прояснилось и мы съ Геннадьичемъ рѣшили съѣхать на берегъ. Корсаковскій постъ расположился въ глубинѣ залива, на гористомъ берегу. Съ горы къ морю спускается не широкая улица, обсаженная деревьями; дома, издали чистенькіе, тонутъ въ массѣ зелени. Вообще видъ очень привѣтливый и по нему нельзя предположить, что тутъ находится тюрьма не менѣе страшная, чѣмъ въ Александровскомъ. На берегу построена пристань и

сообщенiе съ судами поддерживается также двумя катерами. Мы переправились на берегъ и тамъ пошли бродить по улицамъ. Зайдя въ одну лавку, чтобы купить папиросъ, мы разговорились съ хозяиномъ, и онъ предложилъ намъ купить три сценки каторжной жизни, сдѣланныя изъ хлѣба и раскрашенныя, которыя здѣсь работаетъ одинъ изъ каторжныхъ. Группы эти были великолѣпно сдѣланы; въ фигуркахъ каторжниковъ и солдатъ прекрасно было передано движенiе, всѣ детали костюма, даже выраженiе лицъ. Двѣ изъ группъ изображали зимнiя работы каторжныхъ; одна представляла, какъ каторжные въ заплатанныхъ бушлатахъ и штанахъ волокомъ тащутъ бревно, другая—какъ они везутъ сани, нагруженныя дровами. Какъ хорошо передано ихъ напряженiе, усилiя при этомъ. Третья группа представляетъ сцену наказанiя розгами; два солдата держатъ лежащаго на кобылѣ обнаженнаго каторжника, его тѣло покрыто кровавыми полосами, кровь сбѣгаетъ на кобылу. Надъ нимъ стоитъ палачъ замахнувшись для удара, съ пучкомъ розогъ въ рукѣ, на полу валяются растрепавшiяся розги, а подлѣ стоитъ толстенькiй откормленный господинъ, въ формѣ начальника тюрьмы. Какъ натуральны позы и окраска, такъ и кажется, что истязаемый сейчасъ закричитъ. Мы тотчасъ же прiобрѣли эти группы. Изъ лавки мы отправились на пароходъ и прiѣхали туда къ обѣду. Только что сѣли за столъ, является какой то молодой офицеръ въ чистенькомъ, новенькомъ мундирчикѣ, гладко выбритый, съ изряднымъ брюшкомъ, розовый, просто кровь съ молокомъ, и въ лицѣ что то такое олимпiйское.

„Кто это?“ спрашиваю потихоньку.

„Начальникъ здѣшней тюрьмы, г. Ш.“ отвѣчаютъ.

Онъ садится рядомъ съ капитаномъ и начинается разговоръ, конечно, тотчасъ же перешедшiй на каторгу, наказанiя и тому подобное. Сахалинцы кажется не могутъ проговорить десяти минутъ, чтобы не съѣхать на ихъ излюбленную тему. Это, такъ сказать, пунктъ ихъ помѣшательства. Я прислушался къ разговору.

Начальникъ тюрьмы молодцовато опрокинулъ въ ротъ рюмку водки, аппетитно закусилъ и продолжалъ.

„Да, каторга распущена, безобразiе страшное, тутъ надо много труда, чтобы привести все въ порядокъ; но я все таки

надѣюсь. Я противъ тѣлеснаго наказанія, это унижаетъ и портитъ человѣка, я предпочитаю одиночное заключеніе, вотъ, напримѣръ, у меня есть такой молодецъ Горскій—не желаетъ повиноваться и кромѣ того возмущаетъ всю каторгу. Я его посадилъ въ карцеръ и буду держать тамъ, пока не смирится; я ихъ сломлю, не смирится мѣсяцъ, продержу два, три, наконецъ годъ, два и все таки сломлю".

— А развѣ можете вы безъ суда своею властью держать въ одиночномъ заключеніи годъ, два?

— Конечно могу, и никто не имѣетъ права вмѣшиваться.

— Собственно говоря, прокурорскій надзоръ, насколько мнѣ извѣстно, долженъ наблюдать за дѣйствіями начальника тюрьмы?,— тихо съ другого конца стола замѣтилъ членъ суда П.

— Конечно, конечно — спохватился Ш.,—я хотѣлъ сказать, что мнѣ дано право сажать въ одиночное заключеніе по моему приговору...—и рѣчь его полилась съ новой силой и онъ наговорилъ столько, что Геннадьичъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, не выдержалъ и всталъ изъ за стола. Въ это время пришелъ Семеновъ и предложилъ намъ ѣхать на берегъ, и если желательно посѣтить тюрьму, гдѣ онъ сейчасъ будетъ дѣлать обходъ. Начальникъ тюрьмы также очень любезно пригласилъ насъ. Мы отправились.

На берегу сначала зашли къ военному врачу Д., посидѣли у него и въ сопровожденіи его отправились въ тюрьму. Едва мы подошли къ воротамъ тюрьмы, какъ уже произошелъ курьезъ.

Товарищъ прокурора приказалъ сторожевому солдату отворить ворота тюрьмы.

— Никого не велено пускать — послѣдовалъ отвѣтъ.

Семеновъ отъ изумленія даже назадъ попятился.

— Кто же это не велѣлъ пускать?

— Господинъ начальникъ тюрьмы.

— Но вѣдь ты, знаешь, что я товарищъ прокурора и имѣю право входить.

— Не могу знать, никого не приказано пускать.

Словомъ, товарища прокурора въ тюрьму не пустили. Квартира Ш. тутъ же противъ воротъ. Семеновъ попросилъ насъ подождать, а самъ пошелъ къ нему. Черезъ нѣсколько минутъ оба они вышли изъ крыльца.

„Ничего подобнаго я не приказывалъ, говорилъ Ш., все перепуталъ этотъ дуракъ. Я приказалъ только докладывать мнѣ, кто бы ни посѣтилъ тюрьму“.

Другими словами, онъ не желалъ, чтобы кто нибудь безъ него былъ въ тюрьмѣ.

„Ну, господа, пожалуйте!“—Ворота со скрипомъ отворились и мы вышли во дворъ. Дворъ былъ чистый, по бокамъ его постройки, тутъ и казарма, богадѣльня и столярная мастерская. Поперегъ двора стоитъ какое то старое зданіе, а за нимъ уже находится кандальная тюрьма. Пройдя туда, мы вошли въ первое зданіе. Это было зданіе для подслѣдственныхъ; оно еще новое, высокое и довольно просторное, хотя не особенно свѣтлое, но въ общемъ несравненно лучше, чѣмъ въ Александровской. Въ первой палатѣ мы нашли человѣкъ 25 заключенныхъ, нѣкоторые были въ кандалахъ, нѣкоторые безъ нихъ.

При нашемъ появленіи они встали и, увидя Семенова, тотчасъ же всѣ окружили его и начали съ нимъ разговоръ, то прося его о чемъ нибудь, то жалуясь.

Начальникъ тюрьмы, потягивая папироску и закинувъ назадъ голову, сверху внизъ смотрѣлъ на заключенныхъ; но въ то же время онъ не переставалъ прислушиваться къ тому, что они говорятъ съ товарищемъ прокурора. Въ этой палатѣ помѣщались преимущественно бѣглые.

— Обратите, господа, вниманіе на этихъ молодчиковъ: бѣгутъ изъ одной тюрьмы въ другую. Вотъ и извольте тутъ порядокъ соблюсти... — говорилъ Ш., указывая намъ на арестантовъ.

— Ваше Высокоблагородіе, прикажите меня расковать, ноги болѣтъ начали, — молитъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, бѣгать умѣешь, такъ умѣй и кандалы носить. Погоди ка, вотъ еще что тебѣ судъ скажетъ.

— А сколько дней ты былъ въ бѣгахъ? — спрашиваетъ Семеновъ.

— На шестой поймали.

— Проступокъ маловажный — какъ бы про себя говоритъ Семеновъ.

— А вотъ это, господа, дворянинъ, помѣщикъ В-ской губерніи — показывалъ намъ Ш.

Передъ нами стоялъ небольшого роста человѣкъ лѣтъ 30, съ русой бородкой, очень смущенный и покраснѣвшій. Очевидно, въ немъ сохранилось еще что то хорошее, и онъ стыдится своего настоящаго положенія.

— Ваше Высокоблагородіе, переведите меня отсюда, — тихо просилъ онъ.

— Нѣтъ, братъ, посиди здѣсь. Не дѣлалъ бы преступленій и былъ бы помѣщикомъ, а то и отсюда бѣгать началъ, — съ величайшимъ презрѣніемъ отвѣчалъ ему Ш.

— Но вѣдь это давно уже было, я измѣнился теперь, я исправился.

— Погоди, братъ, посиди, — и Ш. пошелъ къ выходу.

Въ другой камерѣ произошелъ очень характерный разговоръ.

— Ваше Высокоблагородіе, — обратился къ Семенову каторжанинъ, — Какое же рѣшеніе положите на мое прошеніе?

— Какое твое прошеніе?

— Да я Вамъ уже давно подалъ прошеніе.

— Я ничего не получалъ, а черезъ кого ты послалъ?

— Я отдалъ господину начальнику тюрьмы для передачи вамъ.

Нѣмая сцена. Каторжный и товарищъ прокурора вопросительно смотрятъ на начальника тюрьмы, который съ самымъ небрежнымъ видомъ стоитъ и покуриваетъ, смотря на голубоватый дымокъ своей папироски. Смотримъ и мы, и ждемъ, что онъ скажетъ.

— Вы получали отъ него прошеніе? — спрашиваетъ наконецъ Семеновъ.

— . . . Да, получилъ.

— Отчего же не передали мнѣ?

— Видите ли, я посмотрѣлъ его, оно оказалось совершенной ерундой, такъ вотъ, чтобы не утруждать васъ чтеніемъ всякой ерунды, я его и уничтожилъ.

— Я очень благодаренъ вамъ за любезность — отвѣтилъ Семеновъ, едва сдерживаясь — но покорнѣйше прошу, чтобы это больше не повторялось. Ничего хорошаго не выйдетъ изъ того, что мы будемъ рвать бумаги другъ друга!

Мы вышли изъ камеры.

— Не желаете ли взглянуть околодокъ?

— Съ удовольствіемъ — и мы входимъ туда.

Но что это такое? неужели это околодокъ? Такъ и бьетъ въ носъ кислый запахъ овчины, на полу валяются недошитые полушубки, куски кожи, шерсть. Въ комнатѣ 10 человѣкъ, между которыми видны и больные. Ш. видитъ, какое впечатлѣніе произвела на насъ эта картина.

— У насъ такъ мало помѣщенія въ тюрьмѣ, что я перевелъ сюда скорняковъ; больныхъ здѣсь только четверо, а камера свѣтлая, тѣсноты, какъ видите, нѣтъ.

Мы поинтересовались, чѣмъ они больны и оказалось, что у двоихъ легочный туберкулезъ. И вотъ эти несчастные съ больными легкими должны вдыхать пыль и мелкій волосъ со шкуръ и кислый промозглый запахъ овчины.

— Что же, докторъ часто здѣсь бываетъ? — спрашиваю я больного.

— Нѣтъ, рѣдко заходитъ, — отвѣчаетъ тотъ.

Очевидно, очень рѣдко, иначе какъ же можно было бы допустить скорнячную мастерскую въ больничной камерѣ *). Я слышалъ еще нѣкоторые отзывы каторжанъ о здѣшнемъ тюремномъ докторѣ, но они мною не провѣрены и поэтому я ихъ не передаю.

Докторъ Д. въ это время разговаривалъ съ чахоточнымъ каторжаниномъ и что то улыбался. Я подошелъ къ нимъ.

— Вотъ, позвольте вамъ представить сего субъекта. Спеціалистъ въ работѣ на машинкѣ, — отрекомендовалъ Д.

— Нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, это неправда.

Въ это время мы выходили изъ околодка.

— На какой же машинкѣ онъ работаетъ? — спрашивая я.

— Да развѣ вы не понимаете здѣшнихъ терминовъ? Машинка— это горло, а за нимъ много случаевъ задушенія. Здѣсь же говорятъ—работать на машинкѣ.

У меня морозъ по кожѣ пошелъ. Неужели можно еще острить надъ этимъ?

Да, нужна большая привычка, и здѣсь очевидно не только каторжные, но и интеллигенты совершенно привыкли къ тому, что должно бы было наводить ужасъ и отвращеніе.

*) Въ Петербургѣ уже я получилъ письмо отъ тюремнаго врача, въ которомъ онъ пишетъ, что заявлялъ объ этомъ начальнику тюрьмы.

— Господа, теперь каторжные на работѣ, поэтому мнѣ нечего уже показывать. Развѣ еще зайдемъ посмотрѣть Елену Бубелисъ.

Насъ провели въ отдѣльную камеру, гдѣ мы увидѣли женщину въ платкѣ, съ волосами, выбившимися изъ подъ платка, съ чисто мужскими движеніями и мужскимъ голосомъ. Семеновъ что то заговорилъ съ ней, и я замѣтилъ, какъ она часто ошибалась, говоря о себѣ, какъ о мужчинѣ.

Вообще она была очень странна.

— Кто это?—потихоньку спрашиваю у д-ра Д.

— Это знаменитый гермафродитъ,—отвѣтилъ онъ—она имѣетъ за собою уже нѣсколько убійствъ. Была то мужчиной, то женщиной по мѣрѣ надобности, послѣднее преступленіе совершила, какъ Елена Бубелисъ.

Я снялъ съ нея фотографію и мы вышли изъ камеры.

— Почему она содержится отдѣльно?—спрашиваю я.

— Да ее нельзя держать ни въ мужской, ни въ женской. Въ мужской она ведетъ себя, какъ самая развратная изъ женщинъ, а въ женской какъ мужчина. Кромѣ того у насъ въ корсаковскомъ посту и нѣтъ женскаго отдѣленія. Всѣ женщины идутъ въ сожительство, и которыхъ не берутъ, отсылаютъ въ Александровскій.

Отсюда мы прошли въ одиночные карцера. Это были маленькія, тѣсныя конуры, нѣкоторыя совершенно темныя, такъ какъ свѣтъ проходилъ туда только черезъ маленькое отверстіе въ двери. Въ карцерѣ ни стола, ни стула, ни койки. Вообще нѣсколько смахиваетъ на prigioni во дворцѣ дожей въ Венеціи, развѣ немногимъ лучше.

Это вотъ и есть то орудіе, посредствомъ котораго г. Ш. хочетъ смирить каторгу.

Всѣ карцера были полны. Надъ каждымъ висѣла дощечка съ надписью вины заключеннаго и по чьему приговору онъ сидитъ. На всѣхъ было написано: по приговору начальника тюрьмы

Мы обошли всѣ и въ одномъ замѣтили человѣка въ черномъ пальто, вообще въ вольной одеждѣ. При нашемъ появленіи онъ поднялся съ голаго пола, на которомъ лежалъ и защурилъ глаза, такъ какъ мы открыли дверь и свѣтъ для него былъ уже ярокъ.

— Это кто такой? — спрашиваетъ Семеновъ.

— А это крестьянинъ изъ ссыльныхъ. Онъ напился пьянъ и шумѣлъ на улицѣ, вотъ я его и посадилъ сюда.

Наказаніе мнѣ показалось черезъ чуръ строгимъ. Начальникъ тюрьмы схватываетъ свободнаго человѣка, не находящагося въ его вѣдѣніи, за то, что тотъ напился пьянъ, и сажаетъ его въ темный одиночный карцеръ кандальной тюрьмы.

Кончивъ осмотръ кандальной тюрьмы, мы пошли въ вольную. Сначала зашли въ богадѣльню, народу тамъ было очень много. Много было стариковъ.

— Смотрите ка, какіе старики у насъ есть, вотъ напримѣръ, этотъ туркменъ, — обратился къ намъ Ш. держа за бороду высокаго сѣдого старика суровой, но очень приличной наружности.

Очевидно г. Ш. не считаетъ гадкимъ взять человѣка за бороду и трясти, да еще человѣка стараго и несчастнаго. Что же было говорить съ нимъ объ этомъ.

Изъ богадѣльни прошли въ столярную, видѣли тамъ кой какую мебель.

— Это они мнѣ мебель собираютъ — пояснилъ намъ г. Ш.

По слухамъ, дѣйствительно здѣсь работаютъ исключительно для мѣстной администраціи.

Свой осмотръ тюрьмы мы закончили опять карцерами. Эти послѣдніе были уже внѣ тюремной ограды; это военные карцера, предупредительно предложенные военнымъ начальствомъ тюремному.

Карцера также были совершенно полны и всѣ сидѣли по приговору начальника тюрьмы и нѣкоторые сидѣли довольно долго. Со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на г. Ш.

Въ одномъ изъ карцеровъ было довольно холодно и когда я замѣтилъ объ этомъ, Ш. сказалъ: — „Ничего, довольно тепло“.

Между тѣмъ на печкѣ, исписанной сверху до низу, среди каторжной литературы видно — „карцеръ очень холодный“. Я опять обратилъ общее вниманіе на это. И когда заключенный въ свою очередь пожаловался Семенову, что ему очень холодно, начальникъ тюрьмы приказалъ истопить печь.

Въ одномъ изъ карцеровъ сидѣлъ одинъ людоѣдъ. Этотъ несчастный бѣжалъ изъ тюрьмы вмѣстѣ съ товарищемъ. Пищи

они не могли достать, страшно голодали и оба были почти при смерти. Этотъ еще былъ нѣсколько сильнѣе своего товарища. И вотъ, обезумѣвъ отъ голода, онъ убилъ товарища, вырѣзалъ у него изъ бока кусокъ мяса и зажарилъ. Утоливъ голодъ, остатокъ своей страшной пищи онъ положилъ въ сумку и ушелъ. Но въ этотъ же день былъ пойманъ и у него въ сумкѣ нашли это мясо. Суда надъ нимъ еще, кажется, не было, и сидитъ онъ въ одиночномъ карцерѣ, потому что каторжане его презираютъ и сторонятся. Говорятъ, въ Александровской тюрьмѣ есть одинъ людоѣдъ, или самоѣдъ, какъ называютъ каторжные, который нѣсколько разъ пробовалъ человѣческое мясо и нашелъ его вкуснымъ. У меня есть его фотографія, и на ней онъ мнѣ кажется ненормальнымъ въ психическомъ отношеніи. Обойдя карцера, мы хотѣли было уже уходить. Вдругъ крикъ:—„Господинъ товарищъ прокурора, прошу васъ выслушать меня!"

— Это и есть Горскій, о которомъ я вамъ говорилъ, — пояснилъ г. Ш.,—онъ сидитъ за уклоненіе отъ работы.

Велѣли отпереть дверь и вошли.

Передъ нами стоялъ молодой человѣкъ, въ страшномъ возбужденіи, онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, лицо то краснѣло, то блѣднѣло, налитые кровью глаза лихорадочно блестѣли. Всеобще, мѣсто ему быть скорѣе въ больницѣ, а никакъ не въ одиночномъ заключеніи.

— Выслушайте меня,—почти кричалъ онъ,—что они со мной дѣлаютъ! У меня заболѣли отъ кандаловъ ноги, я работать не могъ и заявилъ объ этомъ; меня посадили въ карцеръ; когда же я сказалъ, что это несправедливо, надзиратели меня избили; я пожаловался начальнику тюрьмы, а онъ велѣлъ меня вытащить въ сарай и тамъ дали мнѣ 29 розогъ. Развѣ же можно такъ безъ суда? Господинъ товарищъ прокурора, прошу васъ, разсмотрите мое дѣло! я больше не могу.

— Хорошо, успокойся, я разберу, правъ ли ты, — отвѣтилъ Семеновъ, и мы направились къ выходу; а въ догонку намъ неслось:

— Неужели же у насъ нѣтъ ни правъ, ни законовъ? Если вы мнѣ не поможете, я буду жаловаться прокурору палаты! Такъ невозможно...

Я былъ ошеломленъ. Въ головѣ стучало, въ ушахъ и во

всемъ существѣ такъ и гудѣло: „Такъ невозможно!“ Скорѣе дальше отъ этого проклятаго мѣста. Я, едва простившись съ своими спутниками, почти бѣгомъ бросился на пароходъ.

Вечеромъ собралась масса публики. Вся интеллигенція Корсаковскаго поста была тутъ. Въ разговорѣ я не могъ скрыть и не сказать, что впечатлѣніе я получилъ ужасное; конечно, всѣмъ это черезъ минуту стало извѣстнымъ.

И при прощаньи помощникъ начальника округа, человѣкъ университетскій, сказалъ мнѣ.

— Я слышалъ, что у васъ впечатлѣніе осталось очень плохое. Но вы были здѣсь всего нѣсколько часовъ и видѣли, собственно говоря, очень мало, а потому ваше впечатлѣніе можетъ быть неправильнымъ. Жаль, что вы не можете дольше пробыть здѣсь, тогда во всякомъ случаѣ вы разобрались бы въ своихъ впечатлѣніяхъ и составили бы болѣе правильное мнѣніе.

Можетъ быть это и такъ, но, благодарю покорно. Съ меня вполнѣ достаточно того, что я видѣлъ; этихъ картинъ не сгладишь всю жизнь изъ своей памяти. Все это слишкомъ ужасно, тяжело.

Скорѣе дальше, какъ можно дальше отъ этого страшнаго острова, гдѣ заживо разлагаются физически и нравственно тысячи людей.

ГЛАВА X.

Отъ Сахалина до Владивостока.

Тайфунъ. — Пароходъ „Сунгари“. — Владивостокъ. — Отъѣздъ Мягкова безъ паспорта.

---

8 октября. Японское море.

Плывемъ мы изъ Владивостока въ Японію на большомъ пароходѣ „Тартаръ“ какой то Канадской компаніи, и вспоминаемъ пережитыя впечатлѣнія.

Изъ поста Корсаковскаго на Сахалинѣ мы вернулись въ Мацку въ Татарскій проливъ, но тамъ не останавливались, а пошли прямо на югъ во Владивостокъ. Плаванье наше было удачно,

если не считать тайфуна, который мы выдержали 27-го; пароходъ бросало какъ щепку, шумъ и вой былъ страшный; но насъ всѣхъ успокаивалъ невозмутимый видъ нашего капитана Э. Среди дня мы прошли, какъ онъ говорилъ, черезъ центръ тайфуна. Картина была очень внушительная и страшная; до этого времени волны, хотя и огромныя, пѣнящіяся, шли въ одномъ направленіи и тумана не было, только сѣдыя клочковатыя облака низко, низко неслись. Но вдругъ мы попали въ туманъ, и характеръ качки измѣнился; вода кипѣла какъ въ котлѣ; волны въ безпорядкѣ съ разныхъ сторонъ неслись одна на другую и встрѣчаясь поднимались, какъ два дерущихся коня поднимаются на заднія ноги, поднявшись цѣлой горой, разбивались въ пѣну, и потомъ стремглавъ падали, образуя глубокую впадину; вѣтеръ сильными порывами дулъ то справа, то слѣва, со всѣхъ сторонъ. Качка была такая, что никакъ на ногахъ не устоишь, все судно трещало.

Но вотъ вѣтеръ подулъ ровнѣе, толчея прекратились, волны пошли правильно въ одну сторону и туманъ разсѣялся.

Въ столовую вошелъ капитанъ.

— Поздравляю, господа; барометръ поднимается, черезъ нѣсколько часовъ будетъ тихо.

— А что, капитанъ, серьезная была буря?

— Да, ничего себѣ, счастливо отдѣлались, а то эта толчея и туманность мнѣ очень не понравились.

Черезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно вѣтеръ сталъ стихать, а другой день была чудная погода, всѣ вылѣзли на палубу. Съ нами ѣдетъ одна пожилая дама съ своей молоденькой дочкой, женой офицера, отправившагося на войну, совсѣмъ ее дѣвочкой. Ее такъ укачало, что она не можетъ оправиться и лежитъ на палубѣ въ креслѣ.

— Смотрите пожалуйста,—шутя жалуется на нее мать,—на эту даму. Вчера меня совсѣмъ укачало, лежу и не двигаюсь, боюсь страшно. А она лѣзетъ ко мнѣ на койку. „Мама, кричитъ, пусти меня къ себѣ, я боюсь“. Мнѣ и самой то тѣсно, а извольте еще эту взрослую даму съ собой класть.

Ѣдетъ насъ немного и мы сошлись, по вечерамъ поемъ, разсказываемъ анекдоты.

Самъ пароходъ „Сунгари“ оставляетъ желать многаго. Во-

первыхъ, вонь и грязь на палубѣ невозможная. Кухонные отбросы выплескиваютъ прямо на палубу въ желобъ; но въ желобѣ все это застаивается и воняетъ. Жаловались капитану; послалъ вычистить и говоритъ:

— Ничего, господа, съ этой оравой китайцевъ не сдѣлаешь. И грубы и лѣнивы до крайности. Каждый рейсъ приходится мѣнять и ресторатора и прислугу, и одни ни сколько не лучше другихъ.

Дѣйствительно, подаютъ все нехотя, чего ни спросишь, ничего почти нѣтъ въ буфетѣ. Только и слышно, что бьютъ посуду. Вообще, пароходы восточно-китайской желѣзной дороги не составили себѣ еще рекомендаціи. Напримѣръ, на пароходѣ, если не ошибаюсь, „Нингута“, былъ такой случай. Механикъ не зналъ точно, сколько угля у нихъ имѣется, и пароходъ ушелъ въ море. Скоро оказалось, что угля совсѣмъ нѣтъ, и принуждены были жечь скамейки и другія деревянныя вещи, чтобы только дотащиться до берега.

Въ полдень 29-го мы пришли во Владивостокъ.

Какъ хорошъ видъ его съ моря. Просторная, окруженная зелеными горами, бухта Золотой Рогъ пестрѣетъ массой судовъ всевозможныхъ типовъ. У берега цѣлый лѣсъ мачтъ китайскихъ джонокъ, между ними виденъ громадный черный корпусъ добровольца съ его чудовищными трубами, а по срединѣ бухты видны бѣлыя, какъ лебеди, военныя суда, отражающіяся на спокойной голубой поверхности воды. По западному берегу бухты раскинулся широкой лентой городъ; его разноцвѣтные дома сбѣгаютъ съ вершины горы къ самой водѣ бухты и уходятъ на нѣсколько верстъ вдоль по берегу до конца бухты. Если хорошъ Владивостокъ съ моря, то этого нельзя сказать, когда очутишься на его улицахъ.

Раскинулся онъ по крутому склону горы, такъ что ходить довольно утомительно. Дома съ моря, кажущіеся красивыми, вблизи ничего не стоятъ; улицы не мощеныя, тротуары деревянные, только одну Свѣтланскую мостятъ, и то сколько лѣтъ собирались. Я помню, что дѣлалось здѣсь два года тому назадъ. Ѣзда по Свѣтланской улицѣ, какъ главной и торговой, всегда большая. Дорога разбивается въ пыль, и при вѣтрѣ эта пыль летитъ цѣлыми тучами; забивается подъ рубашку, набиваетъ

полный ротъ и носъ, засыпаетъ глаза и покрываетъ моментально цѣлымъ слоемъ; вы черезъ пять минутъ кажетесь выкрашеннымъ въ сѣрый цвѣтъ. Теперь пыли на Свѣтланской не будетъ. За два года выстроили много новыхъ домовъ; вообще замѣтно, что городъ растетъ и улучшается. Огромный недостатокъ города — это отсутствіе хорошей гостинницы. Въ прошлый пріѣздъ я останавливался въ гостинницѣ „Тихій Океанъ", но, за неимѣніемъ лучшаго, попалъ въ такой сырой, вонючій и темный номеръ, что до сихъ поръ вспоминаю съ содроганіемъ. Цѣны были очень дорогія. Теперь, не рѣшаясь останавливаться въ „Тихомъ Океанѣ", мы остановились въ номерахъ Ефимова, но нисколько не выиграли. За три рубля въ день намъ дали отвратительную грязную конуру. Прежде всего мы велѣли выкинуть ковры, въ которыхъ пыли было больше, чѣмъ матеріи; но съ грязными обоями, старымъ и стертымъ поломъ пришлось помириться. Цѣны и здѣсь на все большія; напиться втроемъ кофе обходилось въ рубль и больше; за нѣсколько чайныхъ ложекъ варенья къ чаю — полтинникъ.

Обѣдать при такой грязи мы не рѣшились и предпочли ходить въ ресторанъ Шуина на Алеутской улицѣ, гдѣ хотя тоже было не дешево, но за то хорошо кормили. Тамъ мы почти каждый вечеръ проводили въ компаніи, съ которой пріѣхали съ Сахалина. Дѣлать было нечего, приходилось сидѣть и ждать парохода, а скука была страшная; у насъ былъ только одинъ знакомый семейный домъ, поэтому мы просто принуждены были просиживать вечера въ ресторанѣ. Развлеченій въ городѣ никакихъ. Есть что то подобное въ гостинницѣ „Тихій Океанъ"; мы одинъ разъ зашли туда; тамъ на сценѣ что то пѣли, танцовали, и декламировали, но все это было такъ гадко, пошло, и до того далеко отъ искусства, что мы предпочли по вечерамъ отдаваться „тихимъ желудочнымъ радостямъ", какъ выражался одинъ изъ компаніи.

По городу было какъ то совершенно незамѣтно, что рядомъ идетъ война. По улицамъ бродила масса китайцевъ, мостовую дѣлали на Свѣтланской улицѣ китайцы, въ лавкахъ торговали китайцы; однимъ словомъ, отношенія, повидимому, не измѣнились, и, глядя на жизнь Владивостока, никто бы не могъ сказать, что китайцы наши враги. Вообще война на городѣ не отразилась

ни въ чемъ, развѣ только необыкновеннымъ могло показаться множество военныхъ врачей, разгуливающихъ по городу, и наполняющихъ рестораны. Ихъ сразу привезли такую массу, что и дѣла имъ не нашлось.

Недавно прибыли сюда матросы — защитники миссіи въ Пекинѣ, выдержавшіе 50 дневную осаду; они молодцовато разгуливали по городу, украшенные георгіевскими ленточками на груди.

Пріѣхали наконецъ и Карлъ Иван. съ остальными нашими спутниками по экспедиціи, но не долго оставались, и на другой же день на пароходѣ „Дафне" ушли въ Японію, оставивъ намъ Николая.

Мы рѣшили ѣхать отсюда на добровольцѣ „Херсонъ", который скоро долженъ былъ отправиться. Пароходъ огромный, очень хорошій и мы съ удовольствіемъ мечтали, какъ будемъ ѣхать на немъ. Наканунѣ назначеннаго отъѣзда, когда мы собирались уже идти покупать билеты, мы были остановлены. „Херсонъ" военнымъ министерствомъ задерживался на неопредѣленное время, и плата за билеты возвращалась обратно. Непріятность страшная, всѣ пароходы передъ нашимъ носомъ ушли, пока мы дожидались „Херсона", и теперь мы должны сидѣть и ждать. Побѣжали въ агентство, оказывается, пароходовъ скоро не будетъ. Пришлось ждать нѣсколько дней. На наше счастье пришелъ „Тартаръ", и мы уже не медля купили билеты. Передъ отходомъ изъ Владивостока у насъ вышло недоразумѣніе.

Мягковъ потерялъ свой заграничный паспортъ, который я наканунѣ выправилъ.

Послѣ перваго свистка является на бортъ офицеръ для контроля паспортовъ.

— Ваши паспорта, господа! — обращается къ намъ.

Мягковъ лѣзетъ въ карманъ, и вдругъ на лицѣ его выражается не то испугъ, не то недоумѣніе.

— Я должно быть потерялъ паспортъ! — говоритъ онъ.

— Пожалуйста, хорошенько поищите!

Мягковъ побѣжалъ въ каюту, порылся тамъ и возвращается.

— Нигдѣ вѣдь нѣтъ, должно быть въ городѣ уронилъ!

— Тогда вамъ придется остаться, такъ какъ я не могу отпустить безъ паспорта.

Положеніе было скверное; времени до отхода оставалось нѣсколько минутъ, и поздно уже было выправлять паспортъ, а билеты взяты и багажъ уже на пароходѣ.

— Вотъ у меня есть свидѣтельство изъ академіи наукъ; мнѣ кажется, это въ крайнемъ случаѣ можетъ замѣнить паспортъ — говоритъ Мячковъ.

— Покажите пожалуйста! Нѣтъ, къ сожалѣнію это не можетъ замѣнить паспортъ.

— Что же мнѣ дѣлать то?

— Придется остаться, выправить новый паспортъ, если не найдется потерянный, и ѣхать со слѣдующимъ пароходомъ.

— Да вѣдь это мнѣ крайне неудобно! — испуганно уже говоритъ Мягковъ.

— Впрочемъ, можетъ быть у васъ есть здѣсь кто нибудь изъ здѣшнихъ чиновниковъ, кто бы могъ лично засвидѣтельствовать вашу личность?

Къ счастію тутъ былъ членъ суда А., который и росписался въ томъ, что знаетъ Мягкова, а офицеръ поставилъ штемпель на академическомъ листкѣ и Мягковъ могъ спокойно ѣхать.

Офицеръ сложилъ бумаги и ушелъ, а пароходъ, давъ третій свистокъ, медленно отошелъ отъ пристани и тронулся къ выходу.

Какъ мы довольны, что до самой Одессы избавлены отъ разныхъ безпокойствъ изъ-за паспорта.

Сегодня дуетъ вѣтерокъ и разошлось волненіе. Фосфоресценція удивительная. Кажется, что все море горитъ.

ГЛАВА XI.

Японія.

Моджи, желѣзная дорога до Нагасаки. — Hôtel Nagasaki. — Бѣготня по магазинамъ. — Встрѣча наслѣднаго принца. — Прогулка въ Моги. — Въ чайномъ домикѣ. — Мы уѣзжаемъ. — Кое что о японцахъ.

9 (22) октября. — Вотъ и Японія. Пароходъ, быстро разсѣкая воду, плыветъ между живописныхъ зеленыхъ острововъ; всѣ вышли на палубу; воздухъ чистый свѣжій; легкій вѣтерокъ уже

доноситъ къ намъ запахъ зелени; вокругъ изъ изумрудной воды моря поднимаются острова, покрытые зеленью самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Низа острововъ и всѣ болѣе пологіе скаты горъ разбиты террассами. Мало земли у японцевъ и они дорожатъ ею: ни одинъ клочекъ не пропадаетъ даромъ; вездѣ видна работа рукъ человѣческихъ и работа тяжелая, такъ какъ не легко было изъ поросшихъ лѣсомъ крутыхъ склоновъ горъ образовать террассы, провести всюду орошеніе и приготовить почву для такой высокой культуры, какъ культура риса. Но здѣсь и климатъ приходитъ на помощь японцу. Теперь уже конецъ октября, а тепло, какъ въ хорошій весенній день. Жизнь кипитъ ключемъ. Все море, куда ни взглянешь, покрыто мелкими барками и лодочками, бѣлые паруса которыхъ вдали кажутся крыльями чаекъ. Впереди уже видно Моджи. На плоскомъ берегу виднѣются полоски домовъ, изъ за цѣлаго лѣса мачтъ торчатъ фабричныя трубы и струйки дыма тянутся къ ясному голубому небу, а за ними на горизонтѣ сквозь нѣжную дымку утренняго тумана вырисовываются цѣпи горъ.

Только что мы успѣли позавтракать, какъ пароходъ бросилъ якорь. Тотчасъ на трехъ катерахъ къ намъ пріѣхала цѣлая орава японскихъ чиновниковъ; маленькіе, поджарые, уродливые, они лазали по каютамъ, что-то писали, осматривали въ лицо каждаго пассажира и опять что то записывали. Въ этомъ прошелъ цѣлый часъ. Наконецъ пассажиры стали садиться въ лодки; но все это было не такъ удобно: у одного и того же трапа столпились и катера, и шлюпки, и сюда же подъѣхала барка съ нагрузчиками угля, японцами и японками; послѣ страшныхъ мученій мы всетаки добились толку; нашли лодку и поѣхали на берегъ; пристали мы въ устьѣ рѣчки къ таможенному зданію; тамъ нашъ багажъ подвергся тщательному осмотру, весь его перерыли, но пошлинъ ни съ чего не взяли. При этомъ вышло маленькое недоразумѣніе: Мягковъ положилъ въ корзину нѣсколько дюжинъ уже снятыхъ фотографическихъ пластинокъ, и чиновникъ непремѣнно хотѣлъ вскрыть ихъ и посмотрѣть, что въ нихъ находится; Мягковъ понятно не давалъ ему открывать на свѣту, и большого труда стоило уговорить его; хорошо что при насъ были академическія свидѣтельства, они были прочитаны и насъ сейчасъ же отпустили, иначе вся работа могла бы про-

пасть; но если мы ничего не заплатили въ таможнѣ, то пришлось заплатить почему то 4 іены (4 рубля) лодочникамъ. Вокзалъ желѣзной дороги оказался недалеко и мы сейчасъ же взяли билеты и сдали багажъ. Что то поразительно дешево; за 10 часовъ ѣзды въ первомъ классѣ мы заплатили 3 р. 50 к., за багажъ же ни копѣйки; компанія нашей прибавилось и ѣдемъ мы вчетверомъ, къ намъ присоединился молодой артиллерійскій офицеръ, совсѣмъ больной; ѣсть онъ почти ничего не можетъ, худъ страшно, и голосъ совершенно пропалъ; ѣдетъ онъ лечиться въ Японію и просилъ насъ быть его спутниками.

Закусивъ въ небольшомъ японскомъ ресторанчикѣ, мы усѣлись въ вагоны. Вагоны довольно узкіе; вдоль стѣны кожаные диваны для сидѣнья; окна большія, на потолкѣ электрическія лампочки.

Поѣздъ тронулся. Передъ глазами замелькали одна за другой чудныя картины. Между холмовъ, покрытыхъ темной зеленью сосенъ, уступами спускаются желтыя рисовыя поля.

Рисъ ростетъ только при обиліи воды; поэтому, чтобы сѣять его, нужно поверхность сдѣлать совершенно горизонтальной и такимъ образомъ удержать воду. Это достигается постройкой невысокихъ плотинъ, пространство между которыми выравнивается, и цѣлой системой маленькихъ примитивныхъ шлюзовъ, посредствомъ которыхъ спускается вода по мѣрѣ надобности. Передъ жатвой вода спускается и образуется тонкая корка, подъ которой находится слой вязкаго ила. Сколько труда надо потратить на расчистку почвы! И японецъ трудолюбиво все это исполняетъ. Какія чудныя шоссе вы видите здѣсь, какіе живописные мостики, и вездѣ на поляхъ, на дорогахъ копошится народъ; вотъ передъ глазами проходитъ деревня; мелькаютъ маленькіе чистенькіе домики, съ красиво вогнутыми крышами; около каждаго садикъ съ фруктовыми деревьями. Вездѣ кипитъ жизнь, работа. Глазъ не утомляется, какъ въ Германіи, однообразіемъ ровныхъ распаханныхъ полей, перерѣзанныхъ правильной сѣткой прямыхъ, какъ стрѣла дорожекъ. Нѣтъ! Здѣсь картины ежеминутно мѣняются, одна лучше другой. Разнообразіе тоновъ поразительное, тоновъ мягкихъ, нѣжныхъ, необыкновенно гармонирующихъ другъ съ другомъ; тутъ и свѣтлозеленыя бамбуковыя рощицы, пальма съ красивыми перистыми листьями, темная зе-

лень сосновыхъ рощъ, апельсины и каки, гнущіяся подъ тяжестью ярко красныхъ плодовъ, горы, равнины, овраги съ звенящими прозрачными снѣгами, черезъ которые перекинуты мостики, ровныя гладкія дороги, красивыми изгибами вьющіяся тамъ и сямъ, изумрудное море и надъ всѣмъ этимъ нѣжно голубое небо, льющее теплые лучи.

Въ вагонъ вошли два японца въ своихъ крылатыхъ костюмахъ. Костюмы на нихъ были шелковые, на головахъ котелки, въ рукахъ зонтики и несесеры, на ногахъ неизмѣнныя деревянныя галоши съ двумя поперечными дощечками.

Когда они сѣли на диванъ и распахнули случайно полы своихъ костюмовъ, то подъ ними ничего не оказалось. Это смѣшеніе котелка, зонтика съ отсутствіемъ нижняго костюма очень характерно для японцевъ.

Они сейчасъ же вытащили маленькіе деревянные ящики, въ какихъ у насъ въ Россіи продаютъ сушеные фрукты, и, раскрывши ихъ, стали аппетитно закусывать, проворно работая палочками, замѣняющими вилку и ложку. Меня это очень заинтересовало и я полюбопытствовалъ, что тамъ такое; вижу, рисъ въ одномъ, а въ другомъ какіе то разноцвѣтные кусочки.

Затѣлось и мнѣ попробовать. На одной изъ станцій мы накупили себѣ этихъ ящичковъ и рѣшили закусить. Хотя съ виду все это было такъ опрятно и красиво, но насъ постигло разочарованіе. Рисъ оказался совершенно прѣснымъ, а эти кусочки, это было что то удивительное. Чего тутъ только не было!

И кусочки рака, и грибы, сладкій хлѣбъ, мясо, какія то овощи, и еще что то для насъ совершенно незнакомое. Все это безъ соли, съ запахомъ японской сои и сильно сдобрено перцомъ. Весь завтракъ стоилъ 15 центовъ.

Я рѣшилъ на себѣ произвести экспериментъ, перенесетъ ли европейскій желудокъ эту японскую стряпню, и съѣлъ весь завтракъ, т. е. оба ящичка. Оказывается, ничего—переноситъ. Все это заливается жидкимъ чаемъ, который вмѣстѣ съ чайникомъ и чашкой продается тутъ же за 3 цента.

Наступилъ вечеръ. Въ вагонѣ зажгли электричество; стало скучно и всѣ задремали. Изъ за стѣнки же, отдѣляющей насъ отъ 2-го класса (нашъ вагонъ былъ mixte) доносился говоръ и смѣхъ; пошли туда; тамъ было много народа, и европейцевъ, и

японцевъ. Ѣли тотъ же японскій завтракъ и хохотали. Мы присоединились, на слѣдующей станціи купили пива и стали угощаться.

Мнѣ пришлось сѣсть рядомъ съ молоденькой японкой. Ихъ было нѣсколько и онѣ сидѣли на диванахъ, поджавъ подъ себя ноги.

Отъ нечего дѣлать предложилъ моей сосѣдкѣ пива. Ничего, взяла, выпила, потомъ сама налила чашку и протянула мнѣ, Мягковъ угощалъ другую. Публика видя, что мы уже завязали знакомство съ японками, еще больше развеселилась. Посыпались шутки, остроты.

Черезъ нѣсколько времени японки, видимо уставшія, отвернулись къ стѣнѣ, имъ хотѣлось спать, но лечь было никакъ нельзя, чтобы на испортить ихъ затѣйливой прически. Поэтому онѣ выбрали самыя невозможныя позы: одна сидя съ ногами на диванѣ прислонилась лбомъ къ стѣнѣ, другая какъ то совсѣмъ согнулась и уперлась лбомъ въ сакъ-вояжъ. Если бы меня такъ согнули, я, кажется, умеръ бы на мѣстѣ.

Но вотъ поѣздъ остановился: Нагасаки. Вышли изъ вагона; рѣшили оставить багажъ на вокзалѣ а самимъ ѣхать въ гостинницу.

Я два года тому назадъ останавливался въ Hôtel Nagasaki, и только эту гостинницу и зналъ. Наняли мы дженрикши, маленькія колясочки, которыя везутъ люди, и отправились туда. Дженрикши, съ разноцвѣтными фонарями, проворной рысью, по временамъ покрикивая, повезли насъ въ городъ.

Ночь, на узкихъ улицахъ совсѣмъ темно, и удивляешься, какъ дженрикши быстро и смѣло бѣгутъ по нимъ, ни разу ни на кого не натолкнувшись. На право открылась бухта, на темной поверхности которой свѣтились какъ звѣзды огни судовъ, а на другой сторонѣ ея весь залитый огнями блестѣлъ Hôtel Nagasaki.

Ѣхать намъ пришлось добрыхъ полчаса.

Наконецъ доѣхали, входимъ.

— Есть свободные номера?

— Есть, пожалуйте!

— А какая цѣна?

— 8 іенъ съ человѣка въ день на полномъ пансіонѣ.

Дорого, но что же дѣлать. Ночью искать отеля неудобно.

Согласились. Отвели насъ въ третій этажъ и размѣстили по комнатамъ. Намъ съ Мягковымъ дали одну большую комнату, освѣщенную двумя маленькими лампочками. Кровать одна, хотя такая, что и втроемъ спать можно. Но всетаки, 16 рублей въ день за комнату съ одной кроватью, хотя бы и съ продовольствіемъ — дорого.

Нашъ спутникъ офицеръ страшно хочетъ пить.

— Дайте, говоритъ, чего нибудь горяченькаго, хоть чаю.

— Нѣтъ, отвѣчаютъ, горячаго ничего нѣтъ, уже поздно.

— Ну, дайте хоть пива.

Принесли. Полбутылки пива 60 цент., десятокъ скверныхъ папиросъ 30 коп. Однимъ словомъ, завтра надо уѣзжать.

23 октября. Проснулись и потребовали кофе.

Подали чортъ знаетъ какую бурду. Переодѣлись, позавтракали внизу и выбрались на улицу.

Какъ хорошо утро въ Нагасаки. Рейдъ еще покрытъ утреннимъ туманомъ. Сквозь синеватую дымку виденъ цѣлый городъ судовъ всѣхъ флаговъ, всѣхъ цвѣтовъ. Катера и шлюпки скользятъ по зеленоватой водѣ во всѣхъ направленіяхъ. По набережной, обсаженной деревьями, взадъ и впередъ бѣгутъ дженрикши въ бѣлыхъ шляпахъ, похожихъ на грибъ, черныхъ костюмахъ въ обтяжку, таща за собою маленькія двухколесныя колясочки. Отъ воды вѣетъ прохладой. Цѣлый день мы бродили по магазинамъ. Тутъ такъ много интереснаго, оригинальнаго, что не хочется уходить съ улицы; деньги такъ и текутъ изъ кармановъ. Александръ Геннадьичъ въ первый же день истратилъ на покупки 70 руб. Идя по улицѣ вы, не входя въ лавки, видите всѣ товары, такъ какъ передняя стѣна магазина вся снимается. Нѣкоторыя отрасли кустарнаго производства японцевъ стоятъ гораздо выше европейскихъ. Напримѣръ, деревянныя издѣлія. Съ какимъ вкусомъ и терпѣньемъ сдѣланы всѣ эти столики, ящички, коробки; какая мелкая и красивая деревянная мозаика, и все это стоитъ грошъ. Просто удивляешься, какъ могутъ они такъ дешево работать. А вотъ работы изъ черепахи и слоновой кости, онѣ прямо высоко художественны. Какой богатый замыселъ и какое чудное исполненіе. Если вы посмотрите японскія шерстяныя матеріи, которыя идутъ на костюмы и пояса гейшъ, такъ вамъ будетъ грустно потомъ смотрѣть на наши

безвкусно аляповатые ситцы. У насъ, въ Европѣ, нѣтъ ничего похожаго, такъ богаты рисунки, такъ оригинальны и нѣжны краски. Да, вообще, во многомъ японцы выше европейцевъ. Выше главное тѣмъ, что въ каждой вещицѣ видишь любовь, интересъ мастера къ своей работѣ, а не шаблонъ и чиновничье отношенiе къ дѣлу. Возьмите перегородочную эмаль (cloisoné). Развѣ у насъ такъ работаютъ? Въ одной изъ лавокъ я увидалъ наши русскiе ситцы, между японскими. Мнѣ просто стыдно стало за наше убожество.

Возращаясь домой, мы встрѣтили знакомаго переводчика Хирасе, который былъ со мною въ первое мое посѣщенiе Нагасаки, и при помощи его нашли другой отель — Japan Hôtel, очень скромный, но вполнѣ удовлетворительный.

Послѣ обѣда сейчасъ же рѣшили переселиться, потому что оставаться въ отелѣ Нагасаки не было возможности. Когда намъ подали счетъ, оказалось, что съ насъ слѣдуетъ 40 руб., а еще сутокъ не прошло.

Вечеромъ перебрались въ Japan Hôtel, здѣсь и комнатъ меньше, даже звонковъ нѣтъ, столовая—двѣ маленькiя комнатки. Домъ двухъ этажный деревянный, вокругъ деревья. Въ день съ пансiономъ 3 доллара. Кромѣ того, прислуга говоритъ по русски, и живетъ много русскихъ. Въ столовой слышится русскiй говоръ. Дверь нашей комнаты выходитъ на балконъ, а подъ нимъ какiя то тропическiя растенiя.

Тихо и спокойно.

16 октября. Утромъ мы поѣхали посмотрѣть встрѣчу японскаго наслѣдника. Городъ весь разукрасился флагами бѣлыми съ краснымъ ядромъ посрединѣ, суда на рейдѣ пестрѣютъ всевозможными цвѣтами флаговъ. Движенiе по улицамъ большое; чѣмъ ближе къ вокзалу, тѣмъ гуще становится толпа. По сто-сторонамъ улицъ шпалерами стоятъ ученики и ученицы городскихъ и деревенскихъ школъ, еще наканунѣ пришедшiе въ городъ.

Мальчики въ сѣрыхъ японскихъ халатикахъ съ форменными кепи на головѣ, дѣвочки въ самыхъ яркихъ костюмахъ.

Не доѣзжая вокзала мы остановились, слѣзли съ экипажей, и стали за ряды дѣвочекъ. Къ намъ тотчасъ же подошелъ полицейскiй и что то спросилъ переводчка.

— Это онъ спрашиваетъ, кто вы такіе. Я ему сказалъ, что вы — русскіе доктора.

Но этимъ дѣло не кончилось, полицейскій подошелъ еще разъ, и взялъ у переводчика визитную карточку. Вообще, полиція въ чистенькихъ мундирчикахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ выраженіемъ озабоченности на лицахъ, бродила посреди улицы и выказывала большое усердіе. Нѣсколько человѣкъ изъ публики, въ томъ числѣ и Александръ Геннадьичъ, уставъ стоять, отошли въ сторону и сѣли на камняхъ никому не мѣшая.

Но это показалось почему то неприличнымъ полицейскому, и онъ велѣлъ всѣмъ встать и подойти ближе къ толпѣ. Хирасе это объяснилъ такъ:

— Прежде, по японскимъ обычаямъ, никто не могъ стоять при видѣ микадо или принцевъ, теперь, по новому, никто не можетъ сидѣть, а всѣ должны стоять.

День былъ жаркій, душный, а принцъ что то долго не ѣхалъ. Становилось скучно и чувствовалась усталость. Поддерживала только мысль, что дѣти стоятъ здѣсь на мѣстѣ съ семи часовъ утра, а мы и часу простоять не можемъ.

Отъ нечего дѣлать завязали разговоръ со школьницами и стали наблюдать проѣзжающихъ. Много было курьезнаго въ этихъ японцахъ, парадно одѣтыхъ для такого торжественнаго момента. На нѣкоторыхъ были цилиндры и при этомъ изъ подъ раздувающихся полъ ихъ халатовъ виднѣлись голыя ноги, а на ногахъ шлепали все тѣ же деревянныя галоши. Вообще въ Японіи поражаешься этой странной смѣсью японскаго съ европейскимъ. Вотъ идетъ японецъ, одѣтый уже совершенно по европейски, даже въ желтыхъ башмакахъ, а рядомъ съ нимъ японка съ вычерненными зубами.

Обычай у женщинъ чернить зубы древній, но сохранился и теперь, хотя это очень некрасиво. Чернятъ зубы женщины послѣ свадьбы для того, чтобы показать, что они не желаютъ нравиться другимъ мужчинамъ. Рядомъ съ цилиндромъ, тросточками и перчатками уживается обычай ѣсть двумя палочками или даже больше: бани общія для мужчинъ и женщинъ. Вчера мы ходили осматривать храмы Осува и Дай Буксу, и конечно у насъ явилось нѣсколько вопросовъ относительно религіи японцевъ. Мы обратились за разъясненіемъ къ нашему переводчику.

Но сколько мы ни добивались отъ него, ни на одинъ вопросъ онъ отвѣтить не могъ. Такого полнѣйшаго невѣдѣнія въ вопросахъ религіи я еще не встрѣчалъ. Возьмите самого неразвитаго крестьянина, изъ какого нибудь медвѣжьяго угла, возьмите корейца, вы увидите, что у нихъ есть свои, иногда очень дѣтскіе, не логичные, религіозные взгляды.

Здѣсь же вы встрѣчаетесь съ такимъ индиферрентизмомъ къ подобнымъ вопросамъ, что просто поражаешься. Это не только мое мнѣніе, то же самое говоритъ и здѣшній православный миссіонеръ, съ которымъ мы познакомились. Я на дняхъ купилъ цѣлую коллекцію японскихъ божковъ, (говорятъ, ихъ имѣется здѣсь до 70). Они всѣ имѣютъ свои имена, но въ общемъ продавецъ всѣхъ ихъ называлъ буддами.

Вотъ во что здѣсь обратился буддизмъ!

Итакъ мы стояли и ждали принца. Наконецъ, въ толпѣ произошло движеніе и показалось нѣсколько дженрикши. Всѣ сняли шляпы. Впереди ѣхали различные военные люди въ формѣ, а за ними худощавый молодой человѣкъ, очень обыкновенной японской наружности, который раскланивался съ народомъ, слегка приподнимая шляпу. За нимъ проѣхало нѣсколько десятковъ японцевъ въ европейскихъ костюмахъ и цилиндрахъ, но иногда такихъ, что и Расплюевъ навѣрно постыдился бы надѣть.

Толпа встрѣтила принца какъ то тихо. Никакихъ криковъ, никакихъ овацій, и затѣмъ такъ же тихо стала расходиться.

Сегодня у меня было нѣсколько неожиданныхъ встрѣчъ. Таковъ ужъ городъ Нагасаки, съ кѣмъ только тутъ не встрѣтишься.

Прежде римляне говорили: „Всѣ дороги ведутъ въ Римъ", теперь относительно Востока можно сказать: „Всѣ дороги ведутъ въ Нагасаки". Идя по улицѣ встрѣтилъ товарища, однокурсника доктора К., очень обрадовались.

— Здравствуйте! — кричитъ, — вы откуда и куда?

— Да такъ, изъ дальнихъ странствій возвратясь, пробираюсь домой въ Россію. А вы?

— На плавучемъ госпиталѣ „Царица" пришли изъ Одессы и сегодня идемъ въ Портъ Артуръ. Пріѣзжайте къ намъ, еще успѣете.

Послѣ обѣда мы съ Мягковымъ были на „Царицѣ". Перезнакомились съ врачами.

Оказывается, и К. много поѣздилъ. Служилъ въ Средней Азіи, и вотъ черезъ три года сталкиваемся въ Нагасаки. Ихъ ѣдетъ большая компанія — 8 человѣкъ врачей и 40 сестеръ милосердія, изъ которыхъ, кстати сказать, есть такія интересныя, что иностранцы останавливались на улицахъ и по долгу засматривались. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось долго поговорить. Дали второй свистокъ и мы, простившись, уѣхали. Вечеромъ встрѣтились въ русскомъ госпиталѣ съ д-ромъ Корсаковымъ, который выдержалъ осаду въ Пекинѣ, захворалъ и теперь лечится здѣсь. Съ нимъ мы уже очень давно не видались и потому проболтали съ удовольствіемъ весь вечеръ. Въ нашемъ отелѣ также живетъ одинъ изъ потерпѣвшихъ въ Китаѣ. Это молодой человѣкъ, желѣзнодорожный десятникъ Ясинскій. Онъ былъ захваченъ китайцами, раненъ, посаженъ въ тюрьму, гдѣ его били, морили голодомъ, и держали два мѣсяца.

Онъ самъ не понимаетъ, почему его не убили, а выпустили на свободу. Всѣхъ его товарищей по тюрьмѣ казнили, его самого нѣсколько разъ выводили на казнь, но отмѣняли и снова запирали въ тюрьму. Онъ сообщилъ намъ, что инженера Верховскаго убили и что его голову нашли.

28 октября. Наконецъ, мы кончили наши покупки. Толкаться по магазинамъ надоѣло, захотѣлось прокатиться куда нибудь за городъ и мы отправились съ Мягковымъ, Николаемъ и переводчикомъ въ Моги, мѣстечко, лежащее за небольшимъ переваломъ недалеко отъ Нагасаки.

Дорога отъ Нагасаки въ Моги поразительно красива, ровная, гладкая; она широкой лентой съ причудливыми изгибами вьется по склонамъ горъ надъ зелеными полями, огородами, домами, то спускается въ долину и исчезаетъ въ бамбуковой рощицѣ, то идетъ по берегу рѣчки, въ прозрачную, холодную воду которой смотрятся тонкіе, стройные бамбуки, покачивая своими блѣдно-зелеными перистыми вѣтвями. Вокругъ горы, одѣтыя въ роскошный пестрый покровъ. Среди яркой зелени сосенъ, видны свѣтлозеленыя пятна бамбуковъ, блестятъ гладкія листья пальмъ, темными холмами поднимаютъ свои вершины огромныя камфорныя деревья, туи, кое гдѣ каки гнутся подъ тяжестью

ярко красныхъ плодовъ. Свѣжій горный вѣтерокъ доноситъ ароматное дыханіе лѣса. Звеня по камнямъ несутся внизъ горные ручьи, а сверху, на всю эту чудную картину, съ нѣжно голубого неба, солнце льетъ свои теплые лучи. Вотъ и Моги — рыбачья деревенька, раскинувшаяся на берегу небольшой бухточки, окруженной зелеными горами. Вотъ и отель Моги, такъ часто посѣщаемый туристами. Но нѣтъ теперь того, что прежде привлекало сюда цѣлыя толпы иностранцевъ. Нѣтъ хорошенькой Очіи Санъ, радушной хозяйки этого отеля. Мы были разочарованы и вся картина окружающаго какъ то поблѣднѣла. Очія Санъ, оказывается, сдала отель и живетъ въ Инасѣ, противъ Нагасаки. А какія хорошія воспоминанія остались у меня о тѣхъ дняхъ, что я провелъ здѣсь два года тому назадъ. Вмѣсто нея на столѣ мы нашли книгу, гдѣ расписывались посѣтители. Она была полна самыхъ восторженныхъ похвалъ по адресу Очіи Санъ на всѣхъ языкахъ, и въ особенности на русскомъ. Моги осталось все тѣмъ же живописнымъ мѣстечкомъ, но безъ нея здѣсь чего то не достаетъ.

Съѣвъ нѣсколько раковъ и выпивъ пива, мы вернулись въ Нагасаки, рѣшивъ непремѣнно найти Очію-Санъ; послѣ обѣда съ Мягковымъ отправились въ Инасу, но и тамъ насъ постигла неудача. Мы нашли ея мать Ойю-Санъ, которая сказала, что Очія съ мужемъ уѣхала кататься. Отъ нечего дѣлать посидѣли немного, поговорили.

Ойя-Санъ женщина богатая, имѣетъ нѣсколько домовъ и большое мѣсто въ Инасѣ. Она чувствовала себя нехорошо, живя у воды, и рѣшила выстроить домъ на горѣ, гдѣ воздухъ суше, чище и откуда открывается роскошный видъ на рейдъ и городъ. Одно укрѣпленіе мѣста, сооруженіе террасы съ подпорной стѣнкой обошлось 11 тысячъ рублей. На этой террасѣ она выстроила чистенькій просторный домикъ съ галлереей вокругъ и вокругъ террасы обсадила деревьями. Въ свободныя комнаты она пускаетъ жильцовъ.

— Я люблю общество,—говорила она,—и хотя денегъ мнѣ не надо, я достаточно богата, но мнѣ пріятно, когда у меня въ домѣ народъ. У меня здѣсь живутъ больше русскіе, иностранцевъ бываетъ мало, да я ихъ и не люблю и языка ихъ не знаю.

Пріятно видѣть, какъ хорошо нѣкоторые относятся здѣсь къ русскимъ. Ойя-Санъ и за иностранцевъ ихъ не считаетъ и беретъ съ русскихъ 3 рубля въ день, а съ другихъ по 4.

Отъ нея мы пошли домой. По дорогѣ зашли въ небольшой чайный домикъ, чтобы поиграть на билліардѣ. Этотъ домикъ, когда здѣсь стояла русская эскадра, былъ какъ бы клубомъ офицеровъ. Всѣ стѣны увѣшаны фотографіями нашихъ моряковъ, и мы нашли тамъ даже нѣсколькихъ знакомыхъ. Прислужница японка всѣхъ ихъ знала по фамиліямъ.

Вернувшись въ Нагасаки вечеромъ, чтобы окончить, такъ сказать, бѣглый обзоръ города, мы пошли смотрѣть гейшъ. Пригласивъ еще двоихъ русскихъ, подъ предводительствомъ Хирасе, мы отправились въ чайный домикъ. При входѣ насъ попросили снять сапоги и дали туфли. Мы помѣстились въ просторной комнатѣ, усѣвшись на полъ на подушкахъ. Принесли чай и пиво. Скоро явились и гейши Они входя отдали земной поклонъ и сѣли закусывать. Танцы на этотъ разъ имъ не удались. Они танцовали много съ масками и безъ масокъ, съ вѣеромъ, съ платками, подъ звуки барабана и длинныхъ трехструнныхъ гитаръ. Это было очень оригинально, временами пожалуй не дурно. Но раньше, два года тому назадъ, я видѣлъ танцы гейшъ, дѣйствительно граціозные и полные какой то оригинальной прелести. Нынче же гейши были совсѣмъ малолѣтнія и очевидно только учились танцовать. Вышло довольно монотонно и совсѣмъ не изящно.

Пока гейши танцовали, одна маленькая дѣвочка подошла къ Алекс. Геннад. и сѣла рядомъ съ нимъ. Онъ что то писалъ въ свою записную книжку. Она взяла у него карандашъ, книжку и старательно начала выводить цифры, обращаясь къ нему за одобреніемъ. Очень трогательная получилась картина. Гейши поютъ, танцуютъ, а Ал. Генн. держитъ на колѣняхъ маленькую дѣвочку, и смотритъ, какъ та усердно выводитъ свои наивныя каракули.

29 октября. Утромъ пришелъ пароходъ французскаго общества „Сидней“ и мы переселились на него.

Опять вышло приключеніе съ Мягковымъ. Онъ зачѣмъ то поѣхалъ въ городъ, и оттуда одинъ возвращался къ судну. Перевозчикъ ни слова не понималъ по русски, а Алекс. Геннад.

столько же зналъ по японски, и никакъ не могъ объяснить, на какой пароходъ ему нужно. Лодочникъ возилъ его по всему рейду, а время все уходило. Вотъ уже второй свистокъ. Мы начали безпокоиться, поспѣетъ ли Мягковъ, если бы не поспѣлъ, была бы большая непріятность; всѣ вещи уже на пароходѣ, а денегъ у него прямо въ обрѣзъ. Наконецъ, минутъ за пять до отхода, является и онъ, страшно волнуясь и браня перевозчика.

Пароходъ взялъ якорь и медленно пошелъ къ выходу изъ бухты. Прощай Японія, прощай дивная, оригинальная страна!

Какое то странное впечатлѣніе получается послѣ короткаго знакомства съ ней.

По красотѣ природы и мягкому климату, не много найдется мѣстъ на земномъ шарѣ, которыя могли бы съ ней сравниться, и не даромъ много русскихъ ѣздятъ изъ Владивостока въ Японію какъ на дачу, или чтобы полечиться. Дороги прекрасны. Хорошо, если бы у насъ было что нибудь похожее на японскія проселочныя дороги. Желѣзныя дороги доступны по дешевизнѣ и содержатся въ отличномъ порядкѣ. Японскій флотъ военный и коммерческій не уступаетъ европейскимъ. Грамотностью Японія также можетъ похвалиться: трудно встрѣтить неграмотнаго японца и японку. Школъ масса и въ городахъ и деревняхъ. Вотъ стороны жизни, показывающія высокую культуру Японіи. Но съ этимъ какъ то мирятся и деревянныя палочки, которыя японцы употребляютъ вмѣсто вилокъ, страшно неудобныя деревянныя галоши, красивая прическа женщинъ, мѣшающая имъ спать, черненіе зубовъ женщинами, и при этомъ довольно легкіе нравы ихъ. Если японки производятъ хорошее впечатлѣніе какой то особой кошачьей граціей, полной женственности, и своими часто хорошенькими личиками, то японцы прямо непріятны. Они малы ростомъ и очень некрасивы лицомъ. Манеры ихъ слащавыя, льстивыя; они говорятъ, какъ будто захлебываясь отъ удовольствія, присѣдая и потирая себѣ колѣни, но это не мѣшаетъ быть имъ страшно жестокими, мстительными. Я былъ свидѣтелемъ такого факта.

Это было два года тому въ Кореѣ въ городѣ Чемульпо. Мы съ товарищами собирались уѣзжать въ Россію и позвали носильщиковъ корейцевъ взять нашъ багажъ. Багажа было много и передъ подъѣздомъ нашего отеля собралась цѣлая толпа ко-

рейскихъ кули. Одинъ изъ нихъ, желая получить работу, вошелъ въ отель. Насъ въ это время въ прихожей никого не было. Хозяинъ гостинницы сталъ выгонять носильщика, веля ему дожидаться у подъѣзда, пока его не позовутъ. Кореецъ не понялъ, и не уходилъ, тогда хозяинъ и сынъ его вытолкали корейца въ шею, и при этомъ такъ ударили его желѣзной кочергой по головѣ, что тотъ упалъ на дорогу обливаясь кровью.

Я какъ разъ въ это время подходилъ къ крыльцу. Увидавъ меня, корейцы закричали, схватили меня и потащили къ раненому, у котораго текла изъ головы струя крови. Я крикнулъ переводчика и черезъ него объяснился съ толпой. Корейцы жаловались мнѣ на японца, и говорили, что это не первый случай и что вообще японцы съ ними ужасно жестоки. И это было въ Кореѣ!

Возмущенный этимъ, я послалъ переводчика за полиціей, а одного изъ товарищей попросилъ сходить къ англійскому консулу, такъ какъ русскаго здѣсь не было.

Пришелъ полицейскій, смотрю, тоже японецъ.

— Въ чемъ здѣсь дѣло? — спрашиваетъ.

— Да вотъ здѣшній хозяинъ ударилъ и ранилъ корейца, такъ надо составить протоколъ.

— А какое вамъ дѣло до этого?

— Какъ какое дѣло, когда я вижу, что человѣка чуть не убили?

— Здѣсь дѣло вышло между японцемъ и корейцемъ, а вы русскіе, и потому не имѣете права вмѣшиваться.

Англійскій консулъ такъ же рекомендовалъ оставить это дѣло, если мы не хотимъ получить непріятностей.

Другой подобный случай былъ съ нами въ Кореѣ же въ гор. Цинамно.

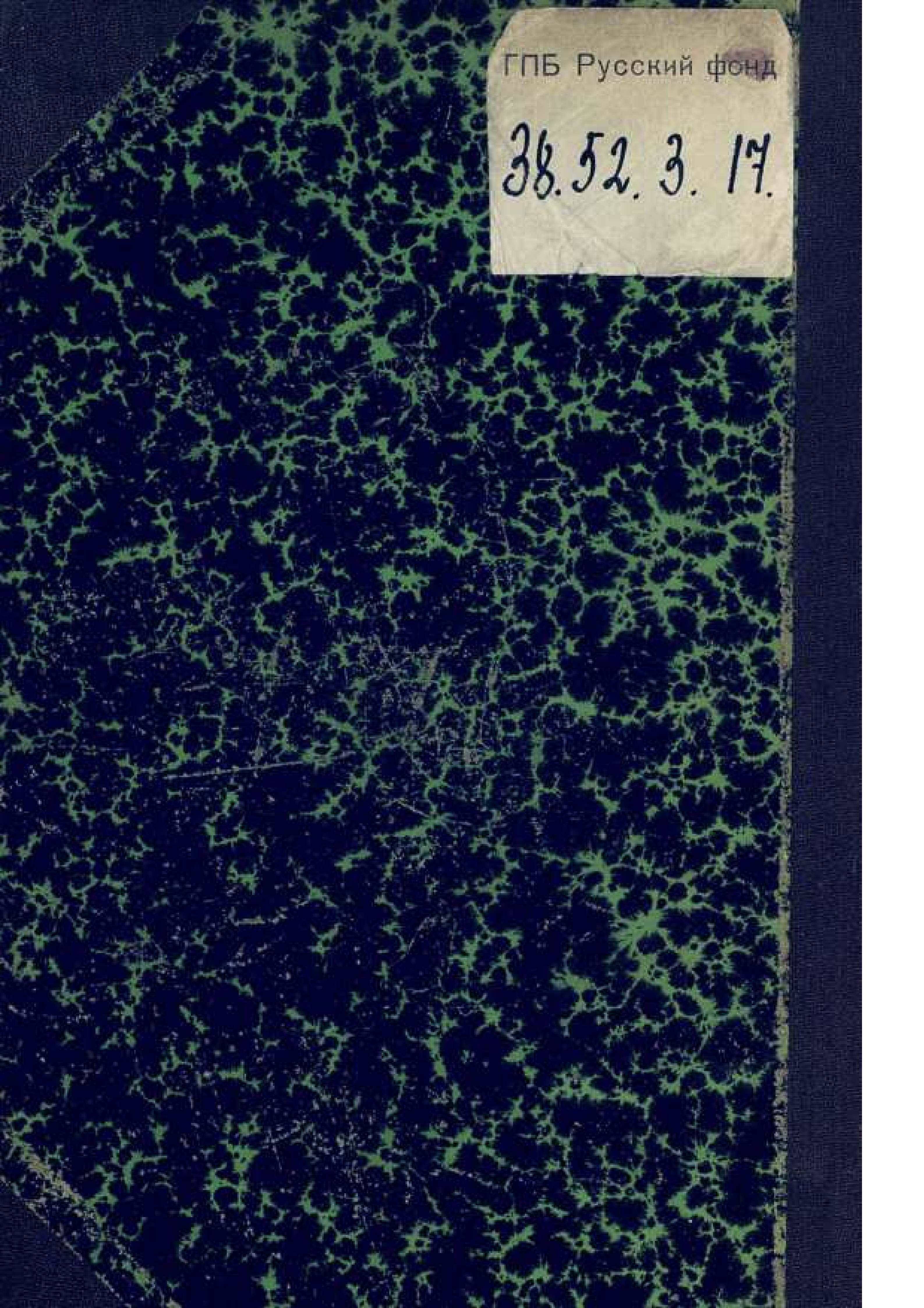
Окончивъ экспедицію по Кореѣ, мы перевозили нашъ багажъ на пароходъ. Всѣ уже были на берегу, но одинъ изъ нашихъ рабочихъ незамѣтно для насъ напился пьянъ и остался въ городѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ приходитъ на берегъ весь израненный. Ладонь руки перерѣзана пополамъ, черезъ весь лобъ идетъ шрамъ, на плечѣ черезъ разрѣзанный полушубокъ сочится кровь. Обливаясь кровью онъ объясняетъ, что набуянилъ на улицѣ и разбилъ окно въ домѣ японца. Тогда на него наки-

нулась цѣлая толпа японцевъ съ ножами и если-бы онъ не былъ очень великъ и силенъ, его бы навѣрно убили. Вотъ картинки нравовъ. Но что же спрашивать съ народа молодого, который еще такъ недавно былъ дикимъ, некультурнымъ, когда въ другихъ странахъ кичащихся своей вѣковой культурой, встрѣчаются и еще худшія звѣрства?

Какъ бы то ни было, а, уѣзжая изъ Японіи, чувствуешь какую-то грусть; стоишь на палубѣ, смотришь и не можешь оторвать взора отъ этихъ чудныхъ острововъ, мало по малу исчезающихъ въ лазурной дали.

Цѣна 1 рубль.

ГПБ Русский фонд
38.52.3.17.